

ЛЕОПА АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
КРИЗИСА

Красноярск – 2011

СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.....	17
1.1. Сущность, содержание и структура исторического сознания.	17
1.2. Особенности проявления исторического сознания в условиях социокультурного кризиса.....	47
1.3. Факторы, обуславливающие возрастание роли исторического сознания в переломные периоды общественного развития.....	62
Глава 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА В СССР (РОССИИ).....	82
2.1. Социокультурный кризис в СССР (России) в конце XX – начале XXI вв.: сущность, особенности, причины.....	82
2.2. Трансформация исторического сознания в переходный период отечественной истории.....	102
2.3. Социокультурный кризис и кризис исторического сознания: диалектическая взаимосвязь, пути преодоления.....	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	160

ВВЕДЕНИЕ.

В настоящее время Российское общество переживает один из самых ответственных периодов в своей истории. Сегодня происходят грандиозные политические, экономические, социальные и культурные перемены: идет становление правового государства, формируются новые отношения собственности, государственные и политические институты, формируется новая духовная культура. Однако, вступив в новое тысячелетие, общество не имеет четко обозначенного, научно обоснованного курса дальнейшего развития. До сегодняшнего дня руководство страны не выработало конкретной стратегии и тактики по преодолению системного кризиса российского общества. Не способствуют стабилизации обстановки в обществе и социально-экономические проблемы, духовное неблагополучие нации, сформировавшийся культ наживы и потребительства, межнациональные конфликты. Общий кризис социальной системы, динамика переходного периода вызывают коренные изменения в общественном и индивидуальном сознании, в мировоззрении людей, усугубляют раскол общества, затрудняют социальную адаптацию личности к современной объективной реальности, ведут к потере исторической памяти, своего прошлого. Сложившиеся в российском обществе ситуация настоятельно требует от каждого человека уяснить социально – психологический, ценностный смысл исторического процесса, осмыслить характер преобразований в российском обществе. Это осмысление невозможно без всестороннего анализа социопознавательной деятельности общества как субъекта истории, без рассмотрения генетической связи исторического прошлого с историческим настоящим и прогнозируемым будущим.

Системный кризис социума, динамика перехода настоятельно требует выработки новой мировоззренческой парадигмы, коренного пересмотра критериев оценки узловых проблем социальной философии и философии истории. Вследствие этого, исследование проблемы формирования и развития исторического сознания, его трансформации в современных российских условиях в конкретно-историческом и социально-философском аспекте, позволяет

выработать новые подходы к решению целого ряда актуальных и многозначимых задач, выдвигаемых на передний план современной социальной практикой.

Системный кризис современного российского общества повлек за собой упадок духовной культуры, потерю нравственных ориентиров и интеллектуальную деградацию. Для преодоления этого негативного процесса возникает настоятельная потребность заново обратиться к изучению историко-культурных, философских и научных достижений прошлого, по - новому осмыслить проблему сущности и специфики формирования исторического сознания населения страны, её трансформацию и актуализацию, в такой связи с современной социальной проблематикой. Исследование социальных процессов на историко-философском, культурологическом и историософском материале дает возможность открыть новые подходы к анализу современной обстановки в стране и за рубежом, четкого определения каждым индивидом своего места и роли в новом обществе.

Таким образом, в условиях социокультурного кризиса историческое сознание должно выступить в качестве одного из факторов социальной стабильности, выполняющего функции интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов. В переходный период отечественной истории оно призвано дать анализ исторического опыта, учесть уроки и ошибки прошлого, пересмотреть многие устоявшие концепции,

В то же время историческое сознание под влиянием социокультурного кризиса само оказалось существенно деформированным, противоречивым. Прежнее нормативное знание глубоко разрушено, новое - еще не сформировалось. Его состояние усугубляется влиянием различных политических партий и движений, стремящихся использовать историческое сознание для легитимизации своего существования во времени и пространстве. Более того, историческое сознание стало грозным оружием в политической межнациональной борьбе. Все это выдвигает задачу дальнейшего исследования такого феномена как историческое сознание, его многоуровневого содержания, особенностей проявления в переходный период, его актуализации, путей

реабилитации исторического сознания современного российского общества.

В советский период отечественной истории понятие и сущность исторического сознания были разработаны философской и исторической наукой относительно слабо. Впервые философы и историки обратились к этой теме в конце 60-х г.г. Единственная работа, вышедшая в то время, принадлежит Ю.А. Леваде.¹ И лишь в конце 70 - начале 80-х г.г. появляются публикации, научные труды по вопросам исторического сознания.² Авторы этих работ концентрируют внимание в основном на гносеологической природе изучаемого феномена, на его взаимосвязи с исторической наукой, закономерностях формирования и генезиса, на социальной природе исторического сознания. В своем исследовании О.Ф. Гаврилов³ рассматривает историческое сознание как предмет логико-гносеологического и философско-социологического анализа, впервые делает попытку дать понятие историческому сознанию как совокупности продуктов духовной активности субъекта современной практики по овладению прошлым, выступающих необходимым условием установления устойчивых связей между историческими периодами развивающейся действительности.⁴ Значительное место в своей работе автор уделил раскрытию социальных функций исторического сознания. В целом, в советский период было создано обобщающее методологическое исследование. В этот период

¹ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод// Философские проблемы исторической науки. - М., 1969. - С. 184-224.

² Самиев А.Х. Структура исторического сознания: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. - М., 1978; Рейзман Я.В. Об изучении взаимосвязей исторического сознания и образа жизни// Диалектика интернационального и национального в культуре и образе жизни социалистического общества. - М., 1982. - С. 68-72; Гулыга А.В. историческое сознание// Тезисы докладов межвузовской научной конференции «Современные проблемы философии истории». - Тарту, 1979. - С. 16-18; Барг М.А. историческое сознание как проблема историографии// Вопросы философии. - 1982. - № 12. - С. 49-66. Бобров М.Я. Методологические основы исследования законов истории и исторического сознания. - Барнаул, 1984; Комиссаров Г.В. Проблемы генезиса исторического сознания в философской и исторической науке// Тезисы докладов XII Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», Марксистско-ленинская философия и научный коммунизм /10-12 апреля 1984 года, Новосибирск/. - Новосибирск, 1984. - С. 43-44; Ширманова М.Ю. Историческое сознание общества /философский анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - Ростов-на-Дону, 1983; Либиг Ю. Историческое сознание как предмет философского исследования: Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1983.

³ Гаврилов О.Ф. Историческое сознание и его социальные функции /методологический анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - Томск, 1986.

анализ исторического сознания шел в основном на общефилософском уровне.

Начиная с 1987 г. для отечественной философской мысли было характерным, во-первых, постановка проблемы формирования исторического сознания в документах КПСС как составной части идеологического обеспечения перестройки.⁵ Решения партийных органов повернули внимание политических деятелей, философов, историков, публицистов в сторону исторического сознания. В это время в средствах массовой информации появляются статьи, брошюры, философские и исторические работы, в которых предпринимается попытка выявить общие тенденции сложного процесса перестройки исторической и историко-партийной науки, раскрыть позитивные и негативные стороны накопленного опыта и непреодоленные трудности.

В работе Н.Р. Андрухова была поднята тема воспитания истории.⁶ Работа содержит немало верных положений о необходимости восстановления правды истории. Подчеркнув, что выработка у населения широкого исторического сознания, понимания общего хода истории является одним из кардинальных условий ускорения развития страны, перестройки, автор высказывает ряд предложений по практической реализации этой задачи - создание обществ любителей истории, формирование на кафедрах вузов, в техникумах, ПТУ учебных заведений среднего профессионального образования и школах общественных научно-исторических центров исторического образования и воспитания молодежи, привлечение к формированию исторического сознания населения пропагандистов, лекторов и агитаторов.⁷

Проблема формирования массового исторического сознания затрагивалась в работе В.И. Минайлова.⁸ Для формирования соответствующего

⁴ См.: Там же. - С. 48.

⁵ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. - М.: Политиздат, 1987. - С. 61; Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня - 1 июля 1988 г. - М.: Политиздат, 1988. - С.23, 82-86; Перестройка работы партии - важнейшая ключевая задача дня: Совещ. в ЦК КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, 18 июля 1989 г. - М.: Политиздат, 1989. - С. 28-31.

⁶ См.: Андрухов Н.Р. Идеологическая работа - фактор ускорения и перестройки. - М.: Знание, 1988.

⁷ См.: Там же. - С. 63-64.

⁸ См.: Минайлов В.И. Утверждать великие традиции большевизма. - М.: Наука, 1988.

современным реалиям сознания людей, действительно, как это показано в брошюре, немалое значение имеет воспитание на революционных традициях прошлого. Но сложный процесс утверждения традиций фактически сводился автором к перечислению только положительного опыта.

С 1990 г. ряд авторов публикаций начинают признавать кризисное состояние исторической науки и на этой основе поднимать проблему пересмотра многих устоявшихся концепций.⁹ В то же время историки пришли к выводу, что отказаться от стереотипов и догм - дело трудное, требующее определенного времени, достоверных фактов.¹⁰

Особого внимания заслуживает статья член-корреспондента АН СССР Ю. Полякова «Познание прошлого: преодолен ли застой?». ¹¹ В ней автор подводит итоги 3-х летнего опыта перестройки исторической науки. Справедливо заметив, что в небывало быстром возрождении интереса к истории велика заслуга публицистов, Ю. Поляков показывает положительные стороны процесса познания истории: появилась раскованность в высказывании мнений, возникла множественность позиций, подходов, оценок; осуществлена на научной документальной основе реабилитация жертв основных судебных и несудебных расправ 20-30-х г.г. Опубликованы многие, ранее недоступные, документы. Контурно обрисованы биографии многих деятелей советской истории, в исторической науке утверждается плюрализм. В то же время автор отмечает и негативные тенденции в освещении прошлого, которые проявились в рождении новых стереотипов, в погоне за сенсациями, в одиозности, легковесном отношении к прошлому, недостаточная аргументированность при выдвигании новых проблем, недостаточная архивная подпитка, дискуссионная запальчивость, преобладание эмоций над разумом.¹² Особую озабоченность

⁹ См.: Федулин А.А. Новый этап развития исторического знания// Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 6. - С. 127; Поляков Ю. Познание прошлого: преодолен ли застой? Заметки историка// Коммунист. - 1990. - № 15. - С. 42-47.

¹⁰ См.: Федулин А.А. Новый этап развития исторического знания. - С. 127.

¹¹ Поляков Ю. Познание прошлого: преодолен ли застой?// Коммунист. - 1990. - № 5. - С. 74-77.

¹² См.: Там же. - С. 43.

высказывает И. Поляков, а также автор другой статьи А.С. Капто¹³ чрезмерной политизацией исторической науки. В то же время, если первый автор считает, что история должна быть вне политики,¹⁴ то второй признается, «положа руку на сердце», что ему «не доводилось держать в руках ни одного исторического исследования, которое можно было бы назвать «деидеологизированным»».¹⁵

В свете решений компартии формулируются задачи исторической науки по формированию основных представлений об истории, в первую очередь, советского периода.¹⁶ Причем, если в 1987 г. задача ставилась абстрактно - писать историю по-новому, очистить ее от искажений, замалчиваний и комментаторства,¹⁷ то в следующем, 1988г. в целях повышения роли исторической науки в формировании исторического сознания населения перед ней выдвигались ряд задач более конкретных - восстановить в памяти народа имена людей, незаслуженно забытых,¹⁸ преодолеть стереотипы в общественном сознании.¹⁹

Затем появились задачи более обобщенного характера - повысить теоретический уровень исследований и, наконец, разработать новую концепцию истории, совершенствовать методологию исследований.²⁰

Начиная с 1987 г. общественная мысль все чаще и чаще стала обращаться к теории исторического сознания, исследованию его как феномена, проблеме

¹³ Капто А.С. Историческая наука и формирование исторического сознания// Вопросы истории КПСС. - 1989. - № 11. - С. 20-34.

¹⁴ См.: Поляков Ю. Познание прошлого: преодолен ли застой? - С. 47.

¹⁵ Капто А.С. Историческая наука и формирование исторического сознания// Вопросы истории КПСС. - 1989. - № 11. - С. 27.

¹⁶ См.: Минайлов В.И. Утверждать великие традиции большевизма. - М.: Знание, 1988. - С. 43. Горбачев М.С. О практической работе по реализации решения Всесоюзной партийной конференции// Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. - М.: Политиздат, 1988 г. - С. 34; Андрухов Н.Р. Идеологической работе - фактор ускорения и перестройки: Об историческом пути КПСС в свете нового мышления// Вопросы истории КПСС. - 1988. - № 9. - С. 3. Козлов В.А. Вопросы перестройки историко-партийной науки// Там же. - 1988. - № 9. - С. 154-159; Капто А. Углубить перестройку политической учебы// Политическое самообразование. - 1989. - № 13. - С. 12-20; Он же. Историческая наука и формирование исторического сознания// Вопросы истории КПСС. - 1989. - № 11. - С. 20-34; Идеологические проблемы перестройки// Коммунист. - 1988. - № 18. - С. 3-22.

¹⁷ См.: Козлов В.А. Историк и перестройка// Вопросы истории КПСС. - 1987. - № 5. - С. 111.

¹⁸ Минайлов В.И. Утверждать великие традиции большевизма. - С. 47.

¹⁹ Идеологические проблемы перестройки. «Круглый стол» журнала «Коммунист»// Коммунист. - 1988. - № 7. - С. 6.

проявления исторического сознания в переходный период отечественной истории.

В первых публикациях на эту тему показывалась лишь необходимость и значимость формирования исторического сознания советских людей, взаимосвязь исторического сознания и исторической правды.²¹

В то же время предпринимается попытка выделить уровни исторического сознания, К.В. Гусев выделяет два его уровня - первый уровень - историческое сознание, выраженное в обычаях и традициях, в исторических памятниках, в литературе и искусстве.²²

На этом уровне, по его убеждению, историческое сознание не включает систематизированных знаний. В другом месте К.В. Гусев называет этот уровень исторического сознания стихийным.²³

Под вторым уровнем исторического сознания К.В. Гусев подразумевает историческое сознание, опирающееся на исторические знания.²⁴

В конце своих рассуждений автор дает определение историческому сознанию как знанию и представлениям о пройденном пути и цели движения.²⁵ Исторический опыт, согласно точке зрения Гусева, это концентрированное выражение социальной практики, это исторический факт, испытанный и осмысленный людьми.²⁶ Однако вряд ли можно согласиться с автором названной статьи в том, что поскольку историческое сознание является ресурсом общества, то оно не должно быть подвластно ни партиям, ни религиям. Анализу феномена исторической памяти было уделено достаточно времени на встрече за «круглым столом», проведенной редакцией журнала «Коммунист» в 1990 г. Содержание этого феномена главный

²⁰ См.: Там же. – С. 6.

²¹ См.: Андрухов Н.Р. Идеологическая работа – фактор ускорения и перестройки – С. 63; О чем говорят и пишут историки /По материалам научных конференций и семинаров/. – М.: Знание. – С. 8,11.

²² Гусев К.В. Перестройка и формирование общественного сознания// О чем говорят и пишут историки. – С. 9.

²³ См.: Там же. – С. 10.

²⁴ См.: Там же.

²⁵ Гусев К.В. Перестройка и формирование общественного сознания// О чем говорят и пишут историки. – С. 10.

²⁶ См.: Там же. – С. 15-16.

редактор журнала «Коммунист» Н. Биккенин сводит к триаде: прошлое, настоящее и будущее.²⁷

Проблему формирования исторического сознания в контексте нового курса «Политическая история СССР» рассматривает Н.Н. Маслов.²⁸ Представляя историческое сознание как одну из форм общественного сознания, автор брошюры предпринимает попытку раскрыть его понятие, сущность. Главными компонентами исторического сознания Н.Н. Маслов считает знание истории, исторический опыт и вытекающие из опыта уроки истории, социальное прогнозирование.²⁹ Как феномен духовной жизни рассматривает историческое сознание А.Н. Латышев,³⁰ однако в интересующем нас аспекте он исследует лишь специфику исторического сознания, поскольку целью своего исследования он ставит анализ основных закономерностей взаимосвязи и взаимовлияния национального и религиозного компонентов исторического сознания.

Таким образом, говоря в целом об особенностях постановки проблемы исторического сознания первого периода, следует отметить, что материалы, публикуемые в периодической печати отражали не только позитивные перемены, происходившие в философской и исторической науках в целом, но и непреодоленные трудности, многим из публикаций были присущи прежде всего отсутствие анализа общественных процессов во всей сложности и противоречивости их развития на практике. Особенностью философской и исторической литературы рассматриваемого периода был и тот факт, что новые подходы к изучению актуальной темы находили отражение, как правило, не в монографических работах, а в выступлениях философов, историков и публицистов в периодической печати, что является закономерностью на переломных этапах развития общества.

²⁷ См.: Историческая память обновляющегося общества// Коммунист. – 1990. – № 18. – С. 7.

²⁸ См.: Маслов Н.Н. Политическая история СССР: предмет, содержание, задачи. – М.: Знание, 1997.

²⁹ См.: Там же. – С. 15-16.

³⁰ См.: Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: Дис. ...канд. филос. наук. – М., 1991.

Таким образом, рассматриваемый период создал свой фонд философской и исторической литературы, который отразил определенные тенденции в условиях происходящей ломки старой парадигмы исторического сознания.

Постперестроенный период в изучении проблемы исторического сознания характерен появлением фундаментальных трудов по различным аспектам исторического сознания. Всю философскую литературу, в которой ставятся и решаются вопросы, связанные с понятием и различными сторонами функционирования исторического сознания, можно условно разделить на три группы:

1. Работы, посвященные общим теоретическим проблемам исторического сознания и отдельным его сторонам;
2. Философская литература о сущности, содержании, структуре социокультурного кризиса, переходного периода, отражающая и характер исторического сознания в этих условиях;
3. Философские труды, рассматривающие непосредственно проблему исторического сознания в переходный период отечественной истории.

К первой группе публикаций следует отнести работы А.Х. Самиева, Н.П. Кириллова, А.И. Панюкова, О.А. Лосевой, Р.А. Каменской, И.Ю. Замчаловой, О.А. Останиной, Е.М. Ковшова, Ю.В. Василенко.³¹ Среди них следует выделить докторскую диссертацию А.Х. Самиева. Значительное место в ней отводится раскрытию объективных предпосылок становления исторического сознания как самосознания общества. Автор рассматривает генезис и основные этапы

³¹ См.: Самиев А.Х. Становление и развитие исторического сознания как самосознания общества: Дис. ...докт. Филос. наук. – М.: 1985; Кириллов Н.П. Массовое как объект социологического анализа: Дис. ...докт. истор. наук. – Томск, 1995; Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/: Дис. ...канд. Филос. наук. – Красноярск, 1995; Лосева О.А. Философско-аксиологический анализ исторического сознания: Дис. ...канд. Филос. наук. – Саратов, 1998; Каменская Р.А. Историческое сознание: Дис. ...канд. Филос. наук. – Волгоград, 1999; Замчалова И.Ю. Теоретико-методологические основания исторических исследований и современная научная парадигма: Дис. ...канд. Филос. наук. – Саратов, 1999; Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании: Дис. ...докт. Филос. наук. – М., 1998; Ковшов Е.М. Социальная рефлексия /Структура, форма и функции/: Дис. ...докт. Филос. наук. – Саратов, 1999; Василенко Ю.В. Соотношение формационной и цивилизационной концепций исторического процесса: Дис. ...канд. Филос. наук. – Пермь, 1999.

развития исторического сознания и дает его определение, как осознание обществом своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим.³²

Данные положения дополняют ранее изданные работы философов и историков по рассматриваемой проблеме. Новым в исследовании А.Х. Самиева является рассмотрение взаимосвязи исторического сознания и духовно-практической жизни общества, раскрытие роли исторического сознания в формировании духовного мира личности.

Структуру массового сознания исследует в своей диссертации Н.П. Кириллов.³³ Рассматривая природу и социальные характеристики массового сознания, он в нем выделяет рациональные, эмоциональные и волевые конструкты, которые проявляются через оценочные суждения, побуждения, стремления и практическое отношение как массовое поведение. В этом, подчеркивает автор, заключается многоуровневое проявление массового сознания.³⁴

Ко второй группе работ можно отнести работы А.М. Миграняна, Л.В. Полякова, Н.И. Лапина, Л.В. Лескова, В.М. Пашинского³⁵ и др. Для данной группы работ, появившихся в первой половине 90-х г.г., характерным является, во-первых, то, что их авторы, признавая состояние российского общества кризисным, еще не исследуют причины этого кризиса с позиций объективизма. Зачастую причины ими видятся в сути социализма,³⁶ перестройка же, по их мнению, наоборот, преодолела отчуждение народа от исторического

³² См.: Самиев А.Х. Становление и развитие исторического сознания как самосознания общества: Дис. ...докт. Филос. наук. – С. 16.

³³ См.: Кириллов Н.П. Массовое сознание как объект социологического анализа: Дис. ...докт. истор. наук. – Томск, 1995.

³⁴ См.: Там же. – С. 101.

³⁵ См.: Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации// Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 29-41; Лесков Л.В. Капитализм в России в свете теории катастроф// Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. С. 150-160; Пашинский В.М. Цикличность в истории России// Полис. – 1994. – № 4. С. 111-124; Мигранян А.М. Россия в поисках идентичности /1985-1995/: /Сб. ст. и очерков/. – М.: Междунар. Отношения, 1997; Поляков Л.В. Как Россия нас обустроивает. Избр. социал. – философ. публицистика /Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИНФРА, 1996.

³⁶ См.: Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации// Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 33-34.

самопознания, восстановила историческую правду,³⁷ во-вторых, в них лишь поднимается проблема поиска выхода из кризиса на основе многомерного подхода к истории, поиска детерминант исторических процессов.³⁸ В-третьих, следует отметить, в этих и других работах предпринимается попытка к разработке теории кризисов, их классификации. И, наконец, в данный период времени философы, обществоведы только начинают подходить к пониманию кризиса российского общества как следствия перестроечных и постперестроечных реформ. Наглядную картину такого «состояния умов» дают материалы «круглого стола», проведенного в 1996 г. и посвященного анализу ситуации неустойчивости, исчерпанности прежних парадигм внешних и внутренних взаимодействий, в которых пребывала в то время Россия и перспективы ее политического, экономического, социального и духовного развития.³⁹

Философские исследования второй половины 90-х г.г. уже усматривают причины кризиса в самом характере реформ Горбачева и Ельцина, на основе анализа ситуации во всех сферах общественной жизни обосновывается тот факт, что Россия вплотную подошла к той черте, выход за которую означает деградацию важнейших сфер жизнедеятельности.⁴⁰ К концу рассматриваемого периода появляются более глубокие исследования данной проблемы. В ряду научных трудов, посвященных данной теме, следует выделить диссертации П.Г. Лощилова, Г.И. Аверладзе, И.Г. Багно, О.М. Штомпеля.⁴¹

Прослеживая переходные процессы в современной России, И.Г. Багно

³⁷ См.: Там же. – С. 35.

³⁸ См.: Лесков Л.В. Капитализм в России в свете теории катастроф// Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 154. Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации// Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 35.

³⁹ Россия в условиях стратегической нестабильности /материалы «круглого стола»// Вопросы философии. – 1995. – № 9. – С. 3-42.

⁴⁰ Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная катастрофа// Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 3-12.

⁴¹ Багно И.Г. Социокультурный подход в исследовании переходных процессов в современной России: Дис. ...канд. филос. наук. – Омск, 1998; Аверладзе Г.Ш. Национальная идея как феномен российской политической культуры: Дис. ...канд. Филос. наук. – Ставрополь, 1999; Штомпель О.М. Социокультурный кризис /Теория и методология исследования проблемы/: Дис. ...докт. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 1999; Лощилов П.Г. Формирование общенациональных ценностей и идеологических ориентиров современной России: проблемы и основные тенденции: Дис. ...канд. полит.

анализирует главные методологические трудности при их исследовании. Одним из первых приходит к выводу о необходимости сочетания двух методологических подходов - формационного и цивилизационного.⁴² Особое внимание автор уделяет процессу трансформации ценностей в кризисные, переломные эпохи, в том числе национально - культурных ценностей, выдвигая в качестве главной идею общей судьбы. Одной из важных проблем И.Г. Багно исследует проблему трансформации цивилизационного комплекса при смене циклов цивилизационного развития.⁴³

Неоспоримо особый интерес представляет докторская диссертация О.М. Штомпеля. Данное исследование впервые в прямой постановке рассматривает теорию и методологию социокультурного кризиса, его сущностные моменты, социальные, психологические и культурные последствия, такие как утрата безопасности, варваризация и ритуализация общества и человека, кризис идентичности.⁴⁴ Особого внимания заслуживает трёхтомный труд А.С. Ахиезера.⁴⁵ Автор работы взглянул на механизмы социокультурных изменений в истории России через призму становления и смены системы нравственности – от вечевой, соборной и авторитарной, утилитарной и либеральной до её гибридных форм, в частности, «псевдосинкретической», положенной в основу новой российской государственности 1917 года. В книге показано, как попытка общества избавиться от социокультурных противоречий реализуются в сознании и деятельности «расколотой» личности, в массовых процессах. Развиваемая автором теория создаёт методологическую основу для прогнозирования дальнейших путей развития российского общества. Значительное место в работе отводится раскрытию путей выхода из кризиса.

Анализируя третью группу философских работ, следует отметить, что

наук. – Ростов-на-Дону, 2001.

⁴² См.: Багно И.Г. Социокультурный подход в исследовании переходных процессов в современной России: Дис. ...канд. филос. наук. – С. 7.

⁴³ См.: Там же. – С. 72-97.

⁴⁴ См.: Штомпель О.М. Социокультурный кризис /Теория и методология исследования проблемы/: Дис. ...докт. филос. наук. – С. 173-233.

⁴⁵ См.: Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта, в 3-х т.- М.: Изд-во ФОСССР – 1991 г.

автору не удалось обнаружить среди них исследований, целенаправленно рассматривавших проблему исторического сознания в переходный период отечественной истории. Отдельные стороны этого вопроса рассматриваются А.И. Панюковым в контексте исследования проблемы самоорганизации современного исторического сознания.⁴⁶ Здесь автор работы прослеживает распад в перестроечный и постперестроечный период моноплюралистического исторического сознания на самостоятельные подсистемы: фрустрированное сознание, консервативное критическое сознание; национальное почвенное сознание; демократическое космополитическое сознание; демократическое национально-нейтральное сознание; патерналистическое сознание⁴⁷ и др. Показывает такие его особенности как «расколотость», динамизм, противоречивость, политизация.⁴⁸ Другой автор, Р.А. Каменская, рассматривая историческое сознание в контексте российской действительности, выявляет его характерные черты в условиях кризиса - мифологизм, политизация и идеологизация, инверсия ценностей, преобладание психологических моментов над теоретическими, неустойчивость.⁴⁹ На основе анализа сложившейся в обществе ситуации автор другой работы, А.А. Мусаелян, делает вывод о том, что страна отвергла свою почти вековую историю и провалилась в прошлое.⁵⁰

Единственной в своем роде работой, исследующей характер исторического сознания в период смены форм государственности, является исследование В.В. Мелешкина.⁵¹ Однако автор рассматривает историческое сознание не как феномен, а как фактор формирования личности в современной ситуации духовно-нравственного кризиса и общественной деструкции.

⁴⁶ Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/: Дис. ...канд. Филос. наук. - Красноярск, 1995. - С. 94-107.

⁴⁷ См.: Там же. - С. 95.

⁴⁸ См.: Там же. - С. 95-99.

⁴⁹ Каменская Р.А. Историческое сознание: Дис. ...канд. Филос. наук. - Волгоград, 1999; - С. 81, 86, 98, 99.

⁵⁰ Мусаелян А.А. Об историческом сознании современной России// XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса /7-11 июня 1999 г./ - В 2 т. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. - Т. 2. Социальная философия и философия политики. - Ч. 1. - С. 152-153.

⁵¹ См.: Мелешкин В.В. Историческое сознание как фактор формирования личности в ситуации социокультурного кризиса: Дис. ...канд. филос. наук. - Ставрополь, 1998.

Рассматривая историческое сознание через призму социализации личности в современной социальной ситуации, В.В. Мелешкин раскрывает место и роль исторического сознания в системе современных общественных отношений, уделив особое внимание исследованию отношения общественного сознания к общественному бытию, связи исторического сознания с политологией и психологией. В своих исследованиях автор опирается на анализ теоретического и фактологического материала, содержащегося в значительной по объёму философской, исторической, социологической литературе.

В целом, изучив степень изученности исследуемой темы, можно сделать вывод, что до настоящего времени тема исторического сознания, его проявления в переходные периоды истории, в условиях социокультурного кризиса остается еще недостаточно изучена.

ГЛАВА 1. ТЕОРИТЕЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.

1.1. Сущность, содержание и структура исторического сознания.

Сущность, структура и содержание исторического сознания рассматривалась многими исследователями этого феномена как с точки зрения онтологической, так гносеологической и аксиологической. Автор же данной монографии, преследуем главную цель - показать характер исторического сознания в условиях социокультурного кризиса, раскрыть факторы, влияющие на него, соотношение различных форм и уровней исторического сознания, одной из задач выдвигая задачу обобщить и систематизировать теоретические положения и выводы предшественников по проблеме, рассматриваемой в данном параграфе, дать ей философско-социологический анализ.

С данной точки зрения, в первую очередь следует раскрыть сущность исторического сознания. По данному вопросу в философской и исторической науках сложилось два основных концептуальных подхода. (М.А. Барг, А. Н. И. С. Кон, А.Н. Латышев, Ю.Л. Левада, А.В. Гулыга, В.А. Елчанинов, А.И. Панюков, А.И. Ракитов, Г.А. Антипов и др.).⁵²

Сторонники первого подхода, наряду с выделением в составе общественного сознания «классических» форм - политического, правового, художественного, нравственного, религиозного, философского и т.д., связанных с дифференциацией видов социальной деятельности, различают и историческое сознание, вычленяемое в отдельную форму (вид) на том основании, что оно фиксирует не особенные качественно различные институты, структуры и виды деятельности, но аспекты стабильности и изменчивости в их временном бытии. (Г.А. Антипов, М. А. Барг, А.В. Гулыга, В.А. Елчанинов,

⁵² См.: Елчанинов В.А. О содержании и сущности исторического сознания: межвузовский сборник научных трудов. - Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. - С. 3; Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод// Философские проблемы исторической науки. - М.: Наука, 1969, - С. 191; Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/: Дис. ...канд. Филос. наук. - Красноярск, 1995. - С. 42; Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. - М.: Политиздат, 1982. - С.52 и др.

И.С. Кон, А.Н. Латышев, Ю.Л. Левада, А.И. Панюков, А.И. Ракитов и др.). «Историческое сознание, - отмечает один из первых исследователей этого феномена М.А. Барг, - это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени - прошлое, настоящее и будущее».⁵³

На основе определения места исторического сознания в системе общественного сознания как одной из его форм, вышеназванные авторы имеют в целом схожую точку зрения на сущность исторического сознания. И.С. Кон, одним из первых предпринявших попытку решить проблему сущности исторического сознания в отечественной философской литературе в 60-х гг. XX в., определил историческое сознание как «осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим».⁵⁴ В таком же плане дает определение исторического сознания А.Х. Самиев: «Под историческим сознанием мы понимаем осознание обществом (классом, нацией, социальной группой, индивидом) своего прошлого, своего положения во времени, связи своего прошлого с настоящим и будущим».⁵⁵ Эти позиции разделяют Ю.А. Левада, Б.Г. Могильницкий, А.И. Панюков.⁵⁶ С ними, в данном случае, соглашается и И.А. Гобозов. «Историческое сознание, - по его мнению, - есть осмысление народом своего положения во времени, осознание связи настоящего с прошлым и будущим».⁵⁷ И это действительно так. Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего, а настоящее как результат предыдущего развития, оно и будущее воспринимает как проекцию реальных,

⁵³ Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии// Вопросы истории. - 1982. - № 12. - С. 49.

⁵⁴ Кон И.С. Проблемы истории в истории философии// Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Вып. 4. - Томск, 1986. - С. 15.

⁵⁵ Самиев А. Генезис и развитие исторического сознания. - Душанбе: Дионис, 1988. - С. 3.

⁵⁶ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод// Философские проблемы исторической науки. - С. 191; Могильницкий Б.Р. Введение в методологию истории. - М.: Наука, 1989. - С. 124; Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/: Дис. ...канд. Филос. наук. - С. 42.

⁵⁷ Гобозов И.А. Введение в философию истории. - Изд-е 2-е, переработанное и дополненное. - М.: ТЕИС, 1999. - С. 361.

совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшей ступени развития общества. Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены одним субъектом исторического действия - человеком.⁵⁸ Или, говоря словами К. Ясперса, «... наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее».⁵⁹

В то же время, в современной отечественной литературе сущность исторического сознания довольно часто сводят лишь к совокупности накопленных наукой знаний и стихийно возникающих представлений и других явлений духовной сферы, в которых общество воспроизводит, осознает, то есть, запоминает свое прошлое.⁶⁰ С этим вряд ли можно согласиться. При таком подходе к определению исторического сознания оно отождествляется лишь с исторической памятью. Само же понятие «историческая память», по мнению ВЛ. Кромера, понятие довольно многозначное, неопределенное, не строгое и даже не научное.⁶¹ Другой же автор, В. Борисов, исторической памятью называет таинственную способность, потенциально присущую каждому человеку переживать историю как собственную духовную биографию.⁶²

Сторонники второго концепционного подхода в определении сущности исторического сознания, отрицая историческое сознание как одну из форм общественного сознания, предприняли попытку найти место историческому сознанию в системе философско - социологических категорий, не отказываясь от самого понятия и термина. *«Историческое сознание не есть особая*

⁵⁸ См.: Неклесса А.И. Трансмутация истории// Вопросы философии. - 2001. - № 3. - С. 58.

⁵⁹ Ясперс К. О смысле и назначении истории. - М., 1991. - С. 135.

⁶⁰ Афанасьев Ю. Память и история// 50/50: опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. - М.: Прогресс, 1989. - С. 442; История России в вопросах и ответах. Курс лекций. Учебное пособие /Сост. С.А. Кислицын. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. - С. 60; Гензелис В.К. Человек и историческое сознание// Некоторые аспекты философского понимания человека. - Вильнюс: АН Лит.ССР. Ин-т философии, социологии и права. Лит. отделение филос. общ-ва СССР, 1988. - С. 29; Яковлев В.П. Социальное время. - Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1980. - С. 139.

⁶¹ Кромер В.Ф. О карнавализации и генезисе «двойного сознания»// Вопросы философии. - 1991. - № 1. - С. 167.

⁶² См.: Там же. - С. 168.

форма общественного сознания. - Утверждает И.А. Гобозов. **Оно - неотъемлемая часть всех форм общественного сознания».** Анализ философского сознания, например, немислим в отрыве от исследования исторического сознания, поскольку возникновение философии связано с размышлениями человека о природе, обществе и о самом себе. Он задумывался над вопросами окружающего мира и давал на них ответы. Это в свою очередь у нового поколения побуждало интерес к прошлому. Понимая практическую важность идущего из прошлого опыта, люди передавали друг другу то положительное, что накапливалось веками. Так у них формировалось сознание об историческом прошлом, что уже означало начало проявления философского сознания».⁶³ Как одна из важнейших сторон общественного сознания выступает историческое сознание у А.А. Радугина и В.Т. Маклакова.⁶⁴ Обосновывая данный подход к определению места исторического сознания в системе общественного сознания, О.Ф. Гаврилов приводит следующие аргументы: сознание является историческим в силу следующих особенностей:

- а) оно ретроспективно по содержанию, то есть знания и оценки, составляющие историческое сознание, обращены к прошлому;
- б) его формирование осуществляется в процессе взаимодействия субъекта с исторической реальностью, развивающейся во времени от прошлого, через настоящее к будущему;
- в) историческое сознание является своего рода инструментом, с помощью которого устанавливаются связи между временными отрезками развивающейся действительности.⁶⁵

«Следовательно, - делает вывод О.Ф. Гаврилов, - сознание исторично по своему содержанию, принципу формирования и по функциям...».⁶⁶ Определяя историческое сознание как специфическое образование общественного

⁶³ Гобозов И.А. Введение в философию истории. - С. 361.

⁶⁴ См.: История России /Россия в мировой цивилизации/: Учебное пособие для вузов/ Сост. и отв. ред. А.А. Радугин. - М.: Центр, 1998. - С. 16; Маклаков В.Т. Историческое сознание: природа, формы бытования, язык// Историческое познание и современность. - Свердловск: Уральск. науч. Центр, 1987. - С. 30.

⁶⁵ См.: Гаврилов О.Ф. Историческое сознание и его социальные функции /методологический анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - Томск, 1986. - С. 40.

сознания, М.Ю. Ширманов показывает многозначность термина «историческое сознание»:

- термином историческое сознание обозначается мышление познающего действительность субъекта, направленное на объект как природной, так и социальной действительности;
- историческое сознание как метод научного познания «Иначе, - делает вывод автор, - историческим сознанием может быть названа мысль субъекта, познающего объекты действительности, имеющие историю..»;⁶⁷
- следующее значение термина «историческое сознание» связано с характеристикой духовной жизни общества. Оно образуется как применение принципа историзма к исследованию общественного сознания и является модификацией первого значения термина «историческое сознание», означая исторический подход к изучению общественного сознания.⁶⁸

В соответствии с таким определением места исторического сознания в структуре общественного сознания М.Ю. Ширманов определяет сущность исторического сознания как определенного способа отражения действительности в мышлении и проявление этого способа в конкретно-исторических типах общественного сознания, как социально выработанную форму мышления.⁶⁹

В свете вышеизложенного следует заметить, что в отечественной философской мысли присутствует точка зрения, ставящая под сомнение существование исторического сознания как такового. Речь идет о статье «К вопросу об историческом сознании». Ее авторы Г.В. Иващенко и Т.В. Науменко, ссылаясь на отрицание исторического сознания как одной из форм общественного сознания, но определяющие его неотъемлемую часть всех форм общественного сознания, заявляют, что такие попытки не могут поправить

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См.: Ширманова М.Ю. Историческое сознание общества /философский анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - Ростов-на-Дону, 1983. - С. 15.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См.: Ширманова М.Ю. Историческое сознание общества /философский анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 6.

положение дел с логической некорректностью, связанной с введением понятия «историческое сознание» в сложившуюся систему категорий, характеризующих строение общественного сознания.⁷⁰ «В действительности, - утверждают они, - как представляется, никакого «исторического сознания» (ни рядоположенного другим формам общественного сознания, ни как «особой формы» общественного сознания), ни как «неотъемлемой части всех форм общественного сознания» не существует».⁷¹

Рассмотрев основные концептуальные подходы в определении места исторического сознания в структуре общественного сознания и его сущности, а так же особую точку зрения на этот счет, следует отметить, что между ними нет никакого противоречия, как это представлялось ранее, а особая точка зрения, на наш взгляд, не имеет под собой основания. Суть здесь заключается в том, что историческое сознание - это сложное и многогранное явление общественной жизни. Его нельзя изучать и раскрывать его сущность в каком-либо одном аспекте или плане, как нельзя, скажем, дать характеристику пространству, пользуясь одним измерением. Здесь важным методологическим принципом должна служить многоплановость подхода к изучению исторического сознания, определяемая многообразием связей и отношений данного феномена с другими формами общественного сознания, в чем, в частности, проявляется его целостность. Следовательно, сторонники обоих концептуальных подходов раскрывают разные стороны, разные грани феномена исторического сознания. Другое дело, что принцип многоплановости в исследовании исторического сознания еще не нашел достаточного места в философской и исторической науках.

В определенной степени эта проблема была осмыслена вслед за А.М. Гендиным А.И. Панюковым. В этом отношении представляется ценным рассмотрение им исторического сознания в узком и широком смысле этого слова, в которых отражены два концептуальных подхода к определению сущности исторического сознания и его места в системе общественного

⁷⁰ См.: Историческая наука. Проблемы методологии. - М., 1986. - С. 96.

сознания. В узком смысле - это есть собственно историческое сознание как отражение прошлого в общественном сознании, как социальная память на различных уровнях и в различных формах (теоретическое, обыденное сознание, общественная психология). Это не особая форма общественного сознания, а временный срез всех форм общественного сознания, существующий наряду с другими временными срезами - презентистским (постижение настоящего) и прогностическим.

В широком смысле историческое сознание, правомерно рассматривать в качестве специфической формы общественного сознания, воспроизводящей и реализующей связь времен и поколений, преемственности в историческом процессе, несущей эстафету поколений. Это отражение историчности исторического процесса, единства, изменчивости и преемственности в развитии общества, воплощение в идеальной форме соотношения прошлого - настоящего и будущего.⁷²

В целом же проблема специфики исторического сознания, взаимовлияния исторического сознания и других форм общественного сознания еще недостаточно разработана.

Рассматривая проблему сущности исторического сознания, нельзя не рассмотреть вопрос о его субъектах, поскольку понятие «субъект» конкретизирует понятие «сознание», соотнося с ним знание, достигаемое сознанием в самых разные его проекциях. Вопрос о субъектах исторического сознания является единственным, в котором все исследователи единодушны. К субъектам исторического сознания они относят социальные общности людей и отдельных индивидов.⁷³

«Субъект, - это источник целенаправленной активности, носитель предметно - практической деятельности, оценки и познания. Субъектом

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /Методологический анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - С.43.

⁷³ См.: Гаврилов О.Ф. Историческое сознание и его социальные функции /Методологический анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 51; Ширманова М.Ю. Историческое сознание общества /философский анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 48 и др.

исторического сознания признается «каждый, культурно развитый человек»,⁷⁴ а так же классы, нации, социальные группы.⁷⁵ «Необходимо отметить, - пишет Р.А. Каменская, - что как индивид, так и общество в целом, являясь субъектами исторического сознания, оказывают активное воздействие на объект исторического сознания - социальное прошлое».⁷⁶

Важной проблемой при дальнейшем исследовании исторического сознания в условиях переходного периода является проблема его содержания. Под содержанием ряд исследователей понимают все на данный момент прошлое в его связи с настоящим и будущим. «Но поскольку всегда реальное прошлое будет шире, детальнее, конкретнее тех моментов исторической действительности, к которым обращено и на который замыкается историческое сознание общества группы, или личности, - подчеркивает А.Н. Латышев, - то, как нам представляется, содержанием исторического сознания следует считать только ту прошлую действительность, (опять-таки в ее связи с настоящим и будущим), необходимость осознания которой вызывается практическими потребностями человека и общества и закрепляется в сознании в результате соответствующих мыслительных актов».⁷⁷ Таким образом, к содержанию исторического сознания нельзя отнести все прошлое, а лишь то, к которому обращается общество, индивид в интересах решения сегодняшних и завтрашних проблем. Историческое сознание обнаруживает относительно развитую структуру, понимаемую как совокупность тех устойчивых связей между его компонентами, которые обеспечивают его целостность и тождественность самому себе. В пределах этой совокупности рассматривают обычно целый блок родственных понятий, которые связаны друг с другом. К

⁷⁴ Яковлев В.П. Историческая наука и историческое сознание// Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Серия общественные науки. Вып. 4. - Ростов-на-Дону, 1978. - С. 48.

⁷⁵ См.: Анисимов И.И. Историческое сознание как феномен культуры /к постановке проблемы/ //Сознание и диалектика познания: Межвузовский сборник научных трудов. - Иваново: Изд-во ИГУ, 1986. - С. 115.

⁷⁶ Каменская Р.А. Историческое созидание: Дис. ...канд. филос. наук. -Волгоград, 1999. - С. 18.

⁷⁷ См.: Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1991. - С. 30.

ним относят историческое знание, познание, мышление, опыт, реконструкцию исторических фактов, осознание законов исторического прошлого, социальное предвидение, осмысление современности.⁷⁸

В соответствии с представлениями ряда исследователей структура исторического сознания, как нам представляется, включает в себя познание как процесс получения исторического знания. Основу же исторического сознания составляют исторические знания. Знание истории является ключевой предпосылкой всякого осмысления и истолкования социального опыта. Каждая социальная и национальная общность обладает определенным кругом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, деятелях прошлого, о соотношении своей истории с историей других народов и всего человеческого общества. Именно история дает конкретное представление о живой связи времен, позволяет оценить значение настоящего и будущего. Еще древнеримский историк Тит Ливий отмечал: « В том и состоит главная польза и лучший исход знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамление величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же - чего избегать; бесславные начала, бесславные концы».⁷⁹ Расцвет и крушение великих цивилизаций, гений созидательной деятельности людей и беспощадное разрушение войны, взлеты человеческой доблести, чести и низость порока, кипение народных страстей и затхлость застойных времен, мудрость политиков и их несостоятельность - все это образует живое полотно истории, которое обладает огромным воспитательным потенциалом и является важным фактором формирования сознания общества.

В диалектическом соотношении исторического знания и исторического сознания первая категория выступает основополагающей. «Историческая

⁷⁸ Там же. - С. 30-31.

⁷⁹ См.: Каменская Р.А. Историческое сознание: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 19; Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 34; Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/. - С. 4; Анисимов И.И. Историческое сознание как феномен культуры. - С. 111 и др.

память, - отмечает А.С. Капто - это необходимое условие самопознания народа, его душа, в ней - выношенные в веках идеалы будущего. Интерес к истории всегда отражает потребность человека проникнуть в смысл бытия, и только такой путь ведет к человеку духовному».

Вместе с тем, на характер исторического знания во все времена оказывали влияние идеологические процессы. Идеологическая деятельность не только наполняла общественное развитие богатейшими нюансами и оттенками человеческих борений, обогащала исторический процесс живым пульсированием человеческой мысли, но и существенно влияла на саму историю общества. Образцы прошлого формируют ценностные установки настоящего, поэтому сфера исторического сознания всегда выступает ареной борьбы за умы людей. И заявления в наши дни о необходимости «деидеологизации» исторического познания, на наш взгляд, являются несостоятельными. Даже первые русские летописи, относящиеся к XI в., глубоко идеологичны. В XVIII-XIX вв., когда возникла историческая наука в современном понимании этого слова, едва ли не все корифеи исторической мысли не только не находили нужным скрывать свои идейно-политические устремления, но и рассматривали историю как орудие их пропаганды. В период петровских преобразований древняя российская история дышала стариной и традицией, а на дворе стояла эпоха, которая старину и традицию отрицала. Пафос преобразований зиждился на разрыве с традицией, на отталкивании от прошлого, и при обращении к этому прошлому очень трудно было соединить порвавшуюся связь времен. «Синописис» Иннокентия Гизеля уже не удовлетворял запросов петровского времени. Петр I счел необходимым составить новое учебное пособие. Еще при его жизни были написаны многочисленные труды, посвященные современности: «Рассуждения о причинах Свейской войны» Шафирова, «История императора Петра Великого» Ф. Прокоповича и др., они, получив одобрение императора, издавались большими тиражами и становились феноменом культурно - исторического развития.

Во времена Елизаветы Петровны острая идейная борьба разгорелась

между историком Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым. Главным расхождением в их споре была позиция Ломоносова. «Он хочет, - заявлял Миллер, - чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе».⁸⁰ Частая смена теоретических построений историографии свидетельствовала отнюдь не о «деидеологизации», как это нередко стремятся представить, а скорее, об ограниченности и нежизнеспособности многих концептуальных схем, не выдержавших проверку временем.

Историческое сознание нацелено на события истории, которые выступают для нас не просто как предмет абстрактно - историсофского интереса, и не как объект только уважения, поклонения, но и как воплощение некоторых актуальных, жизненных проблем, требующих от каждого личного участия в их решении, то есть проблем экзистенциального плана. Иными словами, функционирование исторического сознания не сводится к исполнению задач информативного или, скажем, эпически - повествовательного характера, напротив, - оно всегда отягощено задачами оценочного порядка, задачами выяснения значений, смысла происходящего для нашего сегодняшнего бытия. То есть, прошлое для нас - это инобытие наших сегодняшних проблем. Следовательно, историческое сознание не ограничивается знанием фактов истории. Важными ее компонентами являются также обобщенный исторический опыт как совокупность знаний и умений, приобретённых на основе и в процессе непосредственного практического взаимодействия индивида с внешним миром, и вытекающие из него уроки истории. В историческом уроке огромное значение приобретает осмысление прошлого в связи с потребностями и возможностями современности и будущего, которых не существовало в прошлом.

Иначе говоря, развитое историческое сознание предполагает ощущение связи времен, слитности и неразрывности прошлого - настоящего - будущего, как единой череды сменяющих друг друга поколений, цепи взаимосвязанных

⁸⁰ Цит. по: Володина Т.А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии// Вопросы истории. - 2000. - № 11-12. - С. 7.

(генетически и причинно) событий и, следовательно, понимание исторической ответственности общества в целом и каждого его отдельного члена за свои действия перед памятью предков и судом потомков. «Прошлое, - по словам В.М. Межуева,- существует не как самодостаточная и лишь для себя значимая реальность, а как момент (этап, ступень) целостной истории, включающей в себя настоящее и будущее».⁸¹ Таким образом, исторический опыт и вытекающие из него уроки истории возникают из попыток найти в прошлом образцы для подражания (позитивный опыт) или способ избежать допущенные ошибки (негативный опыт), определить оптимальные для общества методы решения социальных задач, аналогичных тем, которые уже решались в истории. (Уроки истории).

В то же время по поводу исторического опыта и уроков истории хотелось бы отметить одно печальное обстоятельство: о них много говорят, часто на них ссылаются, но крайне редко им следуют.

Правда, еще Гегель в «Лекции по философии истории» утверждал: история учит, «что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно урокам», которые можно было бы извлечь. Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней».⁸²

Очень хорошо ответил на вышеприведенное высказывание Гегеля русский историк В.О. Ключевский: «Если это даже правда (то, что история никогда никого ничему не научила. - А.Л.), истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ее, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней».⁸³

⁸¹ Межуев В.М. Философия истории и историческая наука// Вопросы философии. - 1994. - № 4. - С.79.

⁸² Гегель. Соч. В. 8 т. - М.-Л., 1935. - Т. 8. - С. 7-8.

⁸³ Ключевский В.О. Соч. В 9 т. - М., 1991. - Т. 9. - С. 307.

Наконец, историческое сознание, по мнению Н.Н. Маслова, и с ним нельзя не согласиться, предполагает в своем содержании момент социального прогнозирования на основе внимательного изучения генезиса и развития реальных общественных процессов и присущих им ведущих тенденций, экстраполируемых в будущее.⁸⁴ Следует подчеркнуть, что такое прогнозирование, если оно осуществляется путем научного, т.е. строго объективного познания исторической действительности, адекватного обобщения исторического опыта и извлечения соответствующих ему уроков истории, не связано с конструированием некоей «утопии», которая всегда представляет собой отрыв от реальности и создание идеальной и в то же время абстрактной социальной схемы. Научное прогнозирование - это, наоборот, выбор оптимальной альтернативы из других тоже возможных в данных конкретных условиях.

Таким образом, если обобщить сказанное, структура исторического сознания является нам как синтез исторического знания, осмысленного исторического опыта, вытекающих из него уроков истории и научного прогноза будущего, с учетом ясного понимания инвариантности прошлого и альтернативности будущего.

В этом смысле историческое сознание - это важнейшее средство и условие научного понимания сущности и форм социального развития в их исторической перспективе, а также научного руководства общественным прогрессом. Для личности оно является одной из важных предпосылок ее адекватного поведения в конкретной исторической ситуации. К содержательной стороне исторического сознания относится и вопрос об его уровнях и формах бытования.

Что касается уровней исторического сознания, то, следует заметить, что здесь не сложилось единого мнения среди исследователей. Так, А.Н. Латышев, А.И. Панюков, Р.А. Каменская, Е.М. Ковшов указывают лишь на два уровня выражения исторического сознания - стихийный (или бытовой) и научно-

⁸⁴ См.: Маслов Н.Н. Политическая история. СССР: предмет, содержание, задачи. -

теоретический.⁸⁵ И.А. Гобозов выделяет уже три уровня исторического сознания. На первом уровне человек непосредственно встречается с историей. «Любой, даже если он не всегда это осознает, сталкивается с историей как через духовную культуру (воспоминания о прошлом, соблюдение традиций, знакомство с исторической литературой и т.д.), так и через материальную культуру (использование переданных прошлыми поколениями производительных сил, изучение памятников архитектуры и т.д.).⁸⁶ На втором уровне, по мнению И.А. Гобозова, «мы имеем дело с собственно историческим сознанием, когда у нас складывается определенная система знаний о прошлом».⁸⁷ На третьем уровне совершается теоретическое осмысление исторического прошлого. Именно на этом уровне начинается формирование самосознания народа. А.А. Радугин ко второму уровню исторического сознания относит историческое сознание, формирующееся под влиянием художественной литературы, кино, радио, телевидения, театра, живописи. На этом уровне, по его мнению, историческое сознание еще не превращается в систематическое знание. И только третья ступень исторического сознания у него формируется на основе собственно исторических знаний.⁸⁸ На четвертой, высшей, ступени формирование исторического сознания происходит на базе всестороннего теоретического осмысления прошлого, на уровне выявления тенденций исторического развития. «На этом уровне исторического сознания, - пишет А.А. Радугин, - предпринимаются попытки объяснить человеческое прошлое во всей его противоречивости и сложности как на конкретно - историческом, так и на теоретическом уровнях. Формирование исторического сознания на теоретическом уровне помогает мыслить историческими категориями, видеть общество в диалектическом развитии, в изменении,

М.: Политиздат, 1991. - С. 14.

⁸⁵ См.: Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 31. Ковшов Е.М. Социальная рефлексия: структура, формы и функции: Дис. ...докт. филос. наук. - Саратов, 1999. - С. 78; Каменская Р.А. Историческое сознание: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 28; Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/. - С. 60.

⁸⁶ См.: Гобозов И.А. Введение в философию истории. - С. 362.

⁸⁷ См.: Там же.

осмысливать исторический процесс в динамике, в хронологической взаимосвязи времен. Носителем этого уровня исторического сознания является историческая наука».⁸⁹

В целом, рассматривая проблему уровней исторического сознания, можно заключить следующее - и И.А. Гобозов, и А.А. Радугин, выделяя четыре уровня исторического сознания, лишь раскладывают стихийный или обыденный его уровень на несколько составляющих. Ведь сущность обыденного сознания заключается в том, что оно есть эмпирическое отражение общественного бытия и повседневной практики индивидов и социальных групп. Оно черпает свои знания и представления об окружающем мире, историческом прошлом и настоящем из многих источников, которыми являются фольклор и устные предания, исторические памятники и символы, художественная литература и средства массовой информации, различные виды искусства, воспоминания. Все они содержат элементы социальной памяти, сохраняя материализованный в предметной и духовной сферах мир прошлого. Именно социальная память, по словам В.В. Устьянцева, «создавая особую информационную среду, вовлекая в информационную деятельность по усвоению информационных потоков прошлого различных социальных субъектов», формирует обыденный уровень исторического сознания.⁹⁰

Научно-теоретическое сознание, в отличие от обыденного сознания использует специально разработанные методы и принципы, благодаря которым обеспечивается особый характер опосредованности теоретического отношения человека к действительности. Научно - теоретическое мышление - рационально, и в плане рациональности оно характеризуется двумя чертами - доказательностью и системностью. Источники, используемые научно - теоретическим сознанием более многочисленны и разнообразны. Это не только

⁸⁸ См.: История России /Россия в мировой цивилизации/. - С.18.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Устьянцев В.В. Историческое сознание и социальная память// Исторические воззрения как форма общественного сознания: Материал научной межвузовской конференции/ Саратов, 2-4 июня 1993 г. - Саратов; Изд-во Саратовского гос. тех. ун-та, 1995. - С. 7.

исторические легенды, предания, мемуары, исторические источники охватывают не только результаты человеческой деятельности, но и то, что способствует определению и объяснению человеческой деятельности, естественно - географическую среду и физико - психологические свойства человека.

В структуру исторического сознания входит многообразие форм его проявления как внутренней организации содержания, как способ существования и выражения содержания объекта изучения.

В современной отечественной философии наиболее разработанной является проблема форм исторического сознания с точки зрения предметно - преобразующей и социально - духовной деятельности людей. Эта проблема нашла свое отражение в работе А.И. Панюкова, где автор выделяет в общественной практике следующие формы: мифологию, фольклор, исторические издания предвидение, историческую утопию, художественный образ, научно - теоретические концепции, воспоминания о прошлом и т.д. Каждая из форм исторического сознания обладает своими особенностями, так как специфично отражает ту или иную сторону исторического процесса.⁹¹ У Р.А. Каменской историческое сознание находит свое выражение в формах мифологии, фольклора, летописи, мемуаров научно - теоретической концепции.⁹² М.Ю. Ширманов выделяет эпическую, устно - фольклорную форму, летописание, научно - познавательную форму.⁹³ На наш взгляд, если исходить из способа осмысления и особенностей фиксации представлений о движении общества во времени, то историческое сознание может принимать форму *мифа, хроники или науки*. Отличительной чертой мифического сознания выступает синкретизм исторических представлений. В них мышление сливается с аффективностью. В мифическом сознании одновременно присутствуют два пласта исторического времени - сакральное и текущее. В

⁹¹ См.: Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/. - С. 72-73.

⁹² См.: Каменская Р.А. Историческое сознание: Дис. ...канд. филос. наук. - С. 26.

⁹³ См.: Ширманова М.Ю. Историческое сознание общества /философский анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - С.48.

сакральном времени происходят события, предполагающие «знание-веру». В таком знании, например, часто присутствует «легенда о золотом веке» (в прошлом или в будущем) как идеал человеческого существования. Исторический миф - это эмоционально окрашенное представление об исторической действительности, вымышленный образ, замещающий в сознании эту действительность. Исторические мифы создаются коллективным воображением или навязываются массовому историческому сознанию извне, формируя при этом определенное историческое мироощущение, социально конформное в данных условиях и призванное формировать желаемые образцы социального поведения. «Современные социальные мифы, - пишет В.А. Терехова, - это, как правило, искусственный пропагандистский продукт, создаваемый с целью сознательного внедрения манипуляционных идей в сознание обывателя. Разрабатываемые на идеологическом уровне эти мифоподобные идейные конструкции превращаются в мифы по мере их принятия и распространения в массовом сознании».⁹⁴

В отличие от мифического, хронистическое сознание в значительной мере ориентировано на фиксацию реальных событий прошлого. Однако в таком сознании отсутствует представление о причинно - следственных связях в истории. Эти связи в хронистическом сознании замещаются изложением исторических событий в хронологической последовательности, скрепленной провиденциалистическими идеями и моральными сентенциями. Отсюда истолкование истории сквозь призму божественного провидения, дихотомию добра и зла, Бога и дьявола, добродетелей и пророков, замыслов и происков. Как и мифическое, хронистическое сознание формирует подобно мифическому, историческую реальность, соответствующую идеалу своего времени. Прошлое изображается не таким, каким оно было, а таким, каким оно должно было быть.

Развитие потребности общества в самосознании, в глубоком понимании

⁹⁴ Терехова В.А. Миф как парадигма общественного сознания// XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго российского философского конгресса /7-11 июня 1999 г./ . - В 2 т. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. - Т. 2. - С. 88.

логики исторического процесса привело к становлению истории как науки о прошлом, что оказало огромное влияние на усиление рефлексивного начала в историческом сознании. Оно обращается, прежде всего, к реальным фактам истории, «земным» корням тех или иных событий и процессов, стремясь осмыслить причинно - следственные связи и выяснить сущность исторических явлений, достижением научного сознания стал историзм, требующий рассматривать исторические явления в развитии, в связях с другими историческими событиями, с учетом конкретных условий определенного этапа общественного развития. Научное историческое сознание имеет специализированный характер, его источником и носителем является научный этнос, поэтому в массовом историческом сознании научная его компонента причудливо переплетается с художественным вымыслом и историческими мифами. Кроме того, если научное историческое сознание ориентировано на поиск истины, то массовое сознание занято, прежде всего, поиском исторической «правды» как результата эмоционально - ценностного отношения к действительности.

Конечно, вышеназванные формы исторического сознания не исчерпывают всего многообразия духовных образований. Необходим разносторонний подход к их исследованию. Поскольку историческое сознание - это осмысление, то можно выделить две его формы: *целе - рациональное и ценностно - рациональное*.⁹⁵ В первой форме исторического сознания доминируют ориентация на конкретный исторический результат, на осмысление хода исторических событий, их причин и следствий. Целе - рационально историческое сознание не только всегда конкретно, оно и теоретично. Ценностно - рациональное историческое сознание, наоборот, ориентируется не на конкретный результат, а прямо на стоящую за ним ценность. Такое сознание в большей степени этично, чем теоретично.

В историческом сознании, присущем той или иной социокультурной

⁹⁵ См.: История России в вопросах и ответах. Курс лекций. Учебное пособие /Сост. Кислицын. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. - С.60.

среде можно выявить также *доминантные* и *временные* его формы. Так, например, к доминантным формам можно отнести монументальное или антикварное, этатистское или либеральное, имперское или провинциальное историческое сознание. К временным формам - *критическое* или *апологетическое*, *толерантное* или *ригористское*. Если рассматривать историческое сознание по субъектам, то можно выделить *массовое* и *индивидуальное* историческое сознание.

По форме *историческое сознание* может быть как массовым (групповым) так и индивидуальным.

Массовое историческое сознание представляет собой способ рационального воспроизведения и оценивание социумом движения общества во времени. «В массовом сознании, - отмечает Г.Г. Дилигенский, - запечатлены знания, представления, нормы, ценности, разделяемые той или иной совокупностью индивидов, выработанные в процессе их общения между собой и совместного восприятия социальной, информации».⁹⁶

Индивидуальное историческое сознание является результатом, с одной стороны, приобщения к знанию о прошлом, а с другой, - осмысления прошлого и генерации чувств сопричастности с ним. Поэтому индивидуальное историческое сознание выступает также формой осмысленно - преобразованного прошлого как «со-знание» и «со-бытие».

Для того чтобы было яснее представить характер, особенности массового исторического сознания на переломных этапах жизни общества следует рассмотреть и основные типы его составляющих. К тому же эта тема еще недостаточно изучена, хотя предпринимались попытки рассмотреть ее с позиций массового сознания в целом.⁹⁷

Одним из типов составляющих историческое сознание, являются пережиточные, реликтовые элементы сознания, доставшиеся обществу от

⁹⁶ Дилигенский Г.Г. Марксизм и проблемы массового сознания// Вопросы философии. - 1983. № 11. - С. 7.

⁹⁷ См.: Грушин В.А. Массовое сознание: определение и проблемы исследования. - М.: Политиздат, 1987. - С. 65-73.

предшествующих времен. Имея в виду данный феномен, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...различные ступени и интересы иногда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков влачить свое существование рядом с ним. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлекусь от их имущественных отношений, проделывают совершенно различное развитие».⁹⁸ К нему же можно отнести и знаменитую формулу Маркса: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых».⁹⁹

Следующий тип явлений, - элементы исторического сознания, проникающие в данное общество, так сказать, «со стороны» - из других, соседних с ним, в том числе коренным образом отличающихся от него по своим социально - экономическим и общественно - политическим характеристикам, обществ. В новейшее время, когда всевозможные виды контактов в мире в огромной степени увеличились, данный феномен, как известно, приобретает массовый характер. При этом он включает в себя не только разного рода «нейтральные», безразличные к идеологии, но и откровенно окрашенные в идеологические тона, то есть враждебные данному обществу, духовные образования. Таковы, в частности, исторические работы западных советологов, построенные на идеях антисоветизма и антикоммунизма, которые, пересекая границу СССР, оседали в умах более или менее широких слоев населения.

Наконец, значительное место в духовной жизни каждого общества занимают элементы сознания, рожденные в иные исторические эпохи и в иных современных обществах, но относящиеся к разряду так называемых культурных ценностей данного народа (славянофилы, западничество, евразизм и др.). Не будучи связаны своим происхождением с жизнедеятельностью данного общества, эти элементы исторического сознания тем не менее принимаются им в качестве его собственных, активно включаются в каждодневное обращение, в том числе путем распространения по каналам

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т. - М., 1985. - Т. 2. - С. 66.

⁹⁹ Там же. Т. 8. - С.119.

воспитания, образования, массовой коммуникации.

Таким образом, обратившись ко всей совокупности духовных образований, имеющих в обществе как составляющим исторического сознания данного общества, можно констатировать тот объективный факт, что в составе этой совокупности присутствуют различные исторические элементы - как свойственные исключительно данному обществу, так и присущие иным типам обществ. Иными словами, историческое сознание предстает теперь не в качестве «чистого», а в качестве «смешанного» - в генетическом отношении - образования.

В то же время в современной философской и исторической литературе присутствует мнение, что историческое сознание, являясь одной из составляющих общественного сознания, охватывает собой далеко не все духовные образования, характеризующие жизнь данного общества, то есть имеет определенные границы, имея в виду отдельные общественно-экономические формации, понятие «историческое сознание» согласно данной точке зрения, включает в свое содержание лишь совокупность идей, взглядов, представлений и других образований данной эпохи.¹⁰⁰ С такой постановкой вопроса вряд ли следует согласиться, поскольку здесь искусственно разрывается единая ткань существующего в обществе исторического сознания.

Исключаемые из сферы исторического сознания явления духовной культуры, равно как реликтовые и «занесенные извне» элементы исторического сознания, по своему объективному положению являются совершенно такими же реальными составляющими сознания данного общества, как и те, что рождены непосредственно им самим. Те и другие не просто связаны друг с другом, не просто взаимодействуют, но образуют единое - пусть противоречивое - целое. Более того, сам момент вхождения этих «посторонних» образований в сознание общества ни в коей мере не является случайным. Он обусловлен практической деятельностью общества, теми или иными особенностями его исторического развития.

¹⁰⁰ См.: например: Уледов А.К. Структура общественного сознания. - М. - 1968. -

Конечно, при столь широком толковании исторического сознания возникает кажущееся противоречие с теорией соответствия этого исторического сознания коренные историческим характеристикам общества. Однако данное противоречие разрушается, если, во-первых, различить в составе исторического сознания элементы, порожденные данным обществом, и элементы, тем или иным способом приобретенные им; во-вторых, более близким образом определить последние - как с точки зрения времени их происхождения (от обществ, предшествующих данному или современных с ним), так и с точки зрения способа их приобретения (сознательная ассимиляция, наследство, проникновение со стороны); в-третьих, оценить образовавшееся множество элементов по шкале «соответствия – несоответствия» основным историческим характеристикам данного общества с учетом не только «крайних», позитивных и негативных, но и «нулевого», то есть нейтрального, пунктов этой шкалы. Полученная в результате такой многоэтажной операции картина как раз дает представление об основных типах составляющих исторического сознания выявленных с точки зрения их отношения к исторической специфике общества. На самом общем, предельно абстрактном уровне рассмотрения предмета (без уточнения социально -экономической определенности «других обществ» разного рода «пограничных» ситуаций и т.д.) решение задачи примет вид типологии, представленный в таблице № 2, где фигурируют следующие типы элементов исторического сознания:

Таблица № 1. Типы элементов исторического сознания, в зависимости от места и времени их происхождения, а также характера отношения к исторической специфике данного общества.*

С. 41, 42.

* Разработана автором.

Место и время порождения сознания	Знак отношения к исторической специфике данного общества		
	+	0	-
Данное общество	1	2	3
«Другие» общества, предшествующие данному	4	5	6
«Другие» общества, современные данному	7	8	9

1. порожденные данным обществом и отражающие его коренные исторические особенности, соответствующие им;
2. порожденные данным обществом и нейтральные по отношению к его исторической специфике;
3. порожденные данным обществом, но не соответствующие его коренным историческим чертам, в том числе противоречащие им;
- 4,7. порожденные «другими» обществами, но активно ассимилируемые данным обществом в качестве более или менее соответствующих его коренным чертам;
- 5,6. порожденные предшествующими обществами и переданные данному по наследству;
- 8,9. порожденные «другими» современными обществами и занесенные в данное общество тем или иным путем.

При рассмотрении типов элементов исторического сознания, следует иметь в виду, что историческое сознание представляет собой не просто набор, конгломерат различных образований, но нечто единое, целое - систему, в которой все образования занимают определенное место и связаны друг с другом определенными отношениями. Ведь это только на схеме типы 1,4,7 выглядят вполне «равноправными» со всеми остальными. В действительности же их положение в составе исторического сознания любого, имеющего четко выраженное историческое лицо, общества существенно отличается от положения всех прочих элементов. Прежде всего с чисто количественной точки

зрения они представлены в историческом сознании общества при прочих равных обстоятельствах, безусловно, значительно шире, чем другие типы составляющих. Конечно, нельзя количественно измерить историческое сознание, поэтому нельзя и сказать, какие действительные пропорции существуют в историческом сознании того или иного общества между его «позитивными» и «нейтральными» элементами. Однако и без такого измерения можно совершенно определенно утверждать, что «позитивные» типы 1,4,7 несопоставимо преобладают в составе исторического сознания любого определенного в историческом отношении общества в сравнении с «негативными» типами 3,6,9. Главным доказательством данного факта становится само объективное существование соответствующего общества как устойчивого, находящегося в состоянии «равновесия» целого. Указанное соотношение «позитивных» и «негативных» элементов исторического сознания - непереносимое условие нормального функционирования всякого общества, залог и одновременно показатель его относительной стабильности, одна из существенных предпосылок сохранения им своей исторической определенности. В этой связи следует отметить, что, например, выраженное преобладание в историческом сознании капиталистического общества буржуазного сознания - закономерное, естественное явление. «Но почему же, - писал В.И. Ленин, - ...стихийное движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения...».¹⁰¹

Но дело, конечно, не только в количественных отношениях тех или иных элементов в составе исторического сознания. Дело также в качественных свойствах рассматриваемой социальной подсистемы, в характере самих связей, зависимостей между различными историческими типами входящих в нее образований. «Мысли господствующего класса, - отмечали К. Маркс и Ф.

¹⁰¹ Ленин В.И. Полн. собр. Соч. - Т. 6. - С. 41.

Энгельс, - являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила».¹⁰²

Таким образом, элементы сознания, соответствующие коренным чертам данного общества, порождаемые его специфическими базисными и надстроечными отношениями и «обслуживающие» последние, не просто преобладают количественно. Они занимают в структуре анализируемой системы центральное место, играют в ней ведущую роль, и это накладывает существенный отпечаток на положение и функции всех от остальных ее исторических образований.

К числу господствующих в историческом сознании общества следует отнести, разумеется, составляющие 1-го типа (порожденные данным обществом и соответствующие его коренным историческим особенностям), по крайней мере, часть составляющих 4- и 7-го типов (порожденные другими обществами, но активно ассимилируемых данным обществом в качестве более или менее соответствующих его коренным чертам). Как те, так и другие не просто рядоположены с иными элементами системы, но ставят их в зависимое, подчиненное от себя положение, влияя на их содержание, обуславливая форму их существования, определяя механизмы их функционирования и т.д.

Это верно уже в отношении тех духовных образований прошлых эпох и современности, которые, не будучи прямо окрашены в идеологические цвета господствующего класса общества, тем не менее активно ассимилируются им из сокровищниц человечества. А.К. Уледов, как мы видели, относит к духовной культуре общества (а по нашей терминологии - к его историческому сознанию) всю совокупность идейных ценностей, созданных человеком на протяжении всей истории. Ясно, однако, что это, как минимум, преувеличение. В действительности каждое общество использует для широкого обращения, то есть активного внедрения в историческое сознание, весьма ограниченную,

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. - В 9 т. - М.: Политиздат, 1985. - Т. 2. -С. 42-43.

можно даже сказать, незначительную часть этих богатств. И не только потому, что упомянутая «совокупность» практически необъятна, технически недоступна ни для одного отдельного общества и, следовательно, уже в силу лишь этого не может актуально фигурировать в его духовной жизни. Дело в другом - в том, что каждое общество достаточно придирчиво относится к собственной истории, а также к истории всего человечества, тщательно соотнося опыт «других» с собственными целями и представлениями о способах их достижения. С той или иной степенью осознанности (не исключаящей, впрочем, множества случайностей) оно вырабатывает свой набор критериев, в соответствии с которым производит селекцию исторического и современного зарубежного материала. И главное отличительное свойство ассимилируемых им, таким образом, элементов сознания «других» эпох и обществ - как раз их подчиненность собственным взглядам и образцам.

В еще большей мере в подчиненном, зависимом положении от элементов исторического сознания, порожденных данным обществом и соответствующих его коренным, историческим особенностям, находятся разного рода «негативные» составляющие исторического сознания. Испытывая мощный прессинг со стороны первых, находясь по отношению к ним в состоянии явной или неявной конфронтации, они, как говорил К. Маркс и Ф. Энгельс, «влачат» свое существование рядом с ними, а если и набирают реальную силу, то лишь так или иначе приспособившись к господствующему сознанию, считаясь с ним - в частности, облекаясь в соответствующие ему формы, камуфлируясь под него, принимая навязываемые им способы функционирования и т.д. Словом, «мысли господствующего класса» действительно господствуют в историческом сознании каждого общества. Господствуют и количественно, и качественно. Поэтому именно они определяют лицо - общий характер и основные свойства данной социальной подсистемы на каждом этапе исторического развития общества и, следовательно ее собственного исторического развития. И так как именно они отражают главные черты базиса и надстройки общества, можно с полным основанием утверждать, что всякое историческое сознание, несмотря

на его генетически сложный, «смешанный» противоречивый состав, всегда, тем не менее, соответствует коренным историческим особенностям своего общества.

Примером, подтверждающим данное положение, может служить история России второй четверти XIX в. Нормативное историческое знание этого периода было сформировано в теории «официальной народности». Ее основные положения были заложены в коронационном манифесте Николая I от 22 августа 1826 г. и последующих официальных актах. Принципы этой теории «православие, самодержавие, народность» были сформулированы в последующем министром просвещения того времени С.С. Уваровым. Данная теория стремилась доказать «исконность» и «законность» самодержавно - монархической формы правления в России и существующего в ней социального строя. Для этой теории было характерно противопоставление патриархальной, «спокойной», без социальных бурь и потрясений России «мятежному» Западу, насаждение оптимизма, в духе которого предписывалось создавать литературные и исторические произведения. Откровенно эту задачу выразил шеф жандармов А.Х. Бенкендорф: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, - оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение.¹⁰³

В трудах профессора русской истории М.П. Погодина исторически и теоретически обосновывались принципы «официальной народности»: они выводились из особенностей исторического развития России, национального характера русского народа в сравнении со странами и народами Западной Европы. По представлению Погодина, история России хотя не имела такого разнообразия крупных событий, как западная, но она была богата «мудрыми государями», «славными подвигами», «высокими добродетелями». Он писал об исконности в России самодержавия, начиная с Рюрика. По его мнению, Россия, приняв христианство от Византии, установила благодаря этому истинное

¹⁰³Цит. по: История России XIX - начала XX вв. Учебник для исторических факультетов университетов /Под ред. В.А. Федорова. - М.: Зерцало, 1998. - С.213.

просвещение. С Петра Великого Россия много заимствовала от Запада, но, к сожалению, не только полезное, а и «заблуждения». Теперь нужно «возвратить ее к истинным началам народности».¹⁰⁴

Наряду с позитивными типами составляющих исторического сознания, преобладающими над другими в периоды непосредственного, целостного органического пребывания в каком-либо устоявшемся историческом строе; в таком обществе присутствуют, в той или иной степени, нейтральные (2,5,8) и «негативные» типы (3,6,9) исторического сознания, порожденные данным обществом или «другими» обществами.

Если же опять возвратиться к «николаевскому» периоду, то следует отметить, что в тот период такие типы исторического сознания начали четко проявляться в 30-х гг. XIX столетия. Русские люди с большим и большим интересом стали обращаться к истории, в первую очередь, к философии истории. Происходило это под влиянием, во-первых, заграничных походов 1813-1814 гг, познакомивших молодежь с политической жизнью Западной Европы, во-вторых, под влиянием трудов знаменитых немецких философов - Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербах. Результатом этого изучения стали две совершенно противоположные системы русской истории. Одна из них, «славянофилы». В основе этой системы лежало учение, о самобытности и национальной исключительности русского народа, его мессианской предопределенности, неприятие западноевропейского пути развития, даже противопоставление России Западу и Востоку, защита самодержавия, православия, некоторых патриархальных общественных институтов.

Вторая система - западничество. В отличие от славянофилов, западники по-иному судили о путях развития России. Они доказывали, что Россия хотя и «запоздала», но идет по тому же пути исторического развития, что и все западноевропейские страны, ратовали за ее европеизацию. Они отрицали самодержавную власть монарха и выступали за конституционную монархию западноевропейского образца. В противоположность славянофилам, которые

¹⁰⁴ История России XIX - начала XX вв. - С. 214.

признавали примат веры, западники решающее значение отводили разуму. Западники возвеличивали Петра I, который, как они говорили, «спас» Россию.

Являясь для «николаевского» периода истории типами элементов исторического сознания, порожденных данным обществом и другими «современными» обществами, для советского общества они уже выступали как типы элементов исторического сознания, порожденные предшествующим обществом и переданные данному по наследству (5 и 6). Данные теории преподносились населению СССР как исторический факт, имевший место в прошлом, относящийся к XIX в., и ничего общего не имеющих с современностью, то есть лишь с познавательной точки зрения.

С другой стороны, типами элементов исторического сознания, порожденные «другими» современными обществами и занесенные в данное общество тем или иным путем (7,8,9) можно считать историческое сознание, сформированное под воздействием зарубежных историков, в том числе и историков - эмигрантов.

В качестве 4,7 типов составляющих исторического сознания порожденных «другими» обществами, но активно ассимилируемые данным обществом в качестве более или менее соответствующих его коренным чертам, например, для советского общества, является марксистская историко - философская концепция истории развития человечества. Эта концепция была взята на вооружение советскими идеологами и историками. С ее помощью в общественном сознании «внедрялась» мысль о поступательном, прогрессивном развитии человеческого общества от первобытно - общинного строя, через рабовладельческое, феодальное, капиталистическое к бесклассовому, коммунистическому обществу. На основе такого представления оценивался существующий режим и выработывался курс компартии и государства, строились прогнозы на ближайшее и отдаленное будущее. В этом смысле верно выражение автора произведения «После коммунизма» С. Платонова. «Понять Маркса. Для нас, - пишет он, - это равнозначно тому, чтобы понять самих себя, потому что марксизм-ленинизм есть деятельное осуществление марксистской

теории в исторической практике».¹⁰⁵

Таково соотношение типов составляющих исторического сознания в периоды истории, характеризуемые относительной стабильностью, устоявшимися, застывшими общественными отношениями.

Таким образом, анализ сущности, содержания и структуры исторического сознания позволяет сделать вывод о том, что историческое сознание является одной из форм общественного сознания, в то же время оно занимает самостоятельное и весьма ответственное место в системе мировоззрения общества и индивида. Являясь многогранным явлением духовной сферы, историческое сознание выступает и как отражение прошлого в общественном сознании, как временный срез всех форм общественного сознания. Историческое сознание имеет сложную структуру, различные уровни и формы бытования. (См.: Таблицу № 2). Сохраняя преемственную связь поколений, историческое сознание способствует дальнейшему развитию социумов, формированию их самосознания, самоидентификации.

¹⁰⁵ Платонов С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. – М.: Мол. Гвардия, 1990. – С. 255.

1.2. Особенности проявления исторического сознания в условиях социокультурного кризиса.

Пребывание в целостной, устоявшейся исторической эпохе не способствует историческому познанию, не возникают с надлежащей остротой вопросы об историческом движении и о смысле истории. Более того, в таком состоянии общества, по мнению С. Платонова, общественное сознание страны трагически отстает, теряется в потемках межвременья от общественного бытия, которое уходит вперед на многие десятилетия.¹⁰⁶ По этому поводу он любил цитировать фразу К. Маркса из «Немецкой идеологии» о мятежном духе, который «увяз в дерьме субстанций».¹⁰⁷

Для активизации исторического познания нужно, по словам Н.А. Бердяева, чтобы произошло раздвоение в исторической жизни в человеческом сознании, нужно, чтобы наступила рефлексия.¹⁰⁸

Раздвоение объекта и субъекта истории, зарождение рефлексии исторического познания возникает в переломные периоды человечества, когда начинают разрушаться утвердившиеся исторические устои, когда начинаются исторические катаклизмы и катастрофы, когда начинается историческое движение, когда нарушается ритм целостной общественной жизни. В такой период, на изломах истории, когда решаются судьбы страны и народа возрастает интерес к идеологическим аспектам идущим в обществе перемен, исчезает состояние апатии, возникает насущная мировоззренческая потребность в целостном осознании действительности. Люди ищут ответа на вопросы: Что происходит с нами, с жизнью? «В такие моменты общественное сознание как бы пробуждается, начинается напряженный умственный и нравственный поиск, выходящий на коренные основы бытия, его историческое прошлое, настоящее и будущее. То, что вчера еще не замечалось или воспринималось как нечто должное, неизменное, становится объектом

¹⁰⁶ См.: Платонов С. После коммунизма. – С. 9.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 5.

пристального внимания, острых дискуссий и горячих споров».¹⁰⁹ В такие периоды истории появляется повышенный интерес к истории, особенно остро, почти физически люди ощущают потребность познать свое прошлое, весь ход истории, постичь самые корни тех событий, что происходят в современном обществе, понять их подлинный исторический смысл. В такие переломные моменты, писал В.О. Ключевский «пробуждается интерес к происшедшему более серьезный, чем обычное любопытство к делам минувших дней. Тогда люди, сиюсь уяснить себе связь и характер текущих явлений своей жизни, начинают спрашивать откуда эти явления пошли и к чему могут привести».¹¹⁰

Обращаясь к далекому и недавнему прошлому, люди стремятся восстановить разорванную связь времен и поколений, найти в истории ответы на мучительные вопросы современной жизни. Не потому ли отношение к истории, правильное понимание и толкование ее проблем и уроков приобретают в переходные эпохи общенациональное звучание. Интерес к событиям и явлениям прошлого тем сильнее, чем созвучнее они переживаемому обществу моменту.

Такой повышенный интерес к истории был в один из самых катастрофических моментов всемирной истории - в момент крушения античного мира и падения Рима. Так было после Великой французской революции, после наполеоновских войн, когда мысль человека обращалась к попыткам так или иначе постигнуть и осмыслить исторический процесс. Так было в эпоху просвещения, которая разрушила традиционные исторические предания. Так было в России в период «Смутного времени», когда было разрушено веками устоявшееся представление о династии Рюриковичей как божьих наместников на Земле, о царе как хозяине земли Русской.

Сложившиеся формы исторического сознания в смутные эпохи испытывают мощное давление извне, меняется их соотношение в общей структуре сознания.

¹⁰⁹ Идеологические проблемы перестройки. «Круглый стол» журнала «Коммунист»// Коммунист. - 1988. - № 7. - С. 3.

¹¹⁰ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. - М., 1983. - С. 365.

Такая ситуация в историческом сознании складывается по ряду причин. Во-первых, кризис официальной идеологии и связанная с ней система нормативного исторического знания сопровождается мучительной ломкой исторического сознания, попадающего в ситуацию когнитивного раскола. Консерваторы стремятся сосредоточить свои усилия на защите сложившихся взглядов. Во-вторых, идеологи инноваций усматривают в сложившихся представлениях о прошлом, его связи с настоящим духовную основу консерватизма, препятствующего преобразованиям. Различные социальные группы в обществе, обладая капиталом разного рода, в том числе и символическим, то есть, располагая возможностями по внедрению и культивированию устойчивых принципов по восприятию исторической реальности, конформных их собственным структурам, трансформируют внутренний мир людей, в том числе и их историческое сознание. И, в-третьих, изменение характера исторического сознания обусловлено активным воздействием на сознание населения новой власти переломных периодов, которая осознанно культивирует потерю обществом исторической памяти. «В эпоху социальных бурь, - пишет профессор М.Д. Северьянов, - властвующим политикам выгодно ирреальное изображение действительности, опошление исторического прошлого, что как бы служит историческим фоном для формирования мифа о заслугах новой власти».¹¹¹ Объективные и субъективные факторы, а также вышеназванные и другие причины в конечном итоге влияют на характер проявления исторического сознания в кризисное время.

Такой особенностью, в первую очередь, следует назвать усиление как никогда в стабильное время, политизации истории и исторического сознания, политической конъюнктуры. История становится не просто болевой точкой общественного сознания, она в ряде случаев превращается в орудие политической борьбы. Конечно, наивно было бы отрицать влияние политики на историю. Исторические работы всегда имеют политическую окраску. Трудно

¹¹¹ Северьянов М.Д. Размышления о революции. Учебное пособие. - Красноярск: КрасГАСА, - 1998. - С. 12.

найти книгу о прошлом, авторы которой писали бы беспристрастно. Историческое сознание, господствующую в обществе концепцию истории формирует власть. Примеров тому можно привести немало. В начале XII в. к правлению на Руси приходит группа Мономаха. Ей потребовалось выразить свое отношение к прошлому. Поэтому сын Мономаха запирается в Выдубицком монастыре с игуменом Сильвестром, и они вырабатывают свою трактовку исторических событий.¹¹² По существу была создана новая летопись, новая история, которая и стала закрепляться в общественном сознании, определяя его дальнейшее развитие. И теперь современным ученым трудно восстановить за субъективными наслоениями реальную действительность того важного периода становления государственности на Руси. Упомянутый эпизод говорит о том, что власть, его институты всегда вмешивались, и будут вмешиваться в формирование исторического сознания. Более того, по мнению философа К. Поппера, отбор исторических фактов проводится обычно таким образом, что история предстает перед нами как история политической власти. Причинами такого характера отбора Поппер считает воздействие политической власти на всех членов общества, склонность к обожествлению власти, порожденную страхом и, наконец, «то, что люди, обладающие властью, как правило, хотят того, чтобы их боготворили, и это им удается - многие историки писали под надзором императоров, генералов и диктаторов».¹¹³

В нестабильные же периоды истории происходят злоупотребления историей, инструментализация исторической памяти, мобилизация непросвещенности исторического сознания для реализации политической стратегии новой власти. В такие периоды историки, даже с громкими именами, участвуют в манипуляциях историей, в дрессировке массового исторического сознания. Прошлое предстает тут подсобным складом, откуда набираются противными сторонами аргументы, и цель иная - не отыскать потерянную

¹¹² Историческая память обновляющегося общества// Коммунист. - 1990. - № 18. - С. 12.

¹¹³ Цит. по: Зуев К. Существует ли смысл истории? /О философии истории К.Поппера// Общественные науки и современность. - 1994. - № 5. - С. 124.

истину, но укрепить себя подручным историческим материалом. Распря вокруг истоков - феномен социально-психологический. Как заметил выдающийся французский историк Марк Блок: «... к прошлому для объяснения настоящего прибегали так активно лишь с целью убедительней оправдать или осудить настоящее. Так что во многих случаях демон истоков был, возможно, лишь воплощением другого сатанинского врага подлинной истории - мании судить... когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно - белую картину.¹¹⁴ Так в XIX в. немецкая историческая наука поставила себя на службу прусско - немецкому властному государству, оправдывала войны в глазах населения, из которых возникала бисмарковская империя. В начале XX в. она оправдывала первую мировую войну и немецкие военные цели. И Гитлеру не составило труда привлечь на свою сторону профессоров, чтобы они приукрасили псевдонаучными аргументами национал - социалистическую расистскую идеологию, экспансионистскую стратегию и политику уничтожения. Во Франции в послевоенный период сформировалось неизменно положительное отношение французов к их прошлому. Почти каждый француз выдавал себя за участника движения Сопротивления. О маршале Петене и дружески расположенном нацистам правительстве Виши не было никакого упоминания. Десятилетиями «великая нация» жила с коллективной ложью о годах второй мировой войны.¹¹⁵

Подобные примеры можно привести и из отечественной истории. Так в Смутное время вновь избранный в 1606 г. русский царь Василий Шуйский для упрочения своего положения на троне поручил своему приятелю и помощнику М.И. Татищеву написать произведение, в которое обстоятельно рассказывалась бы история появления самозванца Лжедмитрия I, его воцарение и свержение, с прославлением деятельности самого Шуйского. И такое произведение,

¹¹⁴ Цит. по: Панков В. Третий раскол? Опыт примирительного диалога// Диалог. - 1990. - № 6. - С. 81-82.

¹¹⁵ См.: Шеррер Ю. Переосмысление прошлого. Опыт собственной жизни// Вопросы философии. - 1995. - № 5. - С. 23.

«Сказание о Гришке Отрепьеве», появилось уже до коронации Василия и было разослано по городам. В нем описывались не только самозванческая авантюра беглого монаха, но и прославлялся Шуйский. Сначала он был представлен невинным страдальцем от злобных происков Годунова, потом - любимцем воинства, славным и премудрым боярином и воеводой. Лжедмитрий был обвинен в «Сказании» не только в том, что присвоил себе чужое имя, но и в том, что попирает православие, угнетал освященный собор, разрешал полякам осквернять русские храмы, женился на еретичке и даже планировал ввести католическую веру. Поэтому главной заслугой Шуйского автор назвал борьбу за веру, поскольку тот «наипаче всех бояр радел и промышлял за православие».¹¹⁶ Исключительно образно представлено в «Сказании» свержение самозванца. В нем и намек нет на то, что все было совершено кучкой заговорщиков. Напротив, в «Сказании» описано настоящее народное восстание против царя - еретика, начавшееся с моления братьев Шуйских в Успенском соборе о даровании им Божьей помощи в борьбе с «Расстригой». После моления Шуйский якобы вскочил на коня, «вопиюще гласом велим: Отцы и братья, православные христиане! Постражиете за православную веру, побеждайте врагов христианских!».¹¹⁷ Во главе толпы москвичей он бросился в царский дворец и расправился с Лжедмитрием. Несомненно, что в «Сказании» роль Василия как народного вождя была приукрашена.

Историческая память, история, с другой стороны, в ряде случаев используется политиками для формирования будущего. В 90-х г.г. XX в. в Германии начали возрождаться неофашистские группы. Французская националистическая партия Ле Пена во время выборов в европейский парламент набрала большое количество голосов. В то же время в Италии рухнул режим, который основывался на борьбе против фашизма. Новый режим покоится на наследии Муссолини. Антифашизм считается неспособным решить современные проблемы. «Грюндерские мифы режимов, - отмечает Ю. Шерер,

¹¹⁶ Цит. по: Морозова Л.Е. Василий Иванович Шуйский// Вопросы истории. - 2000. - № 10. - С. 84.

¹¹⁷ Там же.

- возникших после войны, не могут противостоять оживлению прошлого, эвакуированного из сознания»,¹¹⁸ так резюмировал один их журналист ситуацию в различных западноевропейских странах. По мнению Д. Гранина почвой для русского фашизма служит чувство болезненной растерянности россиян, вызванное крахом советской системы.¹¹⁹

Таким образом, с помощью мифов и вымыслов осуществляется компенсация за потерю своей идентификации, т. е. потерю индивидом, социумом присущих им свойств, стандартов, ценностей социальных установок и ролей. Кризис идентификации всегда требовал в эмоциональном отношении более сильной компенсации. И это требование удовлетворяется путем возвращения к истории, путем обращения к национальным традициям, повторного открытия забытой памяти. И, представляется, что будущее, как это ни парадоксально звучит, находится в прошлом. Иными словами, миф о светлом будущем превращается в миф о светлом прошлом. «В переходный период, - по мысли А. Яковлева, - народ выходит из своего рода летаргического сна, с характерной для этого внутреннего состояния утратой памяти, духовности, навыков культуры. Это непреложный факт... Вызванное шоком пробуждение, первоначально еще по преимуществу эмоциональное освоение действительности постепенно уступает место рациональному ее постижению».¹²⁰ В такие периоды носителями исторической памяти могут выступать случайные люди. Сказывается, видимо, возбужденное состояние умов, импульсивные, эмоциональные всплески в сознании населения и в их действиях, появляются группы людей, политические партии, движения, которые пытаются остроту внимания к прошлому, общественную потребность в историческом знании соединить с собственными интересами. Данный симбиоз порождает антизнания, новые мифы, легенды и стереотипы мышления. История как бы снова выворачивается наизнанку, становится служанкой конъюнктуры.

¹¹⁸ Шеррер Ю. Переосмысление прошлого. - С. 25.

¹¹⁹ См.: Гранин Д. Триумф наследников побежденных// Время. - 1994. - 26 авг.

¹²⁰ Историческая память обновляющегося общества// Коммунист. -1990. -№ 18.-С. 13.

Во-вторых, в условиях общенационального кризиса историческое сознание становится ареной борьбы национальных идеологий. Национальные истории представлены мифами, символами, святыми, героями и мучениками. История в таких условиях служит источником воспроизводства национального духа, инстанцией для обоснования жизненного права нации, для легитимизации угрозы насилия. Уже поблекшая память возвращается в коллективное сознание и возвеличивает страдания и героизм отцов, ссылается на «кровью политую землю», которую надо защищать и в случае необходимости освобождать с оружием в руках. Сводятся воедино комплексы угроз и демонстрации силы, страх и готовность к агрессии. Политика находит свое завершение в определении врага. Национальное чувство перековывается на оружие и направляется против соседа с чужим вероисповеданием и языком, который должен ответить за несправедливость, причиненную нации - все равно, было ли это недавно или много веков назад. Историческая вина не может быть прощена или забыта. Наглядным примером является перманентная гражданская война в Югославии, где великосербские представления, взятые еще из XIX в., языковые теории и этнологические конструкции оспаривают у хорватов качество самостоятельной нации, описывают их «сепаратизм» как продукт клерикал-фашистской воинственности, как нападки на единство и историческую миссию сербства, которое было избрано историей для отражения ислама. И хорватское национальное сознание живет за счет широко задуманных экскурсов в историю, долженствующих доказать тысячелетнее непрерывное существование хорватской государственности, империи, доказавшей в ходе сопротивления мадьярскому нашествию и в борьбе против османов, что Хорватия является бастионом латинско - христианского Запада. Наследие истории разрывается и в ходе войны вокруг Славонии и хорватских и сербских областей расселения в Боснии. Идеологизированная история угрожает с неменьшей разрушительной силой мусульманским албанцам в Косово, провинции, которую великосербский национализм провозглашает своей, хотя там только десять процентов людей являются сербами. Однако Косово считается колыбелью сербской нации, оно

было ареной сражения на Косовом поле более чем 600 лет назад, является источником сербской исторической мифологии и закреплено в героических эпосах и национальной культуре. «Насилие скрывается в историческом материале, - пишет немецкий философ Д. Гайер, - и сжимается сердце, когда мы видим, что не только политики, но и историки подсовывают воинствующему национализму аргументы, подслащенные ученостью».¹²¹

Следующая особенность проявления исторического сознания кризисного периода заключается в том, что спор об истории, диалог с ней, рефлексия на темы истории перестают быть достоянием лишь тонкого слоя высоко просвещенной элиты или более широкого, но все же достаточно специфично мыслящего интеллигентского сословия. Они захватывают в свою орбиту решительно все слои общества и делаются одним из основных факторов, формирующих культуру общества в целом. В результате диалог с историей разрастается вширь и вглубь, отражает стремление так или иначе оценить прошлое - нередко очернить его, но нередко и - возвысить, найти точки соприкосновения, постичь случившееся, доказать, что «все действительное – разумно», ибо обусловлено ходом исторического процесса. Это стремление отягощено многими внеположными исторической правде задачами, искажено цензурой, страхом, бескультурьем, цинизмом. Особенный интерес в связи с этим вызывают варианты диалога, отношений с историей, приведенные В.Ф. Кормером.¹²² Исходя из того, что диалог или спор подразумевают наличие двух измерений как минимум: во-первых, отношение к современному состоянию общества и, во-вторых, к его прошлому, автор выявляет четыре крайних, полярных типа, между которыми лежит реальное многообразие отношений, идеологий, настроений и т.п., тяготеющих к одной из «сфер влияния», или же промежуточных, или же колеблющихся, плавающих из сферы в сферу. Для наглядности анализа В.Ф. Кормер построил простейшую матрицу, отложив на одной оси отношение к прошлому, к истории (огрубленно:

¹²¹ Гайер Д. Насилие и история в посткоммунистическое время// Вопросы философии. - 1995. - № 5. - С. 30-31.

¹²² Кормер В.Ф. О карнализации как генезисе «двойного сознания»// Вопросы

положительное или отрицательное), а по другой - отношение к современности действительности, (тоже огрубленно: положительное или отрицательное).

Таблица № 3. Типология вариантов отношений к истории.¹²³

№ п\п		Отношение к истории	Отношение к современности
1	«суперпатриотизм»	+	+
2	«реставрация»	+	-
3	«псевдокультура»	-	+
4	«оголтелое западничество»	-	-

На основе построенной таким образом матрицы автор описывает лишь «вырожденные», экстремальные, маргинальные случаи:

1. Абсолютно полное принятие и «истории», и «современности», то есть отказ видеть в истории или в современности какие бы то ни было минусы дает в итоге что-то вроде «квасного суперпатриотизма». «Это... случай, конечно, вырожденный, но как будто и такое встречается тоже: особый вид розового, в общем - то очень удобного для целей приспособительных, оптимизма. (Все всегда было хорошо, и сейчас хорошо, а будет еще лучше)».¹²⁴ Примером такого т.н. «суперпатриотизма» может служить идеология «официальной народности». Для этой теории, зародившейся при Николае I, было характерно противопоставление патриархальной, «спокойной», без социальных бурь и потрясений России «мятежному» Западу, насаждение оптимизма, в духе которого предписывалось создавать литературные и исторические произведения. Откровенно эту задачу выразил шеф жандармов А.Х. Бенкендорф: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, - оно выше всего, что только может

Философии. - 1991. - № 1. - С. 177-178.

¹²³ Там же. - С. 177.

¹²⁴ Там же. - С. 178.

представить себе самое пылкое воображение».¹²⁵

2. Рассмотрим, далее, второй тип отношения к истории, названный автором таблицы «реставрация». В его основе лежит абсолютное отвержение «современности» и столь же абсолютная идеализация «истории». В итоге такое отношение рождает представление о «золотом веке», о райской жизни наших предков.

Такое отношение к истории и современности ярко проявилось во взглядах, славянофилов, мечтавших о возврате к допетровским временам, к истинной православной вере.

3. «Псевдокультура». По мнению автора, этому типу характерно «абсолютное неприятие истории» плюс абсолютное приятие «современности», что производит на свет монстра, человека «псевдокультуры». «Это он, - утверждает В.Ф. Кормер, - усердно уничтожает памятники старины, взрывает церкви... Он же с садистическим удовольствием, цинично губит природу, леса, реки якобы во имя прогресса, но в действительности потому, что чувствует и в них отзвук священного, родного - ненавистной ему исторической народной души. Что касается отношения к будущему, то этот монстр, кажется, в высшей степени наделен тем инстинктом самоуничтожения, о котором писал И. Шафаревич».¹²⁶

4. Четвертый тип возникает из абсолютного отрицания «современности» и абсолютного же отрицания истории. Это тип, по мнению автора таблицы, тип «оголтелого западника». Его кредо: «В России никогда не было, нет и не будет ничего хорошего. Всегда одно и то же: только рабство и ложь. Вот Запад - другое дело!»

Такая ситуация сложилась в России в середине XIX в., когда в самосознании российского общества пробудился интерес к прошлому. Возникла ситуация раскола, отразившаяся в духовном противоборстве западников и славянофилов. Первые, в стремлении осмыслить логику исторического процесса в России, обращались к опыту Европы. Обнаруженные

¹²⁵ Цит. по: История России XIX - начала XX вв. - С. 213.

несоответствия между исторической эволюцией России и европейских стран рождали негативное отношение к отечественной истории. Это нашло крайнее выражение в пессимистическом суждении П.Я. Чаадаева: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесследно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет».¹²⁷

Конечно, данная типология вариантов отношения к истории является условной. Ясно и то, что если в модели, или в жизни, существуют полярные воззрения, оппозиции, противоположные лагеря, то обязательно должен найтись хотя бы один субъект, который не принадлежит ни к одному из этих лагерей, не придерживается ни одной из альтернативных точек зрения, у которого нет, что называется, «устойчивых убеждений», и он перманентно меняет свои привязанности, сегодня думает так, завтра иначе, уступая всякий раз доводам более сильного и определенно мыслящего соперника или советчика. Такой случай «временной» неустойчивости, последовательной смены точек зрения В.Ф. Кромер называет «плавающим» типом варианта отношения к истории.

Важной особенностью проявления исторического сознания в смутные времена является то, что в такие периоды историческое сознание всегда неглубоко, недостаточно проникает в тайники истории, ему присуща эмоциональность. Конечно, историческое сознание, историческую память нельзя понять и представить вне эмоциональной сферы жизнедеятельности человека. Все проходящее через его сознание сопряжено с чувствами, отрицательной или положительной реакцией на те или иные исторические факты, события. То же самое случается и с историческим сознанием народа. Оно всегда эмоционально окрашено. Чем больше исторические события потрясают народные массы, тем глубже они западают в их душу, тем прочнее, на более длительный срок они закрепляются в преданиях, верованиях,

¹²⁶ Кромер В.Ф. О карнавализации как генезисе «двойного сознания». – С. 178.

¹²⁷ Цит. по: История России в вопросах и ответах. Курс лекций. – С. 64.

традициях.

Принимая во внимание существование как бы эмоциональной памяти, можно найти адекватный ответ на вопрос: «почему в народном сознании в большей мере запечатлелись события Бородина, а не битва под Малоярославцем, где Наполеону был нанесен действительно не проблематичный, а сокрушительный удар?» Дело, видимо, в том, что значение тех или иных исторических событий для народа не может выражаться только в количественных, материальных показателях. Часто для него гораздо важнее духовная, нравственная сторона произошедшего. Поэтому испытанное сильное эмоциональное потрясение, связанное с оставлением врагу сердца России - Москвы, заслонило все другие события, победы Отечественной войны 1812 г. Так, и битва при Лейпциге не стала фактом исторической памяти русского народа. То есть, очевидно, существует правда истории и правда исторической памяти. Они не всегда совпадают, поскольку эмоции и истина часто вещи несовместимые. Все это должно учитываться при осмыслении проблем преемственности и обновления в обществе, связи и отношений различных поколений.

В переходные периоды историческое сознание не утруждает себя поиском истины. В этот период ценностно-рациональное историческое сознание преобладает над целе-рациональным. В таком историческом сознании доминируют не вопросы - почему, с какой целью, а - каков смысл, кто виноват. Такое массовое историческое сознание занято прежде всего, поиском исторической «правды». Эмоции преобладают над разумом, доминируют страсти и аффекты, ригоризм и популизм. В такие эпохи историческое сознание в большей степени этично, чем теоретично. А поскольку групповые цели на уровне личности выступают как ценностно-рациональные, то для ценностно-рационального индивидуального исторического сознания характерна значительная степень конформизма по отношению к массовому историческому сознанию. Поэтому ценностно-рациональное историческое сознание в значительной степени подвержено воздействию извне, оно более податливо для

трансформации и манипуляции. При этом изменяются, трансформируются временные формы исторического сознания, способные к осуществлению полной инверсии: стать, например, из апологетического критическим, а затем в модифицированном виде - вновь апологетическим. Доминантные же формы исторического сознания - монументальное или антикварное, этатистское или либеральное, имперское или провинциальное, - как правило, не изменяются. Такая динамичность исторического сознания связана со сменой направленности и интенсивности различных форм исторического сознания. Связана она и с быстротой перехода от настроений к осознанным мнениям, практическим оценкам исторического прошлого и конкретным действиям. В психологическом отношении эта динамика выражается в уровнях экспрессивности исторического сознания. Уровни эти ограничены:

- а) тем, чего люди хотят;
- б) на что надеются;
- в) в принципе готовы отстаивать (например, «не поступаться принципами»);
- г) привыкли считать своим.

В историческом сознании общества, состояние которого отмечено печатью всеобщего кризиса и распада относительно широкое развитие получают элементы, активно отрицающие и базис, и надстройку этого общества, в первую очередь относящиеся к типу 3 (порожденные данным обществом, но не соответствующие его коренным историческим чертам, в том числе противоречащие им).

Форма меняется всегда, когда смута разрушает прежнюю социально-политическую структуру. Широкие массы людей стремятся осознать свои новые, групповые и индивидуальные интересы в новой, нарождающейся структуре. Потрясение перехода от привычного и устоявшегося к новому и пока неизведанному и порождает общие факторы, влияющие на характер массового исторического сознания. Выраженность характера, форм исторического сознания зависит прежде всего от степени очевидности

расхождения потребностей и притязаний людей (у одних - связанных со старой, рушащейся структурой, у других - с новой, возникающей) с предоставляемыми обществом возможностями их удовлетворения, материального и духовного, от несоответствия декларируемых прав и возможностей - реальной действительности. В зависимости от этого находятся и оценки исторического прошлого. В этом проявляется направленность исторического сознания.

Таким образом, в переходные периоды в развитии общества историческое сознание характеризуется большой политизацией, мифологизацией, ему присущи эмоциональность и динамизм, меняется и соотношение рассмотренных выше типов элементов в составе исторического сознания, широкое развитие получают элементы, активно отрицающие и базис, и надстройку этого общества. В то же время, во всех переходных ситуациях тезис о соответствии характеристик исторического сознания коренным характеристикам общества не теряет своего значения. Просто теперь «сложная», «смешанная» и «многоукладная» социальная природа общества отражается в «сложной» же, «смешанной» и «многоукладной» исторической структуре существующего в нем сознания.

В целом в переходные периоды истории общества в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств историческое сознание не стремится к целе-рациональному познанию исторического прошлого. Для того, чтобы осмыслить исторические события того или иного общества, необходимо пройти через противоположность познающего субъекта познаваемому объекту, нужно по-новому приобщиться к тайне исторического. Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу. Это возвращение к историческому сознанию начинается в период становления нового общества, в период становления новых экономических, политических, социальных и духовных отношений.

1.3. Факторы, обуславливающие возрастание роли исторического сознания в переломные периоды общественного развития.

Будучи духовным продуктом общественных процессов, особого рода человеческой практики, историческое сознание является структурой нормативно - ценностного пространства, задающего определенным способом существования общества, индивидуальное историческое сознание - составляющей духовной интенции жизнедеятельности человека. Историческое сознание, определяя пространственно - временную ориентацию общества, содействует его самопознанию. Общество в целом заинтересовано в формировании непротиворечивого взгляда на свое прошлое и связь его с настоящим и будущим. Целостное историческое сознание выступает в качестве одного из факторов социальной стабильности, выполняя функцию интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов на основе осознания общности своей исторической судьбы. Эта функция исторического сознания предопределяет его связь с господствующей в данном обществе идеологией.

Нормативное историческое знание, отражающее «общепринятую», или официальную точку зрения на прошлое, санкционируется, как правило, государственной пропагандой, и выступает поэтому составной частью господствующей в данном обществе идеологии. В сфере нормативного исторического знания формируется представление об оптимальных, с точки зрения господствующей идеологии, формах разрешения социальных противоречий, нормах поведения. Каждая эпоха стремится найти в прошлом своих героев, чьи деяния соответствуют ее духу и ценностям. Например, героизированное историческое сознание советской эпохи освещало революцию как высшую форму исторического прогресса. Историческими героями эпохи социализма стали великие бунтари и пламенные революционеры.

Роль исторического сознания как одного из регуляторов социального поведения особенно возрастает в переломные моменты общественного

развития. В целом, причины возрастания роли исторического сознания можно разделить на две основные группы.

Первая группа причин объективного характера связана с особенностями развития человеческого общества на современном этапе истории. В первую, в основную очередь, она связана с тем, что в настоящее время мировая цивилизация находится на переходе из одного тысячелетия в другое. Эта смена тысячелетий в мировой истории всегда, с той или иной степенью условности, совпадала с драматическими ожиданиями и переломами в историческом ходе событий. Так переход к I тысячелетию нашей эры был связан с ожиданием Мессии и событиями возникновения христианской цивилизации; наступление II тысячелетия н.э. проходило в ожидании «конца света», прогнозируемого на 10-столетие; подступы к III тысячелетию современной истории отмечены идеологеммой «конца истории» и формационным скачком к постиндустриальным социумам. Американский футуролог Ф. Фукуяма, модернизировав известную концепцию Гегеля, связал идею исторического конца с либерально - демократическим завершением истории как прогресса свободы, которая якобы уже достигнута в западном мире и подлежит лишь дальнейшему расширению на слаборазвитые регионы планеты.¹²⁸

Переход в новое столетие, а тем более в новое тысячелетие порождал психологически объяснимый феномен: осмыслить и обобщить исторические итоги уходящего тысячелетия и «заглянуть» в будущее. При этом особое внимание уделяется прогнозированию проблем, которые предстоит решать в новом времени как человеческому сообществу в целом, так и его отдельным социумам. Такие проблемы все чаще стали называть термином «вызов». Ввод в оборот данной категории, а также парной ей категории «ответ на вызов» есть отражение некоего нового качества человеческого бытия. Обоснованием данному утверждению является то, что научным сообществом признан тот факт, что с конца II тысячелетия происходят фундаментальные в количественном и качественном отношениях перемены в условиях существования

¹²⁸ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. - 1990. - № 3. - С. 134.

человеческой цивилизации. В обозримом будущем они приведут, если уже не привели, к ее качественно новому состоянию - «цивилизационному сдвигу». Д. Сорокин среди этих перемен выделяет следующие наиболее видимые:

- достижение такого рубежа в использовании традиционных технологий, на котором результаты их функционирования (включая техногенные катастрофы) могут привести к необратимым изменениям среды обитания человека;
- освоение новых технологий, «мощность» которых сопоставима с «мощностью» природных процессов. Важным последствием этого, в частности, является то, что человечество живет в условиях постоянной угрозы физического уничтожения;
- появление технологий, способных как вследствие целенаправленных действий, так и стихийно изменять биосоциальную природу самого человека, что, возможно, сопоставимо с теми изменениями, которые породили сам вид человека разумного;
- становление глобального информационного пространства выстраивает принципиально новую систему социальных связей, то есть каждый может получить доступ ко всему накопленному интеллектуальному богатству и вместе с тем происходит формирование личности, для которой альтернативой непосредственного общения становится виртуальное пространство;
- создание условий для взаимодействия и взаимовлияния между отдельными личностями и различными человеческими сообществами в режиме реального времени, породивших в том числе феномен так называемой глобальной экономики;
- качественное изменение политической конфигурации мира. Складывание монополярной системы, многополярного мира чревато дестабилизацией, которая в прошлом нередко приводила к вооруженным столкновениям.¹²⁹

Вышеизложенное подтверждает выдвинутую рядом ученых гипотезу, что на нынешнем рубеже впервые в истории все человечество столкнулось с таким

¹²⁹ См.: Сорокин Д. Вызовы нового века и стратегический ответ России /в порядке обсуждения/ //Вопросы экономики. - 2001. - № 11. - С. 34.

не имевшим ранее аналогов комплексом изменений условий своего существования, которые требуют столь же масштабных качественных изменений форм и способов бытия человечества в целом и составляющих его социумов. Учитывая масштабы требуемой трансформации, надо полагать, что она неизбежно приведет к вышеуказанному «цивилизационному сдвигу». Таким образом, вызов предстает как точка бифуркации (историческая «развилка»), прохождение которой определяет дальнейшую историческую судьбу социума, в предельном случае, - по мнению Д. Сорокина, - уничтожение общества как особой социальной или физической целостности («нулизация общества»)¹³⁰.

Причем уничтожение общества может произойти вследствие неадекватной стратегии ответа на вызов. Сейчас стало ясно, что выбранная в начале 1990-х годов стратегия ответа на новые вызовы в России оказалась неадекватной. В силу этого произошло перерастание вызова в угрозу историческому будущему нынешней России: будет ли она существовать на карте мира, и если да, то в каком качестве? «Упадок России, свидетелями которого мы являемся, - отмечает Т. Грэхем, - вполне может быть лишь временным, но быстрые перемены в современном мире, нынешние тенденции политического, экономического и военного развития в Европе и Азии, по меньшей мере, увеличивают вероятность того, что этот упадок окажется окончательным. И потому нам следует, - делает он вывод, - серьезно и систематически думать о возможности мира без России».¹³¹

В такой сложившейся ситуации переходного периода возникает социальная задача ценностного присвоения новых характеристик прошлого, настоящего и будущего как компонентов исторического времени. «Формируется, - по словам С.Б. Крымского, - новое видение глобальной истории».¹³² Соответственно расширяется диапазон освоения прошлого в

¹³⁰ См.: Там же. - С. 36.

¹³¹ Грэхем Т. Мир без России?// Независимая газета. - 1999. - № 11. - 8 дек. - С. 7.

¹³² Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории// Вопросы философии. - 2000. - № 7. С. 33.

формах социокультурной рефлексии, прямого практического использования исторических ценностей, раскрываются нетрадиционные ракурсы освещения смысла, форм, путей и результатов исторической деятельности. Это особенно выразительно проявляется в процессах национальных ренессансов, столь характерных для современного мира. Ведь национальное возрождение требует ценностного пробуждения всего того, что сохраняется во времени, является инвариантным в опыте нации. Исторические традиции возрождаются сейчас не только под знаком фундаментализма и не только в мусульманских странах. Они возрождаются и в общественной жизни развитых стран, в которых усиливается социальная значимость семьи, религии, общины. С использованием ветхозаветных традиций развивается современный Израиль. В России и в Украине возрождается казачество. Эти и другие примеры можно рассматривать как свидетельства того, что современная история все теснее связывает движение вперед с преобразованием настоящего под углом зрения неиспользованных возможностей прошлого, т.е. реализует будущее не только в запросах сегодняшнего, но и в составе опыта прошлого, входящего в современность. И, таким образом, востребованное практикой прошлое приобретает достоинство настоящего и не отделяется ощутимым интервалом от будущего.

Во-вторых, актуализация исторического сознания обусловлена резким ускорением исторического развития, неудержимым движением истории. Если восточные цивилизации древности и античный мир в течение многих столетий пребывали в рамках традиционных экономических, политических, социальных, духовных отношений, то только за XX столетие человечество проделало путь от индустриального к постиндустриальному, а затем и к информационному обществу. Только послевоенный период XX в. характеризовался быстрой сменой общественно-экономических формаций во многих странах Европы, Азии и Латинской Америки, крахом колониальной системы, социализацией общественной жизни, в бурным развитием науки и техники. «Будущее наступает слишком быстро. - Пишет по этому поводу украинский философ и С.Б.

Крымский. - Люди не успевают приспособиться к динамике изменений, что вызывает... специфический футурошок. Усиливается социальная коллизия между осуждением прошлого и неприятием будущего». ¹³³ Иными словами, быстрота изменений во всех областях общественной жизни порождает опасность похоронить навсегда в историческом прошлом важнейшую часть того, чем мы являемся, того, что нас сформировало. «...страх перед разрывом с прошлым, отмечает французский историк Пьер Нора, - проявляется для Франции особенно резко по целому ряду причин. Двадцать пять лет быстрого экономического роста, который примерно с 1956 года втянул в свое движение все общество, пришлось как удар кнута по стране, которая долгое время пребывала в состоянии социальной стабильности, опиравшейся на многочисленное крестьянство, и позднее других стран осуществляла промышленную революцию. Эти факторы сделали разрыв с прошлым, как и быстрое исчезновение огромного капитала истории и традиций, еще более болезненным и опасным. Крушение, которое могло превратить нас в безутешных сирот прошлого, совпало к тому же с глубокими политическими преобразованиями общества со времени Пятой республики и резким изменением места и роли Франции в послевоенном мире в связи с окончанием колониальной эпохи. Из великой державы, какую всегда была Франция, она стала средней державой, и это превращение вместе с указанным укреплением республиканской демократии значительно способствовало перестройке ее сознания и ее ретроспективного взгляда на свою великую историю». ¹³⁴

Следующая объективная причина актуализации исторического сознания связана с тем, что в конце II тысячелетия нашей эры мировая история действительно стала приобретать черты фатальности, когда под вопросом сама возможность будущего. С появлением ядерного оружия массового уничтожения от злой воли определенных социальных сил стало зависеть не только наличное бытие, но и бытие как таковое: возникла опасность атомного Армагеддона, глобального уничтожения или клиоцида (гибели истории). Не

¹³³ Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории. - С. 32.

менее угрожающими для будущего являются: перспективы экологической катастрофы, нарушение генофонда человечества, распространение «роковых» заболеваний, рост преступности и наркомании. Все более тревожным становится распространение этнических конфликтов. Вредные явления в социальной психологии сконцентрировались таким образом, что создают впечатление настоящего взрыва подземного мира страстей, когда терроризм, фундаментализм, национализм, расизм, иррационализм, эротизм и прочие обретают демоническую окраску. В такой ситуации у человека, где бы он ни жил, нарастает ощущение неуверенности в завтрашнем дне. И тут, как заметил П. Нора, в условиях усиливающейся неуверенности всем хочется «ощущать на сапогах побольше прилипшей к ним земли прошлого»,¹³⁵ т.е. чувствовать себя подтвержде стоящим на земле. Один из способов для этого - обращение к историческим корням: только ощутив ниточки связей, тянущихся к нам из прошлого, можно почувствовать себя устойчивее в нынешних условиях.

Важной причиной повышения роли исторического сознания в переходные периоды являются радикальные изменения в социальной жизни общества. Изменения кардинального характера в способе производства социального организма выдвигают на повестку дня вопросы, связанные с проблемой выбора дальнейших путей развития, а, стало быть, методов, форм и принципов как оценки пройденного пути, так и выработки программ на будущее. «История превращается из сферы знания в вопрос жизни и осознания бытия».¹³⁶ Именно поэтому общество логикой собственного развития вынуждено обращаться к поиску новых ответов на старые вопросы социального бытия: «кто виноват»? «что делать»? и «с чего начать»? Ответы на подобные вопросы, равно как и на совокупность рядоположенных им, с необходимостью подвигают любое общество в лице каждого нового поколения к переосмыслению причин, приводящих к существующему положению дел. Такое обращение к прошлому

¹³⁴ Нора П. Память, история// 50/50: Опыт словаря нового мышления. - С. 441.

¹³⁵ Цит. По: Иного не дано. - М.: Прогресс, 1988. - С. 491.

¹³⁶ Лосева О.А. Философско-аксеологический анализ исторического познания: Дис. ...канд. филос. наук. - Саратов, 1998. - С. 49.

необходимо потому, что, строго говоря, ответы на вызов будущего искать практически больше негде, кроме как в прошлом, ибо прогнозирование как попытка познания будущего, в отличие от предсказаний иррационального свойства базируется, так или иначе, на анализе прошлого и настоящего, на выявлении в них закономерностей с целью экстраполяции обнаруженных тенденций на вероятное будущее. «Нельзя идти вперед сегодня, - отмечает А. Бовин, - не зная, почему мы зашли в тупик вчера. Нельзя решать задачи сегодняшнего дня, не уяснив себе, почему не оправдали себя решения задач дня вчерашнего. Прошлое, - по его мнению, - не может сказать нам, куда надо идти, но куда идти не надо, оно скажет.¹³⁷ В чем смысл анализа прошлого? Перед субъектом в любом случае, в ряду других задач, стоит задача осмыслить, понять условия собственной деятельности, то есть поле, ареал, где он собирается действовать, добиваясь реализации собственных целей. Среди условий важное место занимают социальные условия, то есть такие, которые связаны с деятельностью других социальных субъектов. Одним из важнейших способов теоретического овладения, то есть постижения этих условий является анализ их становления в пространстве - времени, иначе говоря, их исторический анализ. В периоды эволюционного развития социальных организмов исторический анализ результатов прошлой деятельности базируется, как правило, на основе господствующей в данном обществе доктрины и, как правило, не вызывает политического акцентирования на ее основаниях. В периоды же развития, носящие характер революционных изменений, кризисов, катаклизмов, когда процессу социальных перемен предшествует процесс ломки парадигм исторической науки, пересмотр их оснований, данная проблематика резко политизируется, так как начинает непосредственно затрагивать интересы социальных групп - как тех, которые заинтересованы в смене парадигмы, так и тех, которые заинтересованы в ее сохранении, консервации.

¹³⁷ Бовин А. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма// Иного не дано. - С. 520

К факторам, обуславливающим возрастание роли исторического сознания, относится и необходимость переоценки тех культурных, политических, моральных, религиозных и иных ценностей, которые определяли до переходного периода образ жизни социума. Ярким подтверждением этого тезиса служит «Смутное время» (1598-1613 гг.). Оно не прошло бесследно для российского общества. Его следствия, начав проявляться уже в период царствования Михаила Романова, вытекали из главной причины перемены, произошедшей в положении государства. Данная причина заключалась в том, что, говоря словами В.О. Ключевского, «...прервалось политическое предание, старый обычай, на котором держался порядок в Московском государстве XVI в...».¹³⁸ Из потрясения, пережитого в Смутное время, население России вынесло «...обильный запас новых политических понятий, (которыми не были знакомы их отцы, люди XVI в.)»,¹³⁹ Смута изменила привычный взгляд общества на государя и государство. Если люди XVI в. видели в своем государе хозяина государства, целью которого был личный или династический интерес этого государя, то в Смутное время, характеризующееся выборностью царя или его отсутствием, появилась идея государства, которая стала сливаться с понятием о народе. «Рядом с государевой волей, - отмечал В.О. Ключевский, - а иногда и на ее месте теперь не раз становилась другая политическая сила... - воля народа».¹⁴⁰ Новыми явлениями в жизни государства, привнесенные Смутой, также стали превращение наследственной самодержавной монархии в монархию выборную, появление самозванцев, участие рядовых дворян и социальных низов в борьбе за власть в государстве и др.

Так было в эпоху крушения Римской империи и формирования новой, европейской цивилизации, когда складывалась новая идеология на основе зарождавшейся христианской религии, и происходила переоценка исторического прошлого империи, которая выражалась не только в

¹³⁸ Ключевский В.О. Соч. В 9 т. /Под ред. В.Л. Янина/ Послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зими́на. - М.: Мысль, 1988. - Т. 3. - Ч. 3. - С. 62.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. - С. 64.

переосмыслении прошлого, но и в отказе от многих традиций античности - разрушались прекрасные античные храмы, разбивались прекрасные статуи великих античных мастеров, были запрещены языческие жертвоприношения.

Следует заметить, что переоценка духовных ценностей, новая парадигма истории по разному отражается в сознании различных слоев населения. У старшего поколения они вызывают непонимание, раздраженность а то и психологический шок. Это и понятно - ближайшая история является их жизнью, она делалась ими, у них сформировались определенные стереотипы, догмы. Молодежь достаточно быстро приспосабливается к новым оценкам прошлого, оно для них интересно, в основном, лишь в познавательном отношении, поэтому вызывает повышенный интерес, зачастую приводит к неприятию этого прошлого, к нигилистическому отношению к ней. Это, в свою очередь, приводит к еще более глубоким последствиям – разрыву связей поколений. В то же время переосмысление истории, новые ее оценки приводят в динамическое состояние историческое сознание и молодого, и старшего поколений. Первые, например, по утверждению А.Н. Латышева, пытаются понять: почему Павлик Морозов из пионера-героя стал вдруг отрицательным персонажем обращений к прошлому. Другие не желают понимать, как один из тех, с кого они «делали жизнь», стал объектом политических нападков. У одних позиция в основном нейтрально-беспристрастного любопытства, у других - трагического неприятия резкой смены идеологических ориентиров.¹⁴¹

Следующая причина возрастания роли исторического сознания обусловлена тем, что у определенной части населения формируется неприятие, а то и сопротивление экономической, политической и социальной обстановке, сложившейся в кризисном обществе. Историческое сознание обращается к прошлому, к поиску в нем утраченных идеалов.

Как отмечал К. Маркс, «... как раз в такие эпохи революционных кризисов они (люди - А.Л.) боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая себе на помощь

¹⁴¹ Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: Дис. ...канд. филос. наук. М., 1991.- С. 78.

духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории».¹⁴²

Так в эпоху Возрождения в социально - экономической и духовной жизни Западной Европы происходил целый ряд изменений - начали развиваться, говоря словами Ф. Энгельса, «...современные европейские нации и современное буржуазное общество...».¹⁴³ В условиях кризиса феодализма происходили существенные перемены в умонастроениях. Уже средневековые представления, основанные на христианской религии, не удовлетворяли требованиям нового времени. Презрение к земному естеству заменяется признанием творческих способностей человека, разума, стремления к земному счастью. реализация человечности предопределила обращение к культурному богатству прошлого - к античному культурному наследию, к овладению многоликим богатством древней философии, литературы, искусства.

Говоря о данной причине актуализации исторического сознания, следует отметить взаимосвязанность и последовательность причин, о которых идет речь. Сопrotивление ситуации, отказ от официальной идеологии, неприятие прежних методов интерпретации прошлого - логическое следствие неудовлетворенности знаниями истории, неудовлетворенности, о которой речь шла выше. Но это все-таки причины разного порядка. В одном случае можно просто быть неудовлетворенным, в другом - реализовывать это состояние в активном поиске жизненных ценностей в историческом прошлом. Этот поиск тоже является, таким образом, своеобразным катализатором исторического сознания.

И снова довольно характерной представляется позиция двух возрастных групп - людей пожилых и молодежи. Среди первой распространен стереотип сознания, который выражается в «тоске» по прошлому, его идеализации, в

¹⁴² Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 8. - С. 119.

¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 20. - С. 345.

суждениях по принципу: в наше время было лучшее.¹⁴⁴ Этот феномен скорее психологического свойства, отражающий явление более общего порядка, которое И.О. Кон определил как стереотипное соотношение «наше и чужое», когда «наше» является самым лучшим, превосходит все остальное.¹⁴⁵ В отношении молодежи ситуация несколько иная. Для этой социальной группы поиск идеала представляет уже не абстрактный, а во многом утилитарный интерес, поскольку вопрос «с кого делать жизнь?» лежит для нее в практической плоскости. А так как от многих идеалов и ценностей общество в переходный период отказалось, сознание вынуждено обращаться за решением этой проблемы назад, в прошлое.

Возрастание роли исторического сознания обусловлено также и тем, что в периоды социально-политических кризисов, будь то Смутное время, революция 1917 г., вторая мировая война или сегодняшнее время, особенно рельефно выступает общественная роль исторической науки. В немалой степени это происходит потому, что в связи с коренными изменениями в условиях жизни людей резко обостряется их историческая память, появляется потребность обращения к минувшему - далекому и близкому. В переломные моменты жизни общества, когда утрачиваются или резко меняются привычные жизненные ориентиры, народы ищут ответы на вопросы современности и в своем прошлом. Богатейший опыт, накопленный поколениями соотечественников, служит обществу на переломах эпох практическим, нравственным и интеллектуальным арсеналом, помогая по-новому оценить путь, пройденный страной за многие века, подтвердить или опровергнуть то, что ранее казалось незыблемыми истинами.¹⁴⁶

Актуальной роль исторической науки становится и потому, что в кризисном обществе выдвигаются политические движения и партии, критически относящиеся к официальной истории, они выдвигают свою

¹⁴⁴ Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании. - С. 79.

¹⁴⁵ Кон И.О. К проблеме национального характера// История и психология. -М.: Наука, 1971. - С. 127.

¹⁴⁶ См.: Золотарев В. Возвращение к урокам прошлого// Свободное слово. - 2001. - № 6. -С. 11.

концепцию исторического знания, с помощью истории стремятся размыть в общественном сознании сложившиеся традиции, разрушить веру различных слоев общества. Так, в период перестройки в СССР в ряде публикаций на историческую тему основные этапы истории советского периода - 20 - 30-е гг., Великая Отечественная война, послевоенный период - представлялись таким образом, чтобы не оставить в сознании человека никаких положительных представлений об осуществленных преобразованиях, конструктивно-созидательной деятельности народа, роста экономики страны и культуры народов. Репрессии, преступления, ошибки, просчеты, неудачи составляли при этом не только драматические, трагические стороны исторического процесса, а исключительное, исчерпывающее содержание нашего развития. «Очевидно, - отмечает по этому поводу Г.Л. Смирнов, - цель была поставлена такая - не оставить никакого следа в сознании людей, в памяти потомков».¹⁴⁷

А смена веры каждый раз сопровождается ростом массового безверия, негативизма, эгоцентризма, цинизма, культа силы, нравственной опустошенности.¹⁴⁸

И, наконец, одна из причин возрастания роли исторического сознания состоит в овладении историками новыми исследовательскими методиками и приемами, позволяющими по-иному взглянуть на прошлое человечества.

Благодаря освоению методов демографии, антропологии, психологии, социологии, политологии, или, как говорят в профессиональной среде, междисциплинарной методологии, ею было вскрыто множество новых, неизвестных ранее пластов экономической, социальной, политической и духовной истории человечества».¹⁴⁹

Соглашаясь с данной формулировкой указанной причины следует, заметить, что в рамках теоретического уровня исторического сознания ей

¹⁴⁷ См.: Историческое сознание общества - на уровень задач перестройки// Вопросы истории. - 1990. - № 1. - С. 13-14.

¹⁴⁸ См.: Курашвили В. СССР в 2000 году// Через тернии /Сост. А.А. Проташик. -М.: Прогресс, 1990. - С. 643.

¹⁴⁹ Согрин В.В. К новому историческому сознанию// Общественные науки. -1989. - № 3. - С. 93-94.

можно придать более широкое толкование. На актуализацию исторического сознания влияет не только овладение историками междисциплинарной методологией, но и в целом совершенно другой взгляд на практику исследования и объяснения истории. В ходе перестройки исторической науки и переоценки устоявшихся концепций произошел отход ряда историков от исследования самого термина «закономерность». Некоторые исследователи склонились в другую сторону - к изучению истории исключительно через деятельность личностей, абсолютизируя индивидуальную сторону явлений. Стало утверждаться мнение о том, что деятельность личностей, политиков и других участников исторического процесса является главной движущей силой истории. Другие исследователи начали поиск закономерностей исторического развития на стыках общественных социально - гуманитарных наук, появились такие научные дисциплины, как политическая история, социальная история, историческая психология и др. Несомненно, что активное использование достижения смежных наук в истории будет способствовать более полному объяснению механизмов функционирования и смены политических режимов в рамках различных систем.

В качестве альтернативных марксистско-ленинской концепции истории в исторической науке в последнее время развиваются радикально - обновленческие, консервативно - рационалистические, центрические и другие тенденции. В достаточно широких кругах историков Запада произошел сдвиг методологических установок - отказ от идеи существования «вечных основ» человеческой истории, отброшена не только идея прогресса, но и идея преемственности в развитии общества; прошлое мыслится ими как нечто прерывное и фрагментарное; его осмысление отождествляется прежде всего с анализом различий и разграничений, не обязательно сопоставимых между собой. В результате этой смены методологических установок происходит сдвиг в основной проблематике исторических исследований. Если давняя традиция требовала от историка интересоваться социальным устройством, экономикой, управлением, политической организацией общества, то теперь на передний

план выдвинуты различные феномены частной и повседневной жизни, особенно из числа тех, что связаны с эмоциональной и телесной сферами человеческого поведения: эгоизм, насилие, мазохизм, унижение, отвращение, гневливость, боль, муки, инцест, трансвестизм и тому подобные антропологические сюжеты. «Нетрудно заметить, - пишет по этому поводу Ю.Л. Бессмертный, - ...что под таким анализом подразумевается теперь не столько изучение последовательных изменений, пережитых феноменами прошлого, сколько понимание своеобразия каждого из них в отдельности, так же и наполнение нашей сегодняшней памяти об этих феноменах».¹⁵⁰ Иными словами, не преемственность, и эволюция, не сопоставимость и трансформация, но прерывность и неповторимая инакость каждого из исследуемых феноменов все чаще заполняют интеллектуальное поле историков.

Таким образом, в научной литературе открыто обсуждаются новые, отличные от принятой ранее схемы, истолкования исторического процесса, закономерностей его развития.

Вторая группа причин возрастания роли исторического сознания в переломные периоды заключается в необходимости аккумуляции знаний о прошлом в целях передачи нынешним поколениям опыта предшествующих поколений; осознания своего места и роли в историческом процессе; выработки соответствующих образцов и норм поведения; использования исторических знаний как аргументов в политической и идеологической борьбе.¹⁵¹

Безусловно, все это можно рассматривать и как комплекс причин, обуславливающих наличие исторического сознания вообще, безотносительно проблемы его актуализации, поскольку каждая из причин является в определенной мере обязательным условием его существования, отражая одну из функций этого сознания. Но дело в том, что отличающий историческое сознание динамизм формирования его содержания способен создать условия

¹⁵⁰ Бессмертный Ю.Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии// Вопросы истории. - 2000. - № 9. - С. 154.

¹⁵¹ См.: Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: Дис. ...канд. филос. наук. М., 1991.

для резкого возрастания роли какой-то одной из его функций, которая становится на данный момент определяющей и актуализирующей историческое сознание в целом. Так, функция передачи наследия, опыта прошлого оказалась тесно сопряченной с трагически осознаваемым сегодня нашим обществом разрывом в дореволюционный и постреволюционный периоды развития отечественной культуры. Отрицание опыта прошлого, игнорирование достижений дореволюционной общественной мысли стало невосполнимой утратой, приведя во многом к тем духовным порокам, которые сейчас приходится преодолевать.

Но проблема эта не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Процесс возвращения к прошлому не прямолинеен, надо учитывать в нем как положительные, так и отрицательные тенденции и течения. Надо учитывать многовариантность названной причины и возможность формирования связи с этим содержанием сознания не только в конструктивном, но и в регрессивном для общества направлении.

Вопросы «Куда мы идем, как народ? Кто мы? Что представляем из себя на пути исторического процесса?» безусловно, волнуют каждое цивилизованное общество. И различные исторические теории Гердера, Гегеля, Лорана, Соловьева, Бердяева и других мыслителей представляют в этом отношении смелые попытки философского осмысления этих проблем, являются отражением большого общественного интереса к ним. Этот интерес способен обостряться в переломные для общества периоды. Поэтому злободневность подобных вопросов, усилившееся в последнее время внимание к наследию отечественных философов и историков, пытавшихся понять ход общей истории, конечно, не случайны. Тот интерес, который к ним проявляется, содержание дискуссий и споров по этому поводу, являются своеобразны индикатором не только исторического, но и общественного сознания в целом, отражают степень восприятия и понимания этих фундаментальных проблем, закладывают основы стратегического развития общества.

Можно согласиться здесь с А.Х. Самиевым, утверждающим, что «историческое сознание выступает как самосознание общества в том смысле, что посредством его люди узнают самих себя, свое настоящее, находят ответы на жгучие вопросы современности... Историческое сознание дает людям, обществу научно-обоснованную ценностную ориентацию через познание диалектики прошлого, настоящего и будущего...».¹⁵²

Объективно действие этой причины актуализации исторического сознания распространяется в основном на его теоретический уровень. Именно он способен породить «очаги возбуждения» исторического сознания, проявляющиеся чаще всего в форме научной полемики вокруг этих вопросов. Но общественная значимость, острота их не остается в границах научных споров. При сочетании благоприятных условий - политических, идеологических и других - необходимость определения собственной исторической идентичности, своих места и роли в историческом процессе может оказаться для общества настолько острой, а идея о своей исторической избранности, историческом превосходстве настолько популярной в массах, что проблемы эти не могут не захватывать и обыденное историческое сознаний. Важно также заметить, что действие этой причины происходит на «пограничном» участке исторического сознания, где оно легко трансформируется в другие формы общественного сознания. Это позволяет в какой-то мере объяснить политический и идеологический фон, который сопровождает обычно появление или обсуждение указанных выше идей и теорий.

Использование исторического сознания как инструмента в политической и идеологической борьбе - явление довольно частое. Известна формула истории, которую критиковал М. Покровский, но которую постоянно ему приписывают: «История - это политика, опрокинутая в прошлое». В историографии иногда ошибочно считают эту мысль квинтэссенцией

¹⁵² Самиев А.Х. Становление и развитие исторического сознания - как самосознания общества: Дис. ...докт. филос. наук. - М., 1995. - С. 109.

понимания сущности исторических знаний марксизмом. В реальной действительности историографическая парадигма формируется практически всегда исходя из текущей политической ситуации, из задач, стоящих перед обществом на данном конкретном этапе. Вопрос заключается в том, в какой степени политическая конъюнктура сказывается на познании истории, подавляет ли она научный поиск? История всегда была источником аргументов и идей для политиков и наоборот, - ее зачастую переписывали для обоснования легитимности политических режимов.

В.О. Ключевский справедливо отмечал: «История народа, научно воспроизведенная, становится приходно - расходной книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего - сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты».¹⁵³

Политические, идеологические манипуляции в отношении исторического сознания - явление объективно неизбежное. Они имеют многовариантный характер. Мы отошли сегодня от традиционных, отработанных десятилетиями средств и методов формирования исторического сознания, использования его в идейно - воспитательной работе среди населения. Но новое отношение к историческому знанию пока выражается только в форме лаконичного требования «правды исторического факта».

Сегодня понятия «партийность», «классовость» в отношении исторического сознания употребляются очень и очень осторожно. Но падение «популярности» этих понятий не означает исчезновения тех явлений, которые они выражают. Пока существует социальное расслоение общества, будут существовать и носители определенного классового исторического сознания.

Если есть многопартийность, есть и многозначность отношения со

¹⁵³ Цит. по: История России в вопросах и ответах. Курс лекций. Учебное пособие. Сост. С.А. Кислицын. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. - С. 244.

стороны той или иной партии или блока партий к прошлому, к истории, историческому сознанию. Все это еще больше усиливает необходимость исследования данного духовного феномена как мощного фактора в политической и идеологической борьбе.

Таким образом, в переходные периоды истории роль исторического сознания как важного регулятора общественного поведения неизмеримо возрастает. Это обусловлено рядом объективных и субъективных причин, основными из которых являются:

- особенности развития человечества в период перехода из одного тысячелетия в другое и связанные с этим драматические ожидания и переломы в историческом ходе событий, которые ведут социум к «цивилизационному сдвигу»;
- резкое ускорение исторического развития, неудержимое движение истории, вызывающее у людей специфический футурошок и угрожающий утратой человечеством своего исторического прошлого, своих исторических корней, своей идентичности;
- радикальные изменения в социальной жизни общества переходного периода и необходимость переосмысления культурных, политических, моральных и иных ценностей, определяющих образ жизни того или иного общества;
- поиск в прошлом, в истории утраченных идеалов, обусловленный кризисной ситуацией социума;
- факторы субъективного характера, обусловленные как процессами переходного периода, так и функциональными особенностями самого исторического сознания, его местом и ролью в общей системе общественного сознания.

Возрастание роли исторического сознания в переходные периоды истории является закономерным явлением в развитии как мировой цивилизации в целом, так и конкретного социума, в частности.

В переходные периоды истории общества в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств историческое сознание не стремится к целе-

рациональному познанию исторического прошлого. Для того, что бы осмыслить исторические события того или иного общества, необходимо пройти через противоположность познающего субъекта познавательному объекту, нужно по-новому приобщиться к тайне исторического. Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу. Это возвращение в историческом сознании начинается в период становления нового общества, в период становления новых экономических, политических, социальных и духовных отношений.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА В СССР (РОССИИ).

2.1. Социокультурный кризис в СССР (России) в конце XX в.: сущность, причины, особенности.

Кризис – это одно из состояний живого организма, критическая точка развития социальной системы, с другой стороны – начало периода быстрых изменений. Еще в Древней Греции под кризисом понималось завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы. В самом общем виде кризис есть нарушение равновесия и в то же время переход к новому равновесию.¹⁵⁴ Кризис есть резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние. Состояние, когда существующие средства (механизмы) достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы, для преодоления которых нужны новые модели мышления и действия.¹⁵⁵ В науке утвердилось мнение, что кризисы носят закономерный характер и свидетельствуют, с одной стороны, о том, что общество, несмотря на имеющийся определенный внутренний запас прочности, может достигать предела, дальше которого оно в данном состоянии двигаться не может, так как исчерпало свои ресурсы и смысл существования, т.е. обозначилась некая критическая точка в развитии социальной системы. С другой стороны, - кризис выступает как начало периода быстрых инновационных изменений, в течение которых общество стремится к более или менее стабильному развитию. Двойственная природа кризиса дает основание не только воспринимать и интерпретировать его как национальную драму, но и видеть в нем оптимистические основания.

Обычно принято различать стабильное и кризисное состояние общества. Первое означает устойчиво воспроизводящийся социальный порядок. Второе выражает нарушение стабильности, служит острой формой проявления

¹⁵⁴ См.: Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – М., 1989. – Кн. 2. – С. 218.

¹⁵⁵ См.: Социологический энциклопедический словарь. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – С. 149.

социального конфликта, способом движения социальной системы от прежнего ее состояния, через дезинтеграцию и конфликт к новому состоянию. «Кризис с этой точки зрения, - считает О.М. Штомпель, - является одним из состояний общества. Кризис есть нарушение стабильного равновесия, определенное выражение социальных, культурных и экономических конфликтов».¹⁵⁶ В ходе своей эволюции, по мнению Н.И. Лапина, любое общество неоднократно проходит динамический цикл: «стабильность - кризис - новая стабильность».¹⁵⁷ А.Я. Флиер анализ социокультурного кризиса осуществляет с использованием понятия «социально - культурная энтропия», понимаемого прежде всего как снижение уровня системно - иерархической структурированности, полифункциональности, сложности культурного комплекса определенного общества в целом.¹⁵⁸ То есть речь идет о тенденции к деградации определенной культуры как системы. Ряд исследователей отождествляют кризис со смутным временем. «Состояние, в котором сейчас находится экономика и общество, обычно трактуется как кризис. - Отмечает Д.С. Львов. - Это слово упрощает и искажает суть дела. В действительности мы переживаем смутное время. Так называют период политической борьбы отдельных групп и отсутствия объединяющих идей, утери привычного «круга безопасности», внутри которого каждый человек чувствует себя защищенным, где он у себя дома. Это **безвременье**».¹⁵⁹ Иначе говоря, кризис, понимаемый традиционным образом (в политике, в экономике, в социальной сфере и т.д.), оказывается неадекватным понятийным инструментарием, поскольку из сферы рассмотрения выпадает культурная составляющая всех этих процессов

Кризис - явление многогранное, он имеет глубокую структуру. Наиболее

¹⁵⁶ Штомпель О.М. Социокультурный кризис /Теория и методология исследования проблемы/: Дис. ...докт. филос. наук. - Ростов-на-Дону, 1999. - С. 273.

¹⁵⁷ См.: Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации// Вопросы философии. - 1992. - № 12. - С.34.

¹⁵⁸ См.: Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности// Общественные науки и современность. - 1998. - № 3; Он же. Энтропия социально-культурная// Культурология XX века. Словарь. - Спб., 1997.

¹⁵⁹ Львов Д.С. Образ России - истоки формирования// Вопросы философии. - 1998. - № 4. - С. 7.

полную его классификацию дает Н.И. Лапин.¹⁶⁰ По своей структуре (см.: Таблицу № 4) кризисы в обществе бывают частные и общие. К частным относятся локальные кризисы, ограниченные частью территории данной страны, и сферные или институциональные, поражающие конкретную сферу или институт общественной жизни (экономику, политику, образование, правительство, экологию и т.п.). Общие кризисы охватывают данное общество (страну) в целом, их можно именовать поэтому системными (от французского слова «сосьете» - общество). В свою очередь, среди системных кризисов необходимо различать социальный, развивающийся в отношениях между людьми, складывающихся и воспроизводящихся в разнообразных процессах человеческой деятельности; культурный, поражающий сами способы деятельности человека, типы воспроизводственной жизнедеятельности общества; социокультурный или универсальный, объемлющий как совокупность социальных (общественных) отношений, так и культуру (способы) деятельности человека, взаимодействие социальных отношений и культуры.

По характеру своей внутренней динамики, кризисы общества можно разделить на два противоположных типа – саморазрешаемые - их большинство, они вписываются в естественную логику саморазвития общества и потому могут быть названы нормальными; патовые, заключающие в себе порок заколдованного круга и потому выступающие по отношению к естественному саморазвитию как патологические.

Особый, редкий в истории случай представляет собой патологический социокультурный кризис. В наиболее чистом виде, в качестве веберовского «идеального типа» такой кризис характеризуется, во-первых, общим кризисом социальных отношений, эволюция данного типа которых достигла завершающей стадии; во-вторых, расколом культуры, инверсионная логика которой формирует заколдованный круг вариантов предкатастрофического

¹⁶⁰ См.: Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблемы социокультурной реформации. - С. 34.

состояния;¹⁶¹ в-третьих, препятствиями, которые инверсионная логика расколотой культуры возводит на пути саморазрешения кризиса социальных отношений, гоня общество из одной кризисной ситуации в другую и направляя его, в конечном счете, к катастрофе.

Общество, переживающее патологический социокультурный кризис, есть кризисный социум. «Это специфическое, довольно редко встречающееся в истории состояние общества, - отмечает Н.И. Лапин, - характеризующееся уникальным сочетанием параметров социального и культурного развития».¹⁶²

Социально - культурный кризис различается по динамике его различных фаз, видам и формам рассогласованности социального и культурного, по его качественным характеристикам. Данное рассогласование, дисгармония, дисбаланс социального и культурного реализуется с точки зрения О.М. Штомпеля, в трех основных предметных сферах:

- на уровне общества - как противоречие между его социальными и культурными подсистемами;
- на уровне взаимодействия человека - субъекта исторического процесса, и общества - как отрицание индивидом деградирующего мира социума и культуры;
- на уровне личности, внутренний мир которой содержит доминантную установку на собственную внутреннюю, духовную «анормальность», и «недостроенность» в отношении с миром абсолютных культурных ценностей, а внешнее бытие, ее социокультурный статус оценивается в качестве ущербного и подлежащего изменению.¹⁶³

Сегодня уже никто не сомневается, что кризис нашего общества является социокультурным кризисом, т.е. два кризиса - социальный и культурный - сложились в одном обществе и действуют в нем одновременно. Точнее, они

¹⁶¹ См.: Ахиезер А.С. Россия - критика исторического опыта. - М., 1991. -С. 269-293.

¹⁶² Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации. - С. 34.

¹⁶³ См.: Штомпель О.М. Социокультурный кризис /Теория и методология исследования проблемы/: Дис. ...докт. филос. наук. - С. 131.

взаимодействуют, но весьма специфически, воплощая своеобразие российского общества как социокультурной реальности. «Современный этап российской истории, - пишет В.В. Согрин, - ...может быть расценен как один из самых драматических периодов ее развития, сравнимых с наиболее крупными переходными эпохами».¹⁶⁴ Возникло патологическое состояние общества, характеризующееся противоречием между культурой и социальными отношениями, распадом всеобщности, культурного основания общественного воспроизводства.

Общий кризис общества охватывает все его основные сферы. В сфере политической, противостояние консерваторов и демократов, вылившееся в события августа 1991 г., завершилось распадом СССР, созданием новой государственности Российской Федерации и началом формирования нового конституционного строя в стране. Под влиянием негативных явлений падал авторитет новой власти, ее лидера. Если в августовские дни 1991 г. рейтинг Б.Н. Ельцина был на уровне 80-90%, то уже в начале 1993 г. он составил 25-30%, т.е. приблизился к рейтингу М.С. Горбачева перед его уходом в отставку.¹⁶⁵ В течение 90-х г.г. не решился вопрос о построении правового государства и как результат недееспособность и некомпетентность властных структур, их отрыв от масс, криминализация управленческого аппарата, беспринципное противоборство политических партий и движений, ущемление и игнорирование основных прав личности, наметившаяся тенденция перехода от зачатков демократии к авторитаризму, разгул преступности. «...нельзя не признать, - отмечает Б.Н. Топорнин, - что до сих пор государство в России со своими задачами справлялось явно неудовлетворительно... наше государство - слабое государство... Такому государству не под силу вывести страну из кризиса. Если эту ситуацию не переломить, то дело пойдет к ослаблению и

¹⁶⁴ Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена// Вопросы философии. - 1994. - № 11. - С. 3.

¹⁶⁵ Заславская Т. Вперед по времени// Общественные науки и современность. - 1993. - № 3. - С. 8.

утере управляемости страной».¹⁶⁶

В области экономической - беспрецедентное падение промышленного и сельскохозяйственного производства, свертывание наукоемких отраслей хозяйства и новых технологий, непомерное развитие топливно - сырьевых структур экономики, подчинение их иностранному капиталу, разрыв существовавших хозяйственных связей между бывшими союзными республиками - ныне самостоятельными государствами - членами СНГ. «Десять лет экономическим реформам в России. - Пишет Д. Львов. - Финишу, к которому мы пришли, предшествовал большой марафон, страна «вошла» в реформы с высоко поднятым знаменем, на котором были начертаны не совсем понятные для многих, но возбуждавшие воображение слова: либерализация, приватизация, свобода и демократия. Мы готовы были платить за новый курс, который должен был привести всех нас к процветающему капиталистическому обществу. И мы заплатили, не постояв, как всегда за ценой... Но теперь на стенах нашего «общего дома» мы видим совсем другие письма: инфляция, спад производства, безработица, массовая бедность и богатство для «избранных».¹⁶⁷

В области социальной - предание забвению идеи социального государства, резкая поляризация общества на сверхбогатых и очень бедных. По данным Минтруда, если в конце 1991 г. отношение десяти процентов населения верхнего и нижнего уровней потребления в России было 5 к 1, то к концу 1992 г. оно составило уже 15 к 1.¹⁶⁸ Новым явлением общественной жизни стало все более активное вторжение российского бизнеса в политическую сферу, складывание в центре и на местах альянса финансово - промышленной и политико - административной олигархии, «...нас качнуло из крайности бюрократического, казарменного социализма в крайность либерального, ма-

¹⁶⁶ Топорнин Б.Н. Сильное государство-объективная потребность времени// Вопросы философии. - 2001. - № 7. - С. 19.

¹⁶⁷ Львов Д. Восемь месяцев из жизни страны /о книге Е. Примакова «Восемь месяцев плюс...»/ //Вопросы экономики. - 2001. - № 9. - С. 151.

¹⁶⁸ См.: Современная Россия: тенденции и альтернативы развития// Социально-политический журнал. - 1993. - № 19. - С.7.

фиозного капитализма».¹⁶⁹ - Констатировал данный факт профессор В. Славин.

Отмечается рост девиантного поведения, ухудшение здоровья людей, сокращение продолжительности жизни населения, вымирание российской нации, рост преступности, коррупции, разрастание правового нигилизма, наркопорнобизнеса, утрата трудовым народом прав на труд, бесплатное образование, пользование достижениями культуры, медицины и т.д.

В области духовной, нравственной как следствие социально - экономических проблем произошло разложение морали, падение нравственности, духовности населения. Произошло, говоря словами автора «биологизаторской теории» народонаселения П. Сорокина, относящимися к оценке влияния войны и революции и их следствия, «... оголение человека от своего костюма культурного поведения... Объявляя ...моральные, правовые, религиозные и другие ценности и нормы поведения «предрассудками», они тем самым: уничтожают те тормоза в поведении, которые сдерживают не обузданные проявления чисто биологических импульсов; прямо укрепляют последние; прямо прививают «антисоциальные», «злостные» акты, создавая нищету и голод, они (имеются в виду войны и революции - А.Л.) тем самым усиливают в поведении этот стимул, толкающий голодных к нарушению множеств норм морали и права... «биологизируют» поведение людей в квадрате, превратив Россию в клоаку преступности».¹⁷⁰

Произошло крушение традиционных для российского общества нравственных ценностей, насаждение зарубежных, главным образом, американских стандартов культуры, снижение общей образованности, упадок национальной культуры и отечественной науки, физическая и моральная деградация личности.

Особенность современного кризиса российского общества заключается в кризисе идентичности. «Идентификация является необходимым социокультурным механизмом, позволяющим определить, различить

¹⁶⁹ См.: Заславская Т. Вперегонки со временем. - С.8.

¹⁷⁰ Цит.по: Гришаев С.В. Запад: права и вымыслы о населении СССР. - Красноярск: КГУ, 1992. - С. 18-19.

индивидом, социальной группой, обществом свою самость, модели жизненного выбора и поведения».¹⁷¹

Одна из особенностей современного кризиса в России заключается в том, что адаптация индивидов к изменившимся условиям их бытия протекает на фоне острого цивилизационного кризиса и изменения механизмов развития экономики. За несколько лет страна меняла свое название, границы, символику, фундаментальные рыночные элементы не имеют общенационального значения, не определена конечная цель развития. Приспособление социальных субъектов к меняющимся условиям происходит в период резкого изменения самих социальных институтов, обеспечивающих процесс самоидентификации для индивидов.

В области идеологии особенностью новой обстановки стало разрушение общего идеологического поля, утрата идеи державности, являвшейся на всем протяжении существования российского общества основной идеей, сплачивавшей население страны. На смену таким понятиям, как «патриотизм», «интернационализм», «дружба народов» пришли другие «великие идеи», точнее - их суррогаты: ложно понимаемая личная независимость и индивидуальное благополучие, оказались чрезвычайно привлекательными и стали доминирующими, вовлекая в свою орбиту все новые слои российского общества. Смена ценностных ориентаций и деградация культуры увеличили смятение в обществе. Сбитые с толку люди начали искать утешение в иррациональном, усилилась пропаганда мистики, возросли пессимистические настроения разного толка - о «конце света», «непознаваемости будущего». Даже некоторые отечественные, бывшие советские историки стали обращаться из конъюнктурных соображений к мистификации истории.¹⁷² Непоследовательность и противоречивость преобразований создали в обществе предельное психологическое напряжение. «Новая реальность лишила многих

¹⁷¹ Штомпель О.М. Социокультурный кризис /Теория и методология исследования проблемы/: Дис. ...докт. филос. наук. - С. 209.

¹⁷² См.: Когда рушатся империи...// Вопросы истории. - 1994. - № 7. - С. 165-166.

людей духовности... разрушила все, чему они верили и чему служили... - Отмечалось в комментарии редакции журнала «Свободная мысль». - Многие просто устали от повседневной борьбы за существование, от очередей, от хамства, от скачущих цен, от политических и экономических комбинаторов, от постоянного присутствия в обществе атмосферы идей ненависти и насилия, реванша и реставрации, межнациональной розни».¹⁷³

Особенностью проявления кризиса стал рост религиозной нетерпимости. Конфессии начали растаскивать по национальным квартирам, начался дележ духовного пространства. Масло в огонь религиозной розни подливают некоторые зарубежные миссионеры, призывающие к вражде с мусульманами. Возникли десятки новых религиозных движений, т.н. «нетрадиционная религия», ранее не существовавшая на российской земле - от неоориенталистских групп - до скандально известных групп, возникших на западе («дети бога» Д. Берга). Всего за несколько лет они распространились по всей территории страны, громко заявили о себе в средствах массовой информации. Ряд ученых, публицистов расценивают их как наглядное свидетельство демократичности постсоветского общества, творчества свободы совести, - другие, - как религиозно - культурную экспансию чужеродных сил.¹⁷⁴

В условиях кризиса обострилась национальная проблема. Удивительно быстро вызрели молодые «демоны державности» Украины, Молдавии, Кавказских республик и Татарии, где был снова поднят вопрос о соединении всех татар Поволжья, Урала и Западной Сибири в одно государство.¹⁷⁵ Национализм затронул и национальности автономий Российской Федерации. Все бывшие автономные республики отбросили в своем названии прилагательное «автономия» и приняли законы, фактически возводящие их в ранг бывших союзных республик; их примеру последовали автономные

¹⁷³ На берегу новой реальности. Комментарий// Свободная мысль. - 1991. - № 7. - С. 4-5.

¹⁷⁴ См., например: «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России /«круглый стол»/ //Вопросы философии. - 1996. - № 12. - С. 4,5,7.

¹⁷⁵ См.: Артамонов В. Катастрофы в истории российской государственности// Общественные науки и современность. - 1994. - № 3. - С. 67.

области и даже автономные округа, провозгласившие себя «республиками». Проявились и кое-где стали усиливаться национал - сепаратистские тенденции, особенно в Татарстане, Чечне, Туве, Якутии, что создало угрозу целостности Российской Федерации. В попытках создания Красноярской, Уральской и Дальневосточной республик проявился регионализм. В бывших автономных республиках Российской Федерации, хотя и не так отчетливо, как в большинстве союзных республик, возникло явление русофобии.¹⁷⁶ При этом происходит злоупотребление историей, инструментализация исторической памяти, мобилизация непросвещенности исторического сознания для осуществления национальных стратегий. Происходит возвращение к истории, обращение к национальным традициям, повторному открытию забытой памяти. Кажется, что будущее, как это парадоксально ни звучит, находится в прошлом. Конечно, прошлое - объект отражения исторического сознания, само по себе нейтрально, беспристрастно по отношению к современности. Но осмысливаемое людьми, оно способно влиять на сегодняшнюю ситуацию с самых различных сторон. Одно и то же событие прошлого включает в себе и положительный, и отрицательный потенциал, и может использоваться в националистических и шовинистических целях и, наоборот, в консолидирующих целях. В переходный же период на территории бывшего СССР важнейшим словом стало понятие «возрождение». Новые властные элиты потребовали легитимировать отпадение своих республик - и не только путем международно-правовых договоров и соглашений, но и путем укоренения новых отечеств в национальной истории, уходящей в далекое прошлое. «Возрождение» означает открытие вновь, означает реконструкцию, нередко изобретение исторической традиции. Речь идет о том, чтобы оснастить отпущенные в независимость республики гражданами, которые считали бы себя не популяцией, а современной нацией с собственной «отечественной

¹⁷⁶ Козлов В.И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос // Отечественная история. - 1993. - № 2. - С. 53.

историей».¹⁷⁷ Как известно, войне в Нагорном Карабахе предшествовала длительная война перьев со стороны ученых, ее вели между собой академические институты истории Баку и Еревана. Когда историки покончили со своей наукой, заговорили «калашниковы». Нет точек соприкосновения между русской интерпретацией истории державы и украинской национальной историей, если вспомнить, к примеру, тех теоретиков, что ратуют за Киевскую Русь для украинцев, т.е. за то историческое наследие, на которое претендует более чем тысячелетняя история русской государственности. Список неразрешимых противоречий велик.

В области международной, особенностью сложившейся ситуации стало искусственное разрушение экономического, оборонно-политического, финансово-кредитного, культурного, информационного пространства, существовавшего между бывшими субъектами СССР. Распад СССР привел к огромным потерям в геополитическом плане - Россия потеряла половину завоеванных ею за всю историю территории: Прибалтику, Закавказье, Среднюю Азию, Крым. Вторая великая держава мира в конце XX в. вернулась к границам XVI - XVII веков. Россия потеряла статус великой державы мира. В лице ослабленной России западные державы предельно цинично начали стремиться приобрести послушного и бесправного поставщика сырьевых и людских ресурсов. Помимо того, как пишет В. Артамонов, произошел спад «витальной энергии» русских, дававший высокий накал духа землепроходцам, героям - защитникам Отечества, «святым отцам» и неистовым проповедникам... Процесс укоренения русских на окраинах страны и сближения культур сменился их массовым оттоком из многих республик и «утечкой мозгов» на Запад.¹⁷⁸

Характеризуя столь печальное положение с научными кадрами в России, С. Капица справедливо заметил: «Наш храм науки почти сгорел. Но мы упорно пытались этого не замечать, когда Ленин изгнал из страны на пароходе сто

¹⁷⁷Гайер Д. Насилие и история в посткоммунистическое время// Вопросы философии. - 1995. - № 5. - С. 30.

философов и обществоведов, которые его не устраивали по идеологическим соображениям, то все кричали: ах, какой ужас, что он сделал! А когда десятки тысяч первоклассно образованных ученых вынуждены были покинуть страну, это не сочли чрезвычайным событием. За последнее десятилетие выбито почти все среднее поколение ученых».¹⁷⁹

Разразившийся в российском обществе социокультурный кризис не является случайным. Он обусловлен рядом причин, которые носят как объективный, так и субъективный характер. Объективные причины в большей степени дают сигнал о первых сбоях в устойчивом равновесии социальной системы и проявляются как первые симптомы надвигающегося кризиса. Субъективные причины детерминируют скорость распространения кризиса, глубину и широту распространения кризисных явлений, масштабы его последствий. Сегодня во взглядах на причины кризиса в России нет единой точки зрения. Споры вокруг этой темы все более возрастали по мере усиления самого социокультурного кризиса. Сторонники нового курса страны, как правило, признают его объективную обусловленность, а противники доказывают его искусственный характер, объясняя, например, крушение СССР и КПСС вмешательством внешних сил. Внутри сторонников и противников перемен есть и собственные различия. Больше всего сторонников у теории «революции элит», которая акцентирует внимание на конфликтах разных слоев верхнего класса общества как первопричины радикальных перемен.

Если в конце 80 - начале 90-х г.г. истоки кризиса виделись в самом характере советской системы, в коммунистической идее, которая объявлялась утопией, мифом и пр., то к концу 90-х г.г. общественная мысль более глубоко и более научно проникла в причины кризиса. «Мы не можем решить наши собственные проблемы, - подчеркивает главный редактор журнала «Вопросы философии» В.А. Лекторский, - не отдавая себе отчета в том, где оказалось все человечество, и не понимая того, какое место мы занимаем в современном

¹⁷⁸ Артамонов В. Катастрофы в истории российской государственности. - С. 67.

¹⁷⁹ Капица С. Наш храм науки почти сторел// Российская газета. - 2001. - 21 дек. - С. 9.

мире. Конечно, мы в нашей стране вынуждены иметь дело с целым клубком тяжелейших проблем. Некоторое из них - это результат всей истории России. Другие - следствие нашей истории последних десятилетий. Третьи - результат того, что произошло с Россией в 90-е годы нашего столетия».¹⁸⁰ Вместе с тем, есть и многие проблемы, которые являются общими для всей современной цивилизации. Вся современная цивилизация подошла к некоей роковой черте и нашей стране не решить проблем, если не учитывать, как они вплетены в глобальные проблемы.

Сегодня главная, основная причина кризиса видится в глобальном масштабе, в характере развития мировой цивилизации конца XX - начала XXI вв. Она заключается в том, что в настоящее время произошел цивилизационный поворот, который переживает все человечество. Суть его заключается в том, что человечество резко свернуло с экстенсивного пути развития, и этот переходный период - очень жесткий, очень стремительный. По оценке вице-президента РАЕН С.П. Капицы, этот период «...сравним с самим появлением разумного человека, которое произошло более миллиона лет назад, когда человек впервые овладел речью, огнем и вышел из животного племени. С тех пор человек развивался экстенсивно. Больше людей, больше вещей, больше детей, больше денег, больше оружия, больше пушек, больше всего, что только можно придумать. Сейчас по главному параметру развития человечества - больше людей - человечество резко свернуло с этого экстенсивного пути. То, что в России больше не прибавляется населения, это не случайность нашей истории. Это поворот, который сейчас произошел во всем мире. И наша страна сейчас вступила на путь стабилизированного населения так же, как это случилось в Японии, в Европе, при всем ее благополучии, в Америке. По этому пути неизбежно идут все развивающиеся страны... Население мира стабилизируется, и в этом отношении сейчас все прекрасно понимают, что это

¹⁸⁰ «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть ...человечеству?»// Вопросы философии. - 2000. - № 9. - С. 7.

глубокий цивилизационный переход, значение которого до сих пор, может быть, не выяснено и даже не очень понятно: какие причины его двигают? Не недостаток ресурсов, не повороты ума, а какие-то более глубокие системные причины заставляют человечество как систему свернуть с пути экстенсивного роста, который взрывным образом происходил в наше время».¹⁸¹

Наступление современного системного кризиса в России может быть также объяснено как следствие предшествующего длительного соперничества двух мировых общественных систем - либерального капитализма во главе с США и реального социализма во главе с СССР. По мнению академика Н.Н. Моисеева, «...то, что произошло в нашей стране, - лишь фрагмент общей перестройки мировой системы и, прежде всего, ее экономической составляющей. Эта перестройка была подготовлена всей предшествующей историей капитализма, миропорядок, утвердившийся в послевоенные годы на Западе, иногда принято называть PAX AMERICANA. Такое название не лишено основания. Даже при активном противодействии Советского Союза оно более всего подходило к описанию планетарного порядка, до недавнего времени игравшего определяющую роль в международной жизни. Этот миропорядок рухнул, как и Советский Союз. И я думаю, что вследствие этого мир надолго потерял стабильность, хотя это обстоятельство не всеми пока осознается. PAX AMERICANA тоже рухнул и, наверное, навсегда. Но, в отличие от того, что произошло с Советским Союзом, разрушение PAX AMERICANA происходит пока без видимых катаклизмов. Однако под ковром уже идет жестокая война, и исход ее неотвратим. Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости».¹⁸²

Одна из основных причин системного кризиса в России заключается в том, что реформы в России осуществлялись стихийно, без учета возможных последствий принимаемых политических и экономических решений, которые оказались для страны катастрофическими, а так же в том, что и поныне

¹⁸¹ Там же. - С. 8.

¹⁸² Там же. - С. 4-5.

реформирование опирается на псевдонаучную концепцию демонтажа экономики. Согласно этой концепции, в изложении авторов социал-демократической концепции переходного периода, «созданная в России промышленность ни самой России, ни миру не нужна А потому - нуждается в полном демонтаже и ликвидации, и лишь на руинах уничтоженного, уже после того как осуществится «первоначальное накопление», предполагается строить новую, прогрессивную, отвечающую всем условны современности индустрию. А до того как она будет «построена» и «запущена», сделать российский рынок открытым для импорта западной продукции и экспорта российского сырья...».¹⁸³

Концепция тотального разрушения плановой и создания на пустом месте рыночной экономики вне регулирующей роли государства - это очередной социальный миф, породивший политику вседозволенности и вседоступности. Очень четко такой политике дал определение Г.В. Осипов: «политика вне реальной науки, - пишет он, - и осознанных национальных интересов, разделяемых всеми социальными слоями общества, без четко определяемых социальных целей - это не только дорога в «никуда», но это не более чем мелкое жульничество... Реализуемая на государственном уровне концепция разрушения, утрата и непонимание национальных интересов, целей и идей привели к тому, что в процессе перестройки, а затем и реформирования в России построено общество, к которому никто не стремился и которого никто не хотел».¹⁸⁴

Одна из причин социокультурного кризиса российского общества кроется в уникальности России - страны, пребывающей на границе между Востоком и Западом и в этом смысле перманентно обреченной на цивилизационный выбор, с вытекающим отсюда риском социально - исторической нестабильности. Создается впечатление, что положение России не является жестко закрепленным на оси Восток - Запад. В каждый кризисный период

¹⁸³ См.: Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия// Вопросы философии. - 1997. - № 10. - С. 3.

¹⁸⁴ Там же. - С. 3-4.

своей истории Россия смещается вдоль оси то влево, в сторону Запада, то вправо, в сторону Востока. В результате возникает мощный потенциал раскола ее политического пространства. «Промежуточное цивилизационное положение России, - утверждает А.С. Панарин, - приводит к насыщению нашего пространства неустойчиво - гибридными, симбиотическими структурами, а также формами, относящимися к цивилизационному эпигонству и социокультурному стилизаторству».¹⁸⁵ Продолжая мысль А.С. Панарина, А.Д. Кара-Мурза констатирует, что Россия, как особый социокультурный и геополитический феномен является зоной повышенного исторического риска. «Для меня, несомненно, - заявляет он, - что эта принадлежность к пространству повышенного риска во многом связана с пограничным положением России между Востоком и Западом. Здесь, на историческом перекрестке, как бы сталкиваются два типа социальности – «индивидуально-продуктивный», характерный для (условно говоря) «Запада» и «корпоративно-распределительный», типичный для традиционных цивилизаций «Востока». Россия попадает в эту зону кросс - культурного взаимодействия как между молотом и наковальней и на протяжении всей своей истории потенциально становится зоной «дурного синтеза» между Западом и Востоком».¹⁸⁶

Основы современного кризиса общечеловеческих, социально-экономических, общественных и государственных отношений лежат в деформации менталитета человека, т.е. деформации своеобразного склада различных человеческих психических свойств и качеств, особенностей их проявления.

Переходные периоды имели место во многих странах на разных этапах их развития - в Англии, Германии, Франции. Но они были кратковременными, не затрагивали институты и отношения частной собственности и соответственно - менталитет человека и общества. Но даже небольшой период жизнедеятельности общества при смене форм собственности и экономических

¹⁸⁵ Риск исторического выбора в России /материалы «круглого стола»// /Вопросы Философии. - 1994. - № 5. - С. 3.

¹⁸⁶ Там же. - С. 8.

отношений существенно влияет на менталитет. Для России практически совпало вступление в XXI век и начало возрождения, хотя социокультурные основы были заложены даже не в XX в., а значительно раньше, воплотившись в исторически сформировавшийся менталитете русского человека.

За свою историю Россия обновлялась не единожды, в X в. на смену язычеству на Руси пришло христианство. В новой России сформировались своя духовность, свои обычаи, культура благодаря принятию православия. Новой можно назвать Россию в эпоху Петра I, когда она начала активно познавать и использовать мировые достижения науки ведения хозяйства, принципиально новая Россия явилась миру в результате Октябрьской революции, собрав вокруг себя государства, образовавшие СССР. Наконец, новая Россия получила свой современный статус в результате распада Советского Союза. Началось формирование этой новой истории России как ни парадоксально на пути возвращения к капитализму. Однако, признавая, что за последние десять лет в стране произошли кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни, в то же время следует констатировать тот факт, что за это десятилетие не произошло скольнибудь кардинальных изменений в менталитете россиян с точки зрения восприятия ими реформ общественной системы. В первые годы реформ до 60% населения, по проведенным опросам, не видели в них позитивных социальных перспектив, в 2001 г. эта часть составила около 45%.¹⁸⁷ Это является следствием непродуманности проведения реформ теми, кто их начинал сверху. Речь идет о том, что не была учтена специфика сложившейся ментальности советского человека с его привычкой к полной государственной защищенности.

Вскрывая причины кризиса, невозможно обойтись без исследований роли в его усугублении политических деятелей, в первую очередь М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Эти политические деятели персонифицируют процесс перехода от социалистического к постсоциалистическому периоду отечественной

¹⁸⁷ См.: Иванченко В. Глобализация и общественный менталитет // Вопросы экономики. – 2001. – № 12. – С. 147.

истории. К ним в полкой мере можно отнести определение, данное Хансом Магнусом Энценсбергером коммунистическим реформатором Польши и Венгрии – «герои отступления».¹⁸⁸ Исторический выбор М.С. Горбачева сыграл принципиально важную роль в скатывании страны к глубокому кризису. На первом этапе перестройки, 1985 – 1986 г.г., основные положения реформ проводились еще под марксистско - ленинским флагом. Горбачев часто в своих выступлениях употреблял выражения, которые должны были показать народу его верность идеям В.И. Ленина. На практике же шло расстройство народного хозяйства, не сложилась целостная концепция перестройки. Этому активно противился М.С. Горбачев, полагая, что в делах перестройки логика может только помешать делу. Однако генсек знал, куда ему и его единомышленникам хотелось бы направить перестройку, и куда они ее направляли. С 1987 г. появляется понятие перестройки как революции, причем революции «сверху». С этого времени начинается период целенаправленной капитализации общества в социал - демократическом варианте. Это стало ясно уже к началу 90-х г.г.

Уже позднее, в 1999 г., М. Горбачев признался, что целью его жизни было уничтожение коммунизма. «Когда же я, - говорил он студентам Американского университета в Турции, - лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступить от поставленной цели».¹⁸⁹ И тут же «с гордостью» заявил: «...я покончил с коммунизмом мои в Европе...».¹⁹⁰

Нельзя отбросить и ту, широко распространенную версию о том, что идея перестройки была подсказана Горбачеву в период его поездок за рубеж. Из периодической печати известно, что М.Тэтчер, бывший премьер-министр Великобритании, ставила себе в заслугу проводимую М. Горбачевым и его командой перестройку в СССР.¹⁹¹ В откровенной форме ставят себе в заслугу революционную перестройку в СССР экс-президенты США Р. Рейган и его

¹⁸⁸ См.: Гайер Д. Насилие и история в посткоммунистическое время// Вопросы философии. - 1995. - № 5. - С. 27.

¹⁸⁹ Горбачев М. «...я покончил с коммунизмом в Европе» /Речь на семинаре в Американском университете в Турции/ //Историческая газета. - 2001. - № 5. - С. 2.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ См.: Блохин И. Правда о перестройке /Кто и зачем «перестраивал» СССР?/ //

преемник Дж. Буш.¹⁹²

Однако «архитектору перестройки» не удалось осуществить до конца свои планы капитализации страны по социал-демократическому (читай – меньшевистскому) образцу. Этому помешали события августа 1991 г., когда ортодоксальные коммунисты, т.н. ГКЧП, предприняли попытку приостановить развал СССР. В эти дни повторились события осени 1917 г. в России, только с противоположным знаком. Тогда в 1917 г., в тяжелейшей социально-экономической ситуации, под угрозой военной диктатуры генерала Л. Корнилова политический маятник качнулся в крайне левое положение и вынес на вершину власти большевиков. В августе же 1991 г. под влиянием массивной антикоммунистической и антисоветской пропаганды политический маятник качнулся в крайне правое положение и вынес на танк Б. Ельцина. Это была победа сторонников демократического либерализма, а по сути дикого капитализма. Ельцин завершил развал СССР, а курс на либерализацию цен, приватизацию, «шоковую терапию» до крайности обострил общенациональный кризис. По оценке руководителя политических программ научно-благотворительного фонда «Экспертный институт» М.В. Малютина, Б.Н. Ельцин «достиг своей политикой необратимого результата: он уничтожил предыдущее государство. Уничтожил его так основательно, что для всех людей в здравом уме, твердой памяти и трезвом виде вполне очевидно: ту страну воссоздать невозможно».¹⁹³

Таким образом, кризис есть одно из переходных состояний общества, носящих закономерный характер. Он имеет сложную структуру, различается по характеру внутренней динамики. Особым, редким случаем является патологический социокультурный кризис, сочетающий в себе параметры социального и культурного кризиса.

Социокультурный кризис российского общества характеризуется

Историческая газета. – 2001. – № 7. – С. 11.

¹⁹² См.: Там же.

¹⁹³ Между либерализмом и популизмом не лежит ни пяди российской земли// Российские вести. – 2001. – 14 июня. – С. 5.

глубокими противоречиями во всех сферах общественной жизни. Его причины обусловлены как глобальными проблемами современной цивилизации, так объективными и субъективными факторами развития самого общества. Оказывая негативное воздействие на все стороны жизни российского общества, он ведет, в частности, к расколу исторического сознания населения, о чем пойдет речь в следующем параграфе данного исследования.

2.2. Трансформация исторического сознания в переходный период отечественной истории.

Являясь вторичным по отношению к общественному бытию, общественное сознание в целом и историческое сознание в частности находилось под влиянием социокультурного кризиса, все более усугубляющегося недальновидной политикой «архитекторов перестройки».

В начале «перестройки», когда была выдвинута концепция ускорения социально-экономического развития страны на основе использования новейших достижений научно-технического прогресса, историческое сознание еще не обращалось к переосмыслению исторического пути, пройденного СССР. Руководство страны и КПСС еще не помышляло о каком-либо пересмотре истории. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук, осенью 1986 г., выступления М.С. Горбачева и Е.К. Лигачева были выдержаны применительно к нашей истории в традиционном духе, хотя подборка была опубликована с многообещающим заголовком: «Учить по-новому мыслить и действовать».¹⁹⁴ Положение в историческом сознании менялось не сразу. После апреля 1985 г. наступил латентный период, когда и в обществе, и в исторической науке лишь накапливались новые идеи. «...в 1985-1986 г.г., - по словам Ю.А. Полякова, - познание прошлого походило на закрытый котел, нагревание которого было незаметно постороннему глазу. Но котел все же нагревался, и в 1987 г. для многих неожиданно выяснилось, что температура уже достаточно высока».¹⁹⁵

В целом на начальном этапе перестройки в историческом сознании по-прежнему преобладали представления о прошлом страны, сформированные в советский период. Присутствующее в то же время в советском обществе историческое сознание, противоречащее официальному: «самиздата», диссидентов и др., а также реликтовые элементы сознания и сознание, порожденное западными обществами, русскими эмигрантами охватывало лишь

¹⁹⁴ Коммунист. - 1986. - № 15. - С. 3.

¹⁹⁵ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Политические заметки. - М.: «АИРО-XX», 1995. - С. 9.

незначительное число населения страны.

Началом сдвигов в историческом сознании можно считать 1987 г. К этому времени лозунги ускорения не выполнялись, намеченный быстрый научно-технический прогресс наталкивался на тормозные факторы самого разного характера - от экономических до психологических. Ожидаемого роста ресурсов, который дал бы возможность решать накопившиеся социальные, культурные, экологические проблемы и помог бы существенно повысить жизненный уровень народа, не произошло. В этих условиях М. Горбачев и его команда берут курс на «революционную перестройку», внушая населению мысль о том, что осуществление экономических преобразований невозможно без перемен во всех сферах общественной жизни. «Шаг за шагом мы походили к более полному и всестороннему осознанию того, - заявлял М. Горбачев, - что построили, что перестраивали, к какому обществу идем, а следовательно, и достаточно ясному пониманию смысла того, что мы делаем. Если на первых порах полагали, что речь идет в основном лишь о выправлении отдельных деформаций общественного организма, совершенствовании той, в целом устоявшейся системы, сложившейся за предыдущие десятилетия, то теперь говорим о необходимости радикальной переделки всего нашего общественного здания - от экономического фундамента до надстройки».¹⁹⁶ По существу, за этими словами скрывалось стремление инициаторов перестройки покончить с социализмом в СССР, повернуть страну на путь социал-демократического Запада. Для достижения этой цели была выдвинута задача идеологического обеспечения перестройки, в качестве составной части которого было объявлено формирование нового исторического сознания,¹⁹⁷ поскольку они ясно представляли, что корни препятствующих им сил и явлений уходят в историческое прошлое. К тому же «архитекторы перестройки» достаточно основательно знали теорию марксизма-ленинизма, в частности, положение К.

¹⁹⁶ Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка// Коммунист. - 1989. - № 18. - С. 3.

¹⁹⁷ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. -М., 1987. - С. 61.

Маркса о роли общественного сознания, о том высказывании К. Маркса, что разложение определенной формы сознания, достаточно чтобы убить целую эпоху. Поэтому разрушение существовавшего в СССР строя М. Горбачев и реформаторское руководство КПСС начало с разрушения исторического сознания. В течение 1987 г. была разработана новая, ревизионистская концепция исторического знания, которая была изложена в концентрированном виде в докладе М. Горбачева на праздновании 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции.¹⁹⁸

У данной концепции имелось как сходство, так и отличие от советской марксистско-ленинской ортодоксии. Сходство заключалось в том, что реформаторы, подобно ортодоксам, верили в «органическое» преимущество социализма перед капитализмом, исходили из того, что прогрессивное развитие советского общества возможно на социалистической основе и что социализм, реализовавший свой «потенциал», лучше капитализма. Отличие же ревизионистского подхода от ортодоксального состояло в том, что его выразители не считали сложившуюся советскую модель социализма единственно возможной и оптимальной. Постепенно была развита идея о многовариантности социализма, о том, что лучшая модель социализма должна быть найдена и реализована, и именно в этом заключается смысл перестройки. Секретарь ЦК КПСС А. Яковлев, ставший ближайшим сподвижником М. Горбачева и ведущим идеологом перестройки, утверждал, вопреки брежневской доктрине «развитого социализма», что мировой социализм, в том числе его лидер СССР, находятся в стадии детства и юности, а до зрелого состояния им далеко.¹⁹⁹ Сложившийся в СССР общественно-политический строй был обозначен как командно-административная система, означающая «деформацию» ленинских заветов. Целью перестройки было признано устранение этой деформации и создание рыночного демократического

¹⁹⁸ См.: Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. – М.: Политиздат, 1987.

¹⁹⁹ См.: Согрин В.В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак?// Вопросы философии. – 1996. – № 8. – С. 5.

социализма.

Именно эта идеологическая модель определила основные направления развития российской исторической науки, исторического знания во второй половине 1980-х г.г. Не будет преувеличением утверждать, что новое нормативное историческое знание развивалось в фарватере новой идеологии. Поэтому многие оценки и интерпретации отечественной истории XX в. несут на себе отпечаток прямолинейного и некритического восприятия горбачевского идеологического «вызова». Выразителями ревизионистского исторического подхода стали не столько историки и философы, сколько публицисты, а тон задавали Ю. Афанасьев, О. Лацис, М. Шатров, Р. Медведев, В. Логинов, А. Бутенко и др. Историческая тематика выдвинулась на ведущее место в средствах массовой информации, оказывая мощное влияние на изменение исторического и политического сознания.

Под влиянием открывшейся гласности и плюрализма свою точку зрения на историю советского общества, зачастую отличную от официальной, начали высказывать сторонники активно формирующегося так называемого «неформального» движения. Однако вплоть до конца 1989 г. «неформалы» поддерживали перестройку и поэтому дискуссии на историческую тему велись в рамках «социалистического» плюрализма, проявляющегося в основном в рамках марксизма, споры шли между сторонниками марксизма, социализма.

Оценки прошлого страны, сложившегося в СССР строя стали непосредственным фактором размежевания социальных сил. Историческое сознание становится все более эмоционально окрашенным. Все громче звучит призыв восстановить историческую правду, память, разобраться в том, что происходило в период «между Лениным и Горбачевым». Если попытаться выделить наиболее существенное из того, что определило необычайно сильный всплеск исторического сознания народа, интереса самых широких кругов общественных сил к истории советского периода, то его можно сформулировать так: неудовлетворенность настоящим. Эта неудовлетворенность породила вал новых подходов к истолкованию истории

СССР. Они были столь же многообразны и порой причудливы, сколь многоцветна была палитра претензий различных групп и слоев общества к его современному состоянию, уровню развития, сложившимся в прошлом политическим и иным социальным структурам.

На начальном этапе гласности анализу был подвергнут так называемый брежневский, «застойный» период. Именно в нем, в этом периоде, руководство страны и КПСС, а за ними и общественное сознание видели истоки кризиса советского общества.²⁰⁰ При оценке брежневского периода между различными течениями, от «либералов» до сторонников «твердой руки» не было больших разногласий во взглядах, а зачастую возникало и единодушие.

В ходе поиска правды общественному сознанию навязывалась мысль о том, что причины негативных явлений в обществе коренятся не только в десятилетиях застоя, но гораздо глубже - в 30-40-х годах и более того, они связаны со всей историей развития страны после Октября 1917 г. Переосмысление этого периода, включающего индустриализацию, коллективизацию, Великую Отечественную войну, оказалось более сложным. «Примечательно, - пишет французский историк Н. Верт, - что гласность, задуманная как средство борьбы с «недостатками социализма» без «подрыва его ценностей» немедленно обратилась к принципиальным вопросам о самой законности партийной власти - к ее истории и прежде всего - к ключевой проблеме природы сталинизма».²⁰¹ Движение за освобождение мысли и ее выражения с самого начала приобрело моральное измерение, не случайно, что одним из первых явлений гласности стал выход на экраны фильма грузинского режиссера Т. Абдуладзе под символическим названием «Покаяние», а за ним и других антисталинских фильмов «Завтра была война», «Холодное лето пятьдесят третьего», «Власть соловецкая». Эти фильмы, а также романы А. Рыбакова «Дети Арбата», А. Бека «Новое назначение», В. Дудинцева «Белые

²⁰⁰ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 года. - М.: Политиздат, 1987. - С. 10; Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. - С. 32 и др.

²⁰¹ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. Пер. с фр. 2-е изд. -М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь мир», 2000. - С. 494.

одежды» и др., опубликованные в 1986-1988 г.г., стали импульсом для общественного сознания в осмыслении драматических страниц истории сталинского периода. К «критическим точкам» сталинского периода обратились писатели, публицисты, историки, средства массовой информации.

Рассматривая альтернативы исторического развития страны во второй половине 20 - 40-х г.г., общественному сознанию были представлены материалы о партийных и государственных деятелях, репрессированных в годы сталинизма. Особенно много материалов было опубликовано о Н.И. Бухарине. Вместе с тем, освобождая политические портреты видных деятелей компартии от сталинских напластований, от отрицательных эпитетов времен культа личности И.В. Сталина, историческая наука все еще следовала за политикой. Активизация науки по созданию биографий руководителей партии и государства прошлых лет происходила вслед за их судебной и партийной реабилитацией. Здесь не обошлось и без крайностей - из прежних «врагов» сделать героев. Так, политическая и партийная реабилитация Н.И. Бухарина породила в историческом сознании определенную эйфорию, явную идеализацию этой личности. С другой стороны, некоторые публикации о Н.И. Бухарине носили критический характер. Ю.В. Емельянов, критикуя кампанейщину и ненужную шумиху вокруг имени Бухарина, утверждал, что наша общественность оказалась под влиянием западных советологов, которые, в свою очередь, выполняют социальный заказ американских государственных учреждений.²⁰² Конкретно имелся в виду автор книги о Бухарине американский историк С. Коэн, активно вовлеченный, по мнению В. Емельянова, в сеть формальных и неформальных взаимоотношений с органами обороны, разведки, внешней политики и пропаганды США, нацеленными на ослабление системы безопасности нашей страны.²⁰³ Осуществляя свою миссию, Коэн, по словам Емельянова, - ищет в историческом прошлом и в настоящем персонажей типа Бухарина, которые могли бы способствовать проникновению идей Запада в

²⁰² См.: Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. - М.: Мол. гвардия, 1989. - С. 10.

Россию.²⁰⁴ Опасность подобных изысканий Ю.В. Емельянов видит в том, что «...когда ... соответствующие концепции советологов чуть ли не текстуально внедряются в общественное сознание нашей страны, то отдельные события нашей общественно-политической жизни становятся легко управляемыми в точном соответствии с прогнозами зарубежных ученых».²⁰⁵

Большое влияние на формирование в историческом сознании негативного отношения к Сталину, его окружению, к сталинскому периоду в целом оказала проводимая с 1987 по 1990 г.г. кампания по реабилитации жертв сталинизма. Деятельность комиссии по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями широко освещалась во всех средствах массовой информации. Многие из этих сведений сразу же были использованы в десятках историко-публицистических статей, легли в основу серьезных научных работ и даже вписались в сюжеты художественных произведений.

Вслед за огромной массой фактологического материала о сталинских репрессиях, общественному сознанию была по-иному представлена история коллективизации и индустриализации, поднята тема культа личности Сталина и его последствий, ставшие известными факты, свидетельства, воспоминания, документы многих потрясли, перевернули их сознание, вызвав мучительную переоценку того, что представлялось им устоявшимися жизненными ценностями. Переосмысливая прошлое, в историческом сознании общества возникли вопросы «А правда ли все, что сейчас говорится о Сталине?», Или же: «Не полуправда ли это?» Даже: «Может, это - новая ложь?» Эти сомнения и надежды в массовом историческом сознании порождали диаметрально противоположные взгляды на события отечественной истории сталинского периода. «У меня писал инвалид Великой Отечественной войны историк и юрист из Харькова И. Шеховцев, - вызывает тревогу все увеличивающийся поток публикаций в прессе, в которых, на мой взгляд, односторонне, тенденциозно освещается наша трудная, героическая история 30-х годов и роль

²⁰³ См.: Там же. - С.84.

²⁰⁴ См.: Там же. - С.86.

²⁰⁵ Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. - С. 92.

И.В. Сталина. В пылу «разоблачительства» подчас извращаются факты, высказываются оценки, оскорбительные для уже уходящего поколения, вынесшего на своих плечах все невзгоды и трудности первых пятилеток. И этому почему-то не дается острой, принципиальной оценки, в печати мало публикуется аргументированных откликов равнодушных к происходящему читателей. Неужели наша гласность только для тех, кто занимается критиканством, не видя ничего хорошего ни в истории 30-х годов, ни в деятельности того, кто стоял тогда во главе партии и государства?»²⁰⁶

Другая точка зрения представлена в письме жителя г. Ростова-на-Дону Н. Кузнецова. «Еще нередко приходится слышать и читать: к чему дескать, вспоминать прошлое, трясти имя Сталина. - Писал он. - Так и видится за этим или прежний страх потревожить «культ», или застарелая привычка к болячкам в нашей истории, с которыми не хотят расставаться, считая, что народ чего-то не поймет. Все поймет и в во всем разберется - где ее славные страницы и где позорные, связанные с преступлениями и репрессиями. Сколько народу погибло из-за такого «вождя» с повадками царя? Этот вопрос я адресую к защитникам Сталина, живущим и поныне, которым очень нравилась дисциплина тех времен. Только почему-то в лагерях и тюрьмах чаще оказывались не пьяницы и бандиты, а таланты и порядочные люди. Как они объяснят это, какой такой необходимостью можно оправдать творившийся в те годы произвол?»²⁰⁷

У авторов этих писем ни в чем нет согласия, кроме одного, главного: требования извлечь из истории необходимые уроки.

По мере нарастания информации о сталинском периоде советской истории, по мере углубления общественной мысли в выявление сущности сталинизма историческое сознание общества начинает обращаться в более позднему периоду истории советского государства - к периоду новой экономической политики, к Октябрьской революции.

²⁰⁶ Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель /Сост. В.А. Иванов. - М.: Политиздат, 1989. - С. 436.

²⁰⁷ Там же.

Особый интерес массовое историческое сознание проявило к новой экономической политике.²⁰⁸ Современники видели причины повышенного внимания к периоду НЭПа, во-первых, в том, что через обращение к историческому опыту НЭПа общество пыталось осмыслить содержание, динамику, результаты, проблемы развернувшейся перестройки как процесса, имеющего собственные закономерности, стадийность, противоречия, взаимоувязанные направления. «НЭП, - отмечал В.П. Дмитренко в 1989 г., - дает нам пока уникальный случай... позволяющий осмыслить целостный процесс в его многообразных проявлениях и в строго ограниченных исторических рамках. В ней четко видны исторические предпосылки и повод перехода к новой форме экономической политики, трудный процесс сложения новой системы хозяйствования, ее эволюции, цели и результата... Этим НЭП созвучен современности!»²⁰⁹ Во-вторых, повышенный интерес к НЭПу современники видели в причинах субъективного характера. Они осознавали, что на таких переломных рубежах, как переход к НЭПу и выход из него, чрезвычайно ярко проявляется масштаб руководящих деятелей, уровень их научной подготовки, умение оперативно и всесторонне анализировать изменяющуюся историческую обстановку, налаживать прочные связи с различными слоями населения, учитывать их коренные жизненные интересы. 20-е годы, писал доктор исторических наук В.П. Данилов, «...выделялись ...активной деятельностью блестящей плеяды исторических личностей - героев революции, теоретиков и практиков социалистического строительства...»²¹⁰ И, в-третьих, обращение к новой экономической политике было обусловлено и тем, что она дала, по мнению современников перестройки, первый пример практического воплощения в жизнь ряда таких принципов хозяйствования, как хозрасчет, рентабельность, самоуправление, кредитные отношения, товарное

²⁰⁸ См.: Данилов В.П. Третья волна// Вопросы истории. - 1988. - № 8. - С.21-24; Данилов В.П., Дмитриенко В.П., Лельчук В.С. НЭП и его судьба// Историки спорят. - С. 122-190; Калганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. -М.: Экономика, 1990; Курин Л. НЭП: суть, опыт, уроки// Урок дает история /Под общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова; Сост. А.А. Ильин. - М.: Политиздат, 1989. - С. 91-106.

²⁰⁹ Историки спорят. - С. 138-139.

производство, которые взяты за основу руководителями перестройки.²¹¹

Не оспаривая вышеназванные причины столь пристального внимания к новой экономической политике в период перестройки, следует заметить, что повальное увлечение НЭПом, неисторическое его восприятие, идеализация были обусловлены так же и тем, что, говоря словами английского историка Н. Дэвиса, «...демократии, как и любому другому движению, требуется миф - миф происхождения, достаточно древний и со своими героями».²¹² Иными словами, руководство страны видело в истории новой экономической политики миф происхождения национальной рыночной экономики и объявляло себя ее последователями в целях утверждения в массовом сознании исторической преемственности проводимых преобразований. Перестройке, начатой Горбачевым, надлежало разрушить командно-административную систему и возродить демократическую хозрасчетно-рыночную систему - таков был исторический урок, извлеченный «прорабами перестройки».

К 1990 г. стало ясно, что перестройка во всех отношениях иная, чем та, какой она виделась в середине 80-х г.г. Изменились представления о целях и содержании перестройки, ее масштабах и пределах, средствах и методах. Изменилась реальность, в которой она осуществлялась. Общество 1990 г., находясь в глубоком кризисе, всерьез обсуждало вероятность голода и гражданской войны. Изменились связываемые с перестройкой ожидания: если на старте большинству казалось, что стоит кое-что подправить, и страна двинется вперед, то в 1990г. главные ожидания заключались в том, чтобы не дойти до худшего. В сущности, перестройка перестала быть перестройкой в изначальном ее понимании. Речь уже шла о смене сути и характера системы, всего общественного уклада. «Этот переход, - писал в 1990 г. академик А. Яковлев, - надо рассматривать как единый, мощный социально – исторический процесс... взрывной эволюции. Процесс, охватывающий все сферы нашей

²¹⁰ Там же. - С. 122.

²¹¹ Историки спорят. - С. 140,152.

²¹² Дэвис Н. Эллада// История. - 2001. - № 1. - С. 12.

собственной жизни».²¹³ Иными словами, революционная перестройка советского общества стала ни чем иным, как антисоциалистической революцией, если не по лозунгам, то, что гораздо существенней, по целям, задачам, конкретной целенаправленной деятельности.

Произошли существенные изменения и в политической жизни общества. Силы, именовавшие себя демократической альтернативой КПСС, объединились в антикоммунистическую оппозицию не только самой КПСС, но и социализму. «Мировое антагонистическое противостояние социализма и капитализма, - писал секретарь ЦК компартии РСФСР И.И. Атонович, - которое фактически характеризовало весь ход истории XX века, переместилось на просторы нашего Отечества».²¹⁴ Критика деформаций социалистического общества, развернувшаяся в 1987 г., сменилась полным отрицанием того, что строй, существовавший в СССР, носил социалистический характер, а затем возникло и отрицание социалистической идеи как таковой. «Порой речь идет уже не об очищении социализма, - отмечал на совещании историков 3 октября 1989 г. член Политбюро и секретарь ЦК КПСС В.А. Медведев, - не об избавлении его от деформаций, а о пересмотре основных социалистических ценностей, основ нашей идеологии и политики».²¹⁵ Существовавший ранее оптимизм в массовом сознании стал постепенно заменяться политическим скепсисом, нигилизмом, неверием в потенции социализма. 75 % рабочих и колхозников, по данным всесоюзных социологических исследований, проведенных в 1990 г., выразили сомнение в том, что проводимые преобразования в ближайшие годы скажутся положительно на их благополучии.²¹⁶

С этого момента борьба между теми, кто, видя преступления, трагедии, ошибки прошлого, признавал достижения советской власти, и теми, кто считал все послереволюционные годы сплошной «черной дырой» - стала одним из

²¹³ Яковлев А. Послесловие. Глава из новой книги// Диалог. - 1990. - № 14. - С. 42.

²¹⁴ Антонович И.И. В.И. Ленин и общечеловеческая цивилизация// Вопросы истории КПСС. - 1991. - № 7. - С. 7.

²¹⁵ Историческое сознание общества - на уровень задач перестройки// Вопросы истории. - 1990. - № 1. - С. 5.

²¹⁶ Общественное сознание и перестройка. - М.: Знание, 1990. - С. 9.

стержней политического и идеологического противостояния.

В такой социально-экономической и политической ситуации историческое сознание неизбежно столкнулось с вопросами: А каким все-таки было советское общество при Сталине? Не в смысле названия, а по существу. Как складывалась эта система? Была ли она результатом воплощения в жизнь заранее разработанных планов, и или рождалась в стихии? По каким законам действовала и развивалась? Держалась ли на энтузиазме и сознательности, работала как один большой концлагерь, или подчинялась какому-то сложному комплексу стимулов?²¹⁷ Эти вопросы волновали многих - и специалистов-историков, и просто интересующихся историей своей Родины. Неудивительно, что научные и научно-популярные издания, в названии которых в той или иной степени был намек на эти проблемы, становились бестселлерами.

Интерпретация этих и подобных вопросов в конечном счете обусловили различные трактовки проблем характера советского общества, альтернатив сталинизму или шире - административно-командной системе социализма.

При рассмотрении альтернатив сталинизму, в историческом сознании общества сложилось четыре точки зрения. Первая из них - наиболее консервативная - заключалась в широко распространенном суждении об «органичности» сталинской системы, ее предопределенности вплоть до неизбежности. Подобная точка зрения была основана на аргументах, почерпнутых в самой истории 20-30-х гг. «В самом деле, - писал по этому поводу О. Хлевнюк, - если легкая победа сталинской группы привела к столь же простому свертыванию НЭПа и беспрепятственному утверждению курса на «развернутое строительство социализма», ...то значит, «великий перелом» соответствовал потребностям времени, был понятен и необходим стране».²¹⁸ Приверженцы этой точки зрения отказывали 30-м годам в вариантах развития, признавая «самодостаточность» командно - репрессивной системы, всемогущество насилия и принуждения.

²¹⁷ См.: Хлевнюк О. 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие// Свободная мысль. - 1991. - № 17. - С. 75.

²¹⁸ Там же.

Сторонники второй точки зрения утверждали, что альтернатива административно-командной системе безусловно была. При этом под альтернативной понималась новая экономическая политика, ее сохранение и углубление.²¹⁹

Особый интерес в общественном сознании вызвала третья точка зрения, в основе которой лежала попытка взглянуть на историю советского общества, не отрывая ее от предыдущей истории России. В частности, рассмотрение сталинизма как очередной попытки традиций модернизации в развитии нашего общества дает в своей статье Ю. Левада.²²⁰ Проводя параллель между событиями 30-х г.г. и модернизацией России Петром I, он отмечал, что «...замысел состоял в том, чтобы взять некие плоды чужой цивилизации, не задумываясь, на каком социально - экономическом «дубе» произрастают такие «желуди».²²¹ В более обобщенной форме эту мысль высказал А.Н. Сахаров. Он ссылаясь на такой феномен, как «склонность русского народа к тоталитаризму», что понятие «демократия», «народ» и «свобода» никогда не являлись той органичной частью общественного устройства и общественного сознания, которые были способны стать действительным двигателем исторического прогресса».²²²

И, наконец, сторонники четвертой точки зрения рассматривали сталинизм в контексте мировой истории. Они утверждали, что тенденции общественного развития СССР явились одним из вариантов проявления тенденций мирового развития. «Сталинизм, таким образом - заявляли В. Лапкин и В. Пантин, -представляет собой этап развития общества, в ходе

²¹⁹ Урок дает история. - С. 267; Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития// Осмыслить культ Сталина. - М.: Прогресс, 1989. - С. 284-326; Левада Ю. Сталинские альтернативы//Там же. - С. 448-459; Вокруг раскрестьянивания. Материалы «круглого стола»// В человеческом измерении. - С. 135; и др.

²²⁰ См.: Осмыслить культ Сталина. - С. 453-454; Этот подход широко использовался в зарубежной историографии. См., например: 50/50: Опыт словаря нового мышления. - М.: 1989. - С. 383.

²²¹ Осмыслить культ Сталина. - С. 454.

²²² Сахаров А.Н. Демократия и воля в нашем отечестве// Свободная мысль.-1991. - № 17. - С. 43. См., так же: Пантин И., Плимак Е. Россия XVIII-XX веков. Тип «запоздавшего исторического развития»// Коммунист. - 1992. - № 11. - С.54-68 - обосновывается историческая необходимость нецивилизационных методов в развитии России.

которого проводится форсированная индустриализация, осуществляемая без рынка, с помощью аппарата принуждения и чрезвычайных мер... Этот этап развития проходила не только наша страна, но и ряд других государств, где существовали дотоварные уклады и где правящие круги, беря курс на форсированное развитие индустрии, ориентировались на модель «реального» социализма».²²³ Подобную точку зрения высказывал и Н. Козлов. «Вхождение в индустриальную современность было вхождением в тоталитаризм, - утверждал он, - говоря об объективной необходимости реформ, модернизации. Эти «высшие цели» были высшими же фетишами, которым подчинялось все - личный и групповой интересы, благополучие индивида, да и сама его жизнь...».²²⁴

Таковы основные представления о проблеме альтернативности административно-командной системе сформировались в историческом сознании в рассматриваемый период.

Не меньший интерес в историческом сознании вызвала проблема характера сформировавшейся в СССР системы. Здесь также сложились крайне противоположные мнения.

Все более усиливающие свое влияние на умы населения антикоммунистические, антисоциалистические политические движения и партии в своих рассуждениях о характере советской политической системы отождествляли сталинский социализм с ленинской концепцией социализма. Они утверждали, что Сталин явился последовательным и ортодоксальным марксистом,²²⁵ а по ряду параметров был более последовательным, чем Ленин.²²⁶ По их убеждению, Сталин продолжил дело Ленина, довел его до логического конца. Ленин же в глазах общественного мнения ими был представлен как основоположник административно - командной системы.²²⁷ «Ленин, - заявлял

²²³ Лапкин В., Пантин В. Что такое сталинизм// Осмыслить культ Сталина. - С. 334.

²²⁴ Козлов Н. Как мы делали свободный выбор// Свободная мысль. - 1992. - № 17. - С. 73-74.

²²⁵ См.: Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. - М.: Политиздат, 1989. - С. 181.

²²⁶ Осмыслить культ Сталина. - С. 565.

²²⁷ См.: Суровая драма народа. - С. 183.; См., также: Истоки сталинизма// Наука и

американский советолог Р. Пайпс, - в конечном итоге - создатель сталинского государства. Сталин просто исполнил то, что хотел Ленин ... Основные контуры государства были заданы Лениным... Возьмите террор. Ленин использовал террор достаточно свободно, убивая заложников и создавая концлагеря. Ленин не испытывал никакого уважения к закону... Возьмите милитаризм. Все это идет от Ленина. Сталинское государство и все последствия, с этим связанные, идут от Ленина».²²⁸ Основы административно - командной системы, по мнению сторонников этой точки зрения, начались закладываться с октября 1917г. В этой связи Октябрьская революция представлялась ими как величайшая трагедия XX века, как история затмения и абсолютного регресса.²²⁹ Самым печальным последствием Октябрьской революции, по словам В. Солоухина, является уничтожение генетического фонда.²³⁰ Большевики во главе с Лениным, писал он, чтобы удержать власть «...давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали, как могли... чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы».²³¹

Наиболее правые, националистически настроенные антикоммунисты, видели в сталинизме «злых людей», мафию (под ней подразумевалось «всемирное еврейство»), которая сознательно творила зло: разрушали старую Москву при Кагановиче, были виновны в коллективизации деревни, приписываемой Яковлеву-Эпштейну, в терроре, организованном преемниками Ягоды и Ежова в НКВД, такими, как Розаль, Паукер, Берман, Рапопорт, Коган²³² и т.д. Такого рода высказывания часто ложились на благодатную почву.

Некоторые люди начинали составлять списки партийных работников 20-30-х г.г. с указанием их псевдонимов и фамилий и подсчитывали в составе руководящих партийных органов количество лиц еврейского происхождения.

жизнь. - 1988. № 11,12; - 1989. - № 1,2.

²²⁸ Пайпс Р. Россия при новом режиме// Диалог. - 1991. - № 5. - С. 44.

²²⁹ См.: Ципко А. Противоречия учения Карла Маркса// Через тернии /Сост. А.А. Проташик. - М.: Прогресс, 1990. - С. 60-84; Васильев Л. Кризис социализма// Там же. - С. 9-59; Нуйкин А. «Новое мышление и старые советы»// Там же.

²³⁰ Солоухин В. Читая Ленина// Родина. - 1989. - № 10. - С. 16-17.

²³¹ Там же. - С. 70.

Под влиянием эмоций они считали, что это и есть та самая главная правда, та самая истина, до которой следует докапываться. Такие простые ответы приводили к призыву людей «бить жидов, спасти Россию».²³³

Пытаясь убедить общественность через критику сталинизма, командно - административной системы, в несостоятельности социализма вообще, антисоциалистически настроенные политики преследовали цель подготовить почву для создания моральной и психологической обстановки в стране для свертывания перестройки в том варианте, в как она мыслилась ее начинателями и перехода к смене форм государственности.

Представители демократического социализма выражали сомнение в том, что состояние, в котором советское общество пребывало ранее как и то, в котором оно оказалось в период перестройки, правомерно называть социализмом.²³⁴ «Социализм, - утверждал Ю. Афанасьев, - вообще отсутствовал до наших дней».²³⁵

Исходя из такой позиции, представители данного направления крайне негативно относились к личности В.И. Ленина, к его идеям, к Октябрьской революции. Наиболее полно это отношение было раскрыто в ответе сопредседателя Всесоюзного общества «Мемориал» Ю.Н. Афанасьева на вопрос: «Ваше отношение к ленинскому теоретическому наследию?» на заседании «круглого стола» в институте марксизма - ленинизма при ЦК КПСС в январе 1990г. «Я должен сказать, - отметил Ю.Н. Афанасьев, - что оно не восторженное. Если говорить конкретно, я бы затруднился назвать и перечислить основные сокровища из этого наследия. То, что признано считать вершинами этого теоретического наследия, у меня вызывает большое сомнение. В частности, «Материализм и эмпириокритицизм» я считаю работой, имеющей касательное отношение к науке вообще. Произведение

²³² См.: Верт Н. История Советского государства. - С. 498.

²³³ См.: Урок дает история. - С. 284.

²³⁴ См.: Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах /20-30-е годы// Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 12. - С. 48.

²³⁵ Афанасьев Ю. Социализм. Настоящее и будущее// Коммунист. - 1990. - № 3. -С. 89.

«Империализм как высшая стадия капитализма» - это труд в основном не подтвердился социальной практикой. Что касается, скажем, «Развития капитализма в России», то я считаю, это в основном тенденциозная работа».²³⁶

Стремясь преодолеть «драму идей», переживаемую массовым сознанием, представители либерального социализма предлагали отделить Сталина от понятия социализм. Сталинская модель социализма, с их точки зрения, была результатом достаточно случайного взаимодействия объективных обстоятельств и деятельности вполне определенных политических лидеров, приспособляющих общество к своим, прежде всего политическим притязаниям.²³⁷ Для большей убедительности они использовали даже высказывание на этот счет Э. Фромма: «...Как Гитлер использовал слово «социализм», чтобы сделать более привлекательными свои расистские и националистические идеи, так и Сталин злоупотреблял понятиями социализма и марксизма в своих пропагандистских целях».²³⁸

Официальная пропаганда совершенно по иному представляла массовому историческому сознанию историю советского периода. В 20-30-х г.г., утверждалось ею, в стране утвердилась сталинская модель социализма как результат бюрократического извращения И.В. Сталиным и его ближайшим окружением ленинской концепции социализма.²³⁹ В наиболее развернутом виде эту точку зрения общественности представил Д.А. Волкогонов в беседе с Р. Медведевым: «... Сталинизм, - отмечал он, - есть извращенная теория и практика социализма, боготворящая силу и насилие как универсальное средство реализации политических и социальных целей... Это – историческая аномалия социализма».²⁴⁰ При характеристике общественного строя,

²³⁶ Цит. по: Партия и новые общественно-политические движения: проблемы диалога. - М.: Знание, 1990. - С. 33.

²³⁷ См.: Сталинская модель социализма: Становление, развитие, крах /20-30-е годы/. - С. 44.; Режим личной власти Сталина. К истории формирования. - М.: Прогресс, 1989. - С. 142, 547; Бордюгов.Г., Козлов В. Время трудных вопросов. История 20-30 годов и современная общественная мысль// Урок дает история. - С. 238.

²³⁸ Фромм Э. Социализм// Коммунист. - 1991. - № 11. - С. 28.

²³⁹ См.: К 120-летию со дня рождения В.И. Ленина// Правда. - 1990. - 7 марта.

²⁴⁰ Суrowая драма народа. - С. 278; См. так же: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. - М.; 1989. Кн. 1. - Ч. 1. - С. 28.

возникшего в период культа личности И.В. Сталина, они употребляли такие дефиниции, как «казарменный», «тоталитарный», «начальный», «государственный» социализм. Социально-политическая система, сложившаяся при Сталине, определялась также как «командно-административная», «бюрократическая», «антидемократическая» и т.д. Достаточное распространение получили и утверждения о том, что ко времени начала преобразований, положенных апрельским пленумом ЦК КПСС 1985 г., в СССР было построено социалистическое общество, но с «нарушениями ленинской концепции социализма», с его «деформациями», «негативными последствиями», «сталинщиной», с «хрущевской оттепелью», «сталинско - брежневским правлением» и т.д. и т.п. В основе таких оценок лежало стремление руководства страны и КПСС убедить население в том, что на данном отрезке времени, начавшейся перестройки, возможно построение «настоящего» социализма, социализма с «человеческим лицом», не замутненного ошибками, просчетами, нарушениями его благородных принципов. «Объективное требование жизни - «Больше социализма!» - писала «Правда», - обязывает нас разобраться, что мы делали вчера и как делали. От чего надо отказаться, что взять с собой».²⁴¹

В защиту созданной Сталиным системы выступили апологеты сталинизма. Неверие в антигуманный характер командно - административной системы было всегда распространено в определенных кругах общества. Здесь сказывалась и прямая заинтересованность в сокрытии правды, и сила предрассудков, и отсутствие информации, что позволяло спекулировать на незнании людей. Но подобного рода настроения существовали, как правило, на уровне обыденного сознания.

Неосталинисты же предприняли попытку идеологического подогрева имеющихся в обществе настроений, суть которых - откровенная тоска по прошлому. Кризисные периоды общественного развития всегда способствовали

²⁴¹ Принципы перестройки: революционность мышления и действий// Правда - 1988. - 5 апр.

реанимации в обыденном сознании мифов о прошлом как о «золотом веке» счастливой поре. На фоне неурядиц 1990-1991 г.г. Сталин представлялся многим символом порядка и дисциплины. Они были уверены, что при Сталине были бы невозможны сегодняшние национальные конфликты, разгул теневой экономики, безалаберность на производстве, распространение порнографии и т.п. Отсюда - заказ на «твёрдую руку», примером которого могут служить рассуждения бывшего переводчика Сталина, а позже доктора исторических наук В.М. Бережкова. При Сталине, говорит он, «... действительно существовала система страха. Как только страх убрали, так все сразу перестало работать. Вот видите, у нас даже снег с улиц не убирают. Почему? Потому что никто не боится. А Сталин бы уже давно расстрелял несколько человек, улицы были бы чистыми. Это, конечно, жестоко, но работали бы».²⁴²

Особый интерес в историческом сознании вызвала тема Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. В массовом историческом сознании по-прежнему довели догмы и стереотипы, сформированные официальной советской идеологией. От населения страны все еще были скрыты, прежде всего, те явления и события, которые в результате сталинского руководства обернулись тяжелыми поражениями, особенно в первый период войны. В то же время решающие победы по-прежнему относились на счет И.В. Сталина. Однако, следует отметить, что в историческом сознании сложились правильные представления о факторах, определивших победу советского народа над фашистской Германией - всенародный, справедливый, освободительный характер войны, силу духа советских людей - защитников своего Отечества, стойкость и мужество солдат и тружеников.

Процесс разрушения сложившихся догм и стереотипов, раскрытие «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны шел неоднозначно, противоречиво. Его особенностью было заострение внимания на негативных сторонах. Во второй половине 80-х г.г. население страны впервые во всей

²⁴² Цит. по: Михайлов Н. Реабилитация продолжается? Злободневные дополнения к изданной книге// Коммунист. - 1991. № 11. - С. 42.

полноте узнало трагические страницы войны, ее первого этапа. Особенно ярко весь трагизм 1941 г. был представлен массовому сознанию в итогах первых пяти месяцев войны - СССР потерял убитыми, без вести пропавшими и пленными 7 млн. человек. От довоенной армии практически ничего не осталось. Раскрывая трагические стороны войны, цену победы, общественная мысль углубилась в поиски ответов на вопросы: Как это произошло? В чем причина таких потерь? В результате такого поиска, был развеян миф о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Наибольший резонанс в массовом историческом сознании вызвала дискуссия о роли И.В. Сталина в Великой Отечественной войне, начатая военным историком академиком АН СССР А.М. Самсоновым на страницах периодической печати в марте 1987 г. В ответ на свои публикации до мая 1988 г. А.М. Самсонов получил около 2,5 тыс. писем,²⁴³ в которых ветераны войны, историки, писатели, рабочие и крестьяне излагали свою точку зрения по данной проблеме. Собранные вместе, эти письма представляют своеобразную краткую энциклопедию взглядов представителей различных слоев населения на узловые моменты советской истории. По отношению к роли личности Сталина в Великой Отечественной войне общественное мнение разделилось на две противоположные стороны.

Первая сторона, опираясь на мемуары Г.К. Жукова, С.М. Штеменко, А.М. Василевского и других военачальников, не считала И.В. Сталина великим полководцем, утверждая, что победа советского народа в войне достигнута не благодаря, а вопреки Сталину.²⁴⁴ Многие фронтовики по этому поводу острили: «...единственное предложение Сталина, не приведшее к катастрофе - это назвать операцию 1944 года в Белоруссии именем Багратиона».²⁴⁵

²⁴³ 180 писем было опубликовано в книге: Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - М.: Политиздат, 1988.

²⁴⁴ Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - С. 14; Волчков А.П. Нет возврата к прошлому /Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - С. 43; Аргуманов Г.И. Я пересматривал дела// Там же. -С. 54; Девятов В.С. Враги перестройки// Там же.- С. 55; Огарев Н.В. История - мост в будущее// Там же. - С. 75; Богатов Ю.М. Ревизии не будет// Там же. - С. 95 и др.

²⁴⁵ Тарунтаев В.В. Нужна полная правда// Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - С. 88.

Для другой стороны в целом тема войны, роли в ней Сталина стала последним плацдармом, на который отступили с боями сторонники командно - административной системы «... выигранная война, - писал Г.А. Бордюгов, - стала сегодня самым «убойным» аргументом в оправдании созданной в 30-е годы системы».²⁴⁶ Данная дискуссия не только поляризовала массовое историческое сознание, но и создала определенную нравственно - психологическую напряженность в обществе. Дискуссия велась на высокой эмоциональной волне, страстно и непримиримо. Спорили между собой ветераны войны, спорили историки и писатели, зачастую не стесняясь в выражениях.

До обвинения в адрес друг друга дошли даже некоторые историки и писатели. В ответ на заявление А.М. Самсонова о том, что писатель И. Стаднюк в своем романе «Война» сглаживал подлинные факты истории войны, не преодолел субъективизма и был привержен лакировать события, в частности, оправдывал расстрел генерала Д.Г. Павлова,²⁴⁷ И. Стаднюк примомнил А. Самсонову начало 50-х гг., когда тот в своих исторических трудах называл Сталина гениальным полководцем.²⁴⁸ Защищая А. Самсонова, профессор А.Н. Мерцалов обвиняет писателя в поддержке тезиса о великом полководце,²⁴⁹ а доктор юридических наук О.П. Темушкин напомнил И. Стаднюку о том, что его де коллеги, писатели, заявляли, что скоро книги Стаднюка будут преданы анафеме, и сам автор будет стыдиться их.²⁵⁰ Страсти накалялись. И уже историк А.Г. Латышев вытаскивает на свет факты из прошлого, когда некоторые великие писатели славословили в адрес Сталина, и даже предлагали связать день рождения И.В. Сталина - 21 декабря 1879 г. - с датой начала нового летоисчисления.²⁵¹ Апогеем критической ситуации, между

²⁴⁶ Бордюгов Г. А. Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды// История Отечества: люди, идеи, решения. - М., 1990. - С.263.

²⁴⁷ См.: Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - С. 29.

²⁴⁸ См.: Стаднюк И. Право на поиск истины// Социалистическая индустрия. -1987. - 14 июня.

²⁴⁹ См.: Мерцалов А.Н. Миф о великой стратегии// Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - С. 269,270.

²⁵⁰ См.: Темушкин О.П. «Одна правда нам в убыток»// Там же. - С. 282.

²⁵¹ См.: Латышев А.Г. За поиск истины.. но без «проработок»// Там же. - С.285,286.

историками и писателями, стало заявление писателя В. Астафьева: «...советские историки в большинстве своем, ...давно потеряли право прикасаться к святому слову «правда», ибо от прикосновения нечистых рук, грязных помыслов и крючкотворного пера оно - и без того изрядно у нас выпачканное и искривленное - пачкается и искажается еще больше».²⁵² Точку в этом споре поставил Т. Гайдар: «Разные были и есть у нас историки, как, впрочем, и писатели, и журналисты... Все мы очень разные, и, наверное, хорошо, что разные. Ведь одна из причин нашей общей болезни - десятилетиями насаждавшееся искусственное «единомыслие». Всем нам пришлось лечиться. Лекарство - возможность высказывать свое убеждение. И обязанность не криком, а аргументами, фактами отстаивать свою правоту... Усердия и ярости нам не занимать... Теперь наступает время трезвого взгляда, точного анализа, честных и потому мучительных раздумий. Время мысли».²⁵³

Однако «время мысли» еще не наступило. В последующие годы этого периода авторы исторических трудов по Великой Отечественной войне по-прежнему представляли на суд общественности «свое» видение событий, свои оценки деятельности руководства страны, военачальников, позаимствованные в мемуарах военачальников войны, в первую очередь Г.К. Жукова. Более того, для всех публикаций по данной теме было характерным раскрытие лишь «черных» страниц истории войны. Такая точка зрения перекочевала и в учебники по отечественной истории - из них ушли герои Брестской крепости, герои - панфиловцы, защитники Сталинграда и др.

Под влиянием ряда публикаций, телепередач, а так же той социально-экономической ситуации, сложившейся к 1991 г. среди определенной части населения на волне антикоммунизма и национализма, зарождающегося фашизма сложилось мнение, что «лучше бы мы сдались Гитлеру», «...юные подонки, спекулирующие водкой у магазина, - писал в апреле 1991 г. инвалид войны М.И. Егоров из г. Железногорска, Курской обл., - не постеснялись

²⁵² Астафьев В. Открытое письмо// Московские новости. - 1988. - 5 мая.

²⁵³ Гайдар Т. «Истово» и «неистово»// Московские новости. - 1988. - 8 мая.

бросить в лицо старым, израненным солдатам, чудом оставшимся в живых в ту войну: «Лучше бы сдались Гитлеру, тогда мы жили бы сейчас как на Западе...».²⁵⁴ «В конце концов пусть захватят, - заявлял А. Минкин, - Я под конец жизни хочу пожить на оккупированной территории».²⁵⁵ И уже не казались кое-кому странными слова, произнесенные на пресс-конференции в здании Верховного совета РСФСР А. Безугловым, президентом благотворительного фонда «Вечная память солдатам» о том, что зверства оккупантов на нашей территории - это миф... Освобождаемый от сталинизма гитлеровцами народ встречал немцев песнями, плясками и гостеприимными столами (чему сам Безуглов, по его словам, был свидетелем в Пятигорске). А что касается зверств - были, дескать, отдельные инциденты. Но это сильно, знаете ли, преувеличено советской пропагандой.²⁵⁶ На волне неонацизма в республиках Прибалтики памятники дивизиям и батальонам СС освещались уже не только теми, кто служил в них в то время, но и представителями демократически избранной Советской власти.²⁵⁷ Такой характер общественного мнения, с точки зрения руководства страны, формировался определенными силами не случайно. Выступая на закрытом заседании Верховного совета СССР в июне 1991 г. председатель КГБ СССР В. Крючков отмечал: «Есть прямые данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза в определенных условиях под предлогом международного контроля над ядерным арсеналом».²⁵⁸ Можно полагать, что в сознании населения готовилась почва для такого шага.

Итак, в переходный период отечественной истории, под влиянием организаций КПСС, общественно - политических организаций и движений произошла острая поляризация исторического сознания. Произошло разделение на противоположные группы ученых и писателей, публицистов и

²⁵⁴ Егоров М.И. Лучше бы мы сдались Гитлеру// Военно-исторический журнал. -1991. - № 8. - С. 2.

²⁵⁵ Минкин А. Броня крепка// Огонек. - 1991. - № 4. - С. 4.

²⁵⁶ Лучше бы мы сдались Гитлеру?// Военно-исторический журнал. - 1994. - № 8. - С. 70.

²⁵⁷ См.: Там же. - С. 70.

²⁵⁸ См.: Там же.

общественных деятелей, беспартийных и коммунистов, включая работников административно - управленческого аппарата. Интенсивно стало происходить изменение отношения к различным историческим периодам страны и личностям, ее возглавлявшим. По результатам исследования ученых Института социологии АН СССР, с мая по декабрь 1988 г., число относящихся к Сталину «очень отрицательно» выросло с 22 до 37 %, ²⁵⁹ а к декабрю 1989 г. эта цифра составила 65 %. ²⁶⁰ Положительно отзывались о Н.С. Хрущеве 51 % опрошенных, ²⁶¹ в тоже время 77 % высказались отрицательно о Л.И. Брежнев. ²⁶²

Под влиянием антисоциалистических сил разочарование в «реальном социализме», (неприязнь, а порой и ненависть к существовавшему политическому режиму) породил в массовом сознании стремление отомстить за прошлое.

В ряде городов, областей и краев переименовывались улицы и площади, носившие имя Ленина, других деятелей компартии, закрывались посвященные им музеи, демонтировались и даже осквернялись и разрушались их памятники. ²⁶³ Накопившееся за годы перестройки напряжение разрядилось также в стремительно нараставших центробежных силах. Так, годовщина подписания советско - германского пакта 1939г. стала поводом для массовых манифестаций 23 августа 1987 г. в столицах трех Прибалтийских республик. Эти выступления положили начало процессу, завершившемуся позднее провозглашением независимости этих республик. Вставшие в центр внимания национальные проблемы привели к обострению конфликтов между русскими «колонизаторами» и представителями «коренных» национальностей, прежде всего в Казахстане и в Прибалтике. Наиболее трагические формы принял конфликт между армянами и азербайджанцами по поводу Нагорного Карабаха в 1988г.

²⁵⁹ См.: Евлахов А.А. Кризис КПСС: истоки и уроки. - М.: Знание, 1991.

²⁶⁰ См.: Там же. - С. 39.

²⁶¹ См.: Пицулин Н. Что мы думаем о политике и наших лидерах// Диалог. -1990. - № 2. - С. 5.

²⁶² Там же.

Руководство КПСС причину такого изменения в историческом сознании видело в том, по словам П.А. Сергиенко, что «... отвращая массовое сознание от казарменного, тоталитарного, сталинского социализма, мы в значительной мере отвратили его от социализма вообще».²⁶⁴

«Почему так произошло? - Задает он далее вопрос. - Ведь на самом высоком уровне делались заявления о том, что нам дороги и наши история, и наши. положительный и отрицательный опыт. Но, как всегда, «перегибая палку», мы слишком много бросили камней в прошлое, что и не замедлило сказаться».²⁶⁵

С такими выводами вряд ли можно полностью согласиться. На самом деле произошедшие изменения в массовом историческом сознании обусловлены, рядом существенных причин. В качестве одной из них можно назвать неспособность руководства СССР и компартии принять необходимые, кардинальные меры для улучшения ситуации в стране.

Важной причиной сложившейся ситуации в историческом сознании следует назвать изменение политических условий его формирования. Если перестройка сознания начиналась в условиях однопартийной системы, одной идеологии, почти полного, как принято было говорить, «идеологического комфорта», то к 1990 г., по мере расширения демократии и гласности, подталкиваемое обстоятельствами, складывающимися внутри страны и за рубежом, общество пришло к признанию правомерности сначала «социалистического плюрализма мнений», «плюрализма мыслей», а потом и просто «политического плюрализма». Ситуация постепенно изменялась. Поначалу в основном интеллигенция, а затем и все общество стали привыкать к возможности борьбы мнений, дискуссии, хоть и велись они еще полностью в рамках той же существовавшей марксистско - ленинской идеологии и тех официальных установок, которые провозглашались руководством. Еще практически никто, кроме тех, кого именовали «диссидентами» и более

²⁶³ См.: О Ленине: правда против неправды// Диалог. - 1990. - № 6. - С. 21.

²⁶⁴ Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание: проблема формирования и развития. - К.: «Лыбидь», 1991. - С. 130.

смелых публицистов, не высказывал особо радикальных мыслей, отличающихся от официальных. Затем последовали более смелые публикации. Острота их нарастала. Парадокс заключался в том, что большинство газет и журналов, в которых публиковались эти статьи прямо или косвенно принадлежали компартии, тем или иным государственным, общественным организациям. Критика же все больше была направлена в сторону КПСС. Демонстрируя свою приверженность гласности, демократии, новое руководство КПСС считало, что критика эта будет иметь очистительное значение и пойдет на пользу перестройке. Однако события развивались не всегда так, как хотелось. И общество постепенно стало втягиваться в идейную и политическую борьбу, особенно ощутимо во время выборов народных депутатов, проведения съездов народных депутатов СССР, используя в этой борьбе и историю. Носители иных взглядов, отличающихся от официальных установок, получили трибуну и благодаря средствам информации доносили свои мысли, свою точку зрения до широких масс. С началом политической борьбы началась и политизация масс, и КПСС уже не могла удержать массы под своим влиянием. Инициативу перехватили те, кто уже в определенной мере владел умами масс. Процесс глубоких перемен в историческом сознании шел не под влиянием КПСС, а под влиянием лидеров новых общественных движений, политических партий, объединений, фронтов. Многие из них начинали с критики бюрократизма, тоталитаризма, осторожно отходя от марксизма - ленинизма, КПСС, а затем открыто перешли к антикоммунизму и антисоциализму, вовлекая все новые и новые слои общества в движение и борьбу за национальное возрождение, за восстановление, исторической справедливости и поправленных прав.

И наконец, одна из причин кроется внутри самой КПСС, в ее структурных и идеологических изменениях. В 1990г. она уже далеко не представляла собой единый монолит с единой идеологией, едиными целями и задачами, - в ней возникло несколько течений - от консерваторов до

²⁶⁵ Там же .

реформаторов. Такое состояние в КПСС не позволило ей противостоять деятельности других партий и движений по формированию и развитию массового исторического сознания.

После августа 1991г. антикоммунизм и антисоциализм становятся государственной идеологией. В этих условиях ряд политических партий и движений, ранее использовавших историю советского периода для достижения своих политических целей и видевших главного противника на этом пути в лице компартии, после прихода к власти стали использовать советскую историю для утверждения своих позиций в глазах общественного мнения. Тем более, что события и августа 1991г., и октября 1993г., вызвали далеко не однозначную оценку среди различных групп населения. Видимо только этим можно объяснить категоричность суждений представителей этих партий и движений о различных этапах послеоктябрьского периода отечественной истории. Общественному сознанию навязывались крайне отрицательные оценки Октябрьской революции. По их мнению, ее можно было не делать, поскольку она завела общество в тупик,²⁶⁶ Россия ничего не получила от революции, кроме сталинизма,²⁶⁷ она привела к крушению вековых духовных устоев православия, семьи.²⁶⁸ Выступая 26 ноября 1992 г. на конференции по истории Октябрьской революции, директор Института российской истории РАН В.П. Дмитренко самой трагической вехой 1917 г. назвал ликвидацию монархии. «С общества, - говорил он, - была сорвана скрепа государственности, затем стали рваться складывающиеся веками социально - управленческие связи и пошатнулись привычные устои самосознания народа. Отсутствие альтернативной системы управления породило нарастающий хаос во всех сферах жизни общества... Революция дошла до черты, за которой была диктатура».²⁶⁹ Философы и историки, сторонники демократических левых сил, среди них Г.Г. Водолазов, И.К. Пантин, (гл. редактор журнала «Полис»), Б.Г.

²⁶⁶ См.: Октябрьская революция и современность// Вопросы истории КПСС. -1991. - № 7. - С. 153.

²⁶⁷ См.: Октябрьская революция: Ожидания и результаты. Научная конференция в Москве// Отечественная история. - 1993. - № 4. - С. 212.

²⁶⁸ Там же. - С. 215.

Капустин, П.А. Федосов, А.Н. Каретин, заявили, что Октябрьская революция воспроизвела многие черты самодержавно - имперского подхода к нациям, что социализм в России воспроизвел все худшие черты старого чиновничьего аппарата, помножив их на тупость, жестокость отсталых слоев народа и на большевистский якобинско - плебейский экстремизм».²⁷⁰

Столь негативная оценка событий 1917 г. не всегда находила адекватное отражение в массовом историческом сознании. «Писать о революции теперь совсем просто. - Подчеркивал Игорь Дедков. - Проклясть ее, и дело с концом. И выглядеть будешь вроде неплохо: передовым человеком и гуманистом. Приятно сознавать, что есть такая возможность, но чем она общедоступнее и даже как бы обязательнее, тем меньше хочется ею воспользоваться. Немало сегодня критиков прошлого, чувствующих себя чем-то вроде «следователя по особо важным делам», с нажимом именуют Октябрь Семнадцатого «переворотом», ...видя в нем преступление (в лучшем случае ошибку) Ленина и Троцкого, заговор германских агентов - большевиков, антирусскую международную авантюру безродных космополитов интернационалистов и многое другое, столь же отрицательное, аморальное, случайное, незаконное, коварное и т.д. ...Снисходительно оглядывая череду прошедших лет, надменные люди наших дней пытаются сказать революции: «Вас здесь не стояло». Но масштабы исторического события не убывают от разжалования его в петит или даже от усердного вытравливания из книг и памяти...».²⁷¹ Защищая Октябрьскую революцию, автор статьи заметил, что обвинять, проклинать далеких теоретиков и практиков революции удобно. «А вот как быть со своей бедой. - Задает он вопрос. - Когда вроде бы все гуманисты и никто не хочет крови, а она льется, когда все за гражданский мир, а он рушится то там, то здесь... И снова, и снова «новое мышление» и «человеческое измерение» отступают перед страстями, перед новыми фетишами и идеалами...».²⁷²

²⁶⁹ Там же. - С. 213.

²⁷⁰ См.: Демократия и тоталитаризм. Материалы дискуссий// Свободная мысль. -1991. - № 15. - С. 30,31.

²⁷¹ Дедков И. Октябрьская годовщина// Свободная мысль. - 1991. - № 16. - С. 3.

²⁷² Там же. - С.6.

Совершенно в ином свете историческому сознанию населения была представлена и новая экономическая политика большевиков. Она уже не рассматривалась как прообраз рыночных отношений современной России. Представители демократических партий уже заявляли, что советские экономисты впали в своего рода эйфорию, преувеличивая возможности НЭПа, ссылаясь на экономистов - эмигрантов, подчеркивали обреченность НЭПа.²⁷³

Социал - демократы представили общественному сознанию материалы о том, что сама идея новой экономической политики была вовсе не большевистская - ее авторами были лидеры меньшевиков О. Мартов, П. Аксельрод, В. Двинов и другие. Большевики лишь воспользовались ею в условиях кризиса политики «военного коммунизма». На основе этих данных делался вывод о том, что если бы был достигнут компромисс меньшевиков и большевиков, то последующая история России была бы совершенно иной.²⁷⁴

С 1992г., в новых исторических условиях, на волне новой политической конъюнктуры на суд общественного мнения был внесен вопрос о переоценке событий кануна Великой Отечественной войны, стержнем которого стала версия Суворова-Хоффмана о «превентивном» характере нападения фашистской Германии на Советский Союз.²⁷⁵ Цель преследовалась однозначная - еще раз показать антинародный характер советской политической системы и гуманный характер новой власти. В зарубежном историческом сознании эта тема, поднятая еще геббелевской пропагандой с целью оправдания агрессии Германии против СССР, была давно уже решена. По мнению германского историка Г. Нольте, тезис о «превентивной войне» находится «за пределами научных изысканий».²⁷⁶ В постсоветской же России эта тема приобрела смысл политико-идеологического спора. Здесь пересеклись разные потоки

²⁷³ См.: Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность// Отечественная история. - 1993. - № 3. - С. 33.

²⁷⁴ См.: Никитин В. Ленин и Мартов: несостоявшийся диалог о новой экономической политике// Диалог. - 1991. - № 10. - С. 64,65.

²⁷⁵ См.: Суворов В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну? - М., 1992; Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год// Отечественная история. - 1993. - № 4. - С. 19-31.

²⁷⁶ См.: Борозняк Л.И. 22 июня 1941 года: взгляд с «той» стороны// Отечественная история. - 1994. - № 1. - С. 150-151.

осмысления прошлого. Произошла дальнейшая поляризация общественного сознания. В ходе дискуссии большинство населения объективно оценило события Великой отечественной войны и, вопреки утверждениям В. Зубова и писателя В. Астафьева о том, что мы проиграли войну Германии,²⁷⁷ по-прежнему считает, что в войне мы победили, мы вправе гордиться этой победой и вправе праздновать ее. Конечно, в общественном сознании по-прежнему ощущается боль за неслыханные жертвы, за невероятно дорогую цену, которую пришлось уплатить народу за эту Победу.

Наряду с таким одиозным подходом к истории советского периода со стороны ряда политических партий и движений, в рассматриваемый период в историческом сознании начинает формироваться более объективные, научные представления о Великой Октябрьской социалистической революции, новой экономической политике, сталинизме и др. Историческое сознание уже по-иному стало представлять историю советского государства. Октябрьская революция, например, уже стала рассматриваться в контексте целостного процесса всей российской истории XX века.²⁷⁸ «...лишь в рамках такого подхода, - отмечал на конференции заместитель директора Института российской истории РАН В.П. Дмитренко, - ...можно постичь подлинный смысл событий 1917 г., их поворотное воздействие на судьбы России и всего мира, увидеть многообразные пути, которые вели не только к Великой Российской революции, но и от нее».²⁷⁹

В научном, а за ним и в массовом историческом сознании наметился отход от односторонней, негативной оценки событий 1917 г.²⁸⁰ С другой стороны. Октябрьская революция уже не представлялась как фатальная неизбежность, а как одна из альтернатив, существовавших в то время, как

²⁷⁷ См.: Другая война: 1939-1945. - М.: Российский гос. гуманитарный университет, 1996. - С. 28, 386.

²⁷⁸ См.: Октябрьская революция: ожидания и результаты. Научная конференция в Москве. - С. 212-216.

²⁷⁹ Там же. - С. 213.

²⁸⁰ См.: Карр Э. Революция в России и Запад// Свободная мысль. - 1991. - № 6. - С. 20-25; Козлов Н. Как мы делали наш выбор// Там же. - № 17. - С. 65-74.

«выбор модернизации, вхождения в мир индустриальной современности».²⁸¹

В историческом сознании вырабатывалось научное понимание сталинизма как всемирно - исторического явления. В ходе дискуссии выявились две основные точки зрения на сталинизм. Первая сводилась к тому, что сталинизм является результатом сложных и закономерных процессов, происходивших в первой половине XX в. как в мировой, так и в отечественной истории. Франко, Чанкайши, Гитлер, Муссолини, Мао-цзедун подтверждают естественность сталинизма и вместе с тем уникальность постреволюционных диктаторов.²⁸² И. Николаев (Болгария) видел корни сталинизма в общих характеристиках XX в., в первую очередь в расцвете крупного машинного производства и соответствующих структур и технологий, что отразилось и в социальной сфере.²⁸³

Стремясь придать своей власти, легитимный характер, сторонники второй точки зрения объясняли сталинизм, отталкиваясь от идеологии марксизма, практики большевизма и острой внутрипартийной борьбы в 20-е гг.²⁸⁴ Причем, по мнению Р. Такера (США), сталинизм представляет собой большевизм радикально правого толка, взявший лишь самое жестокое, репрессивное и террористическое в ленинском наследии.²⁸⁵ В историческом сознании зарождалась мысль, что складыванию административно - командной системы способствовали исключительная роль государства во всех сферах общественного бытия, традиции авторитарного правления, отсутствие подлинной свободы экономического развития.²⁸⁶

У определенной части населения страны сложилось мнение, что борьба И.В. Сталина с оппозиционными группировками в компартии и укрепление своей личной власти является повторением того, что уже было в истории

²⁸¹ Козлов Н. Как мы делали наш выбор// Там же. - № 17. - С. 65.

²⁸² Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса. Международный семинар в Новосибирске//Вопросы истории. - 1993. - № 5. - С. 215-217.

²⁸³ Там же. - С. 216.

²⁸⁴ Там же. - С. 215.

²⁸⁵ Там же. - С.216.

²⁸⁶ См.: Быстрова И.В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность. - С. 20.

великих революций, каждая из которых была «похоронена» тем или иным диктатором.²⁸⁷

Итак, в переходный период отечественной истории историческое сознание российского общества оказалось в глубоком кризисе, который характеризуется крайней поляризацией общественного мнения по основным событиям истории советского общества. Причем эти оценки были крайне противоположны и изменчивы. На начальном этапе преобразований преобладало критическое историческое сознание, но по мере продвижения страны по пути капитализма, по мере утраты народом многих социальных гарантий все более преобладающим становится апологетическое историческое сознание.

Несмотря на предпринимаемые официальной идеологией меры по формированию в общественном сознании толерантного отношения к недавнему прошлому переходного периода, в историческом сознании все более набирает силу ригоризм, нетерпимость к новой истории переходного периода, к ее лидерам, по-прежнему историческое сознание носит ценностно-рациональный характер. По мере проявления несостоятельности либеральной концепции развития страны набирает силу имперское и этатистское историческое сознание.

До настоящего времени историческое сознание остается расколотым, по-прежнему оно остается под сильным воздействием идеологии и политики.

2.3. Социокультурный кризис и кризис исторического сознания: диалектическая взаимосвязь, пути преодоления.

Между социокультурным кризисом и кризисом исторического сознания существует диалектическая взаимосвязь. Кризис исторического сознания, как и общественного сознания в целом, является производным системного кризиса в России, есть его отражение. Причины социокультурного кризиса, как уже отмечалось, в свою очередь, лежат как в далеком, так и в недавнем прошлом

²⁸⁷ См.: Симонов Н.С. Термидор, Брюмер или Фруктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность// Отечественная история. - 1993. - № 3. -С. 3.

нашей страны. Поэтому основной путь реабилитации исторического сознания заключается в преодолении общего кризиса, в стабилизации общей обстановки в стране. С другой стороны, признавая факт активности исторического сознания, его реабилитация является важным фактором преодоления социокультурного кризиса в России. «Историческому сознанию принадлежит не только пассивная роль отражения исторического бытия. В свою очередь оно оказывает обратное воздействие. Бытие в историческом его измерении не просто отражается или осознается в личности, а воссоздается и обосновывается в ней и через нее».²⁸⁸

Таким образом, говоря о реабилитации исторического сознания, необходимо рассматривать ее в контексте преодоления социокультурного кризиса - нельзя преодолеть кризис исторического сознания, не преодолев общего кризиса, но нельзя преодолеть социокультурный кризис, не преодолев кризиса исторического сознания.

Кроме того, именно такая постановка проблемы объясняется также и тем, что за всеми политическими партиями и движениями, выдвигающими свое видение перспектив развития России, стоит историческая память, каждая из них для легитимизации своей концепции обращается к истории, ищет в ней свои социальные и идейные корни.

Глубинный кризис, постигший Россию, обнаружил потребность народов и их лидеров уяснить причины данного трагического этапа и выбрать наиболее приемлемый путь его преодоления. «Главный вопрос, - писал академик Н.Н. Моисеев, - который стоит перед всеми нами: есть ли будущее у России, достойное будущее? Нам нужно понять, сможем ли мы вернуться к более или менее благополучному существованию, на какой основе это может произойти и к чему следует стремиться, а что может оказаться пустой иллюзией. Одним словом, - заключает он, - что может стать с нами завтра?».²⁸⁹

²⁸⁸ Рашковский Е.В. На оси времени. Очерки по философии истории. - М.: Прогресс-Традиция, 1999. - С. 20.

²⁸⁹ Моисеев Н.Н. Обращение к участникам «круглого стола» на тему: «Быть или не быть... человечеству?»// Вопросы философии. - 2000. - № 9. - С. 4.

Необходимым условием самоидентификации общества, его социальной ориентации, выбора вектора исторического движения является историческое сознание. Знание исторической ретроспективы обуславливает идеи исторической перспективы. «Прошлое и будущее, не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены одним субъектом исторического действия – человеком».²⁹⁰ Совмещение в настоящем исторической памяти и социального идеала – важнейшее условие поступательного движения общества. В то же время особенностью современной России является то, что она вошла в XXI в. не имея четких представлений ни о своем прошлом, ни о своем будущем. Начавшаяся в период перестройки корректировка знаний о прошлом, завершилась к концу ее тотальным пересмотром истории. Это главный результат перестройки, который, по сути, предопределил драматические события 1991 и 1993 г.г. Не выдвинув никаких позитивных идей, новая политическая элита страны возвела отрицание исторической перспективы в ранг исторической перспективы. Но если настоящее не обосновывается будущим, оно лишается смысла.²⁹¹ С точки зрения практического результата, эти годы реформ таковыми и являются.

Сегодня, как представляется, необходимо отойти от эмоциональной акцентированности исторического сознания и с позиций рационализма осмыслить исторический путь России, выводы, вытекающие из него и извлечь уроки на будущее. Необходимо развеять мифы и стереотипы в историческом сознании, сформированные под влиянием различных политических партий и движений в переходный период. «Путь преодоления кризиса – один – избавление, власти и всего общества от опасной социальной болезни амнезии – потери социальной памяти – посредством прихода к власти людей, не только

²⁹⁰ Неклесса А.И. Трансмутация истории// Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 58.

²⁹¹ Мусаелян А.А. Об историческом сознании современной России// XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго российского философского конгресса /7-11 июня 1999 г./.. – В 2 т. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 153.

профессионально подготовленных к управлению обществом, но и в первую очередь порядочных, нравственно достойных, способных извлечь уроки как из истории, так и из сегодняшнего дня России».²⁹² Определяя пути выхода из кризиса, отвечая на бытийные вопросы, следует помнить о том, что исстари наши предки получали и находили ответы на эти вопросы в богатстве духовно-нравственного, культурного и интеллектуального наследия нашей Родины. Эволюция духа дает нам ярчайшие образцы преображения, когда преодолевается эгоизм и распри. И образцы будущности становятся отчетливо ясными для тех, кто не порывает с благодатными духовными истоками.

Выход из кризиса может быть найден только на основе научной теории, исходящей как из учета мирового опыта, так и самобытности России, национально-государственной идеи, способной объединить народ осознанием народом национальных интересов и выработке четкой национальной стратегии и тактики их претворения в жизнь.

На первое место в определении главных ориентиров выхода из социокультурного кризиса а, следовательно, и преодоления кризиса исторического сознания, как представляется, должна быть выдвинута национально-государственная идея. Ибо ясно, что без такой идеи, которую предстоит осознать массам, ничего сделано быть не может. Нынешняя безыдейность привела к общественному безразличию, социальной апатии - этим разрушительным силам общества.

В то же время исторический опыт показывает, что исторический путь развития России был отмечен периодами как длительного, так и относительно короткого безвременья и безвластия. Но каждый раз Русь, Россия, Российская империя, СССР выходили из тяжелого кризиса, являли миру образец жертвенности, силы духовного потенциала русского и других народов, населяющих ее огромные просторы. Так было уже в начале становления русской земли - на рубеже первого и второго тысячелетий, когда шло объединение вокруг славян народов от Днепра до Оки, от оз. Ильмень до

²⁹² Бегенов Н. М. От социальной амнезии к полной анемии// Там же. - С. 131.

Днепровских порогов. Именно тогда было образовано мощное Древнерусское государство с центром в Киеве, именовавшееся Киевской Русью. «На протяжении всего периода древнерусской истории главным содержанием национальной идеи стало ощущение катастрофы, обрушившейся на Русь».²⁹³ Об этой говорят памятники той поры «Слово о погибели русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Галицко-Волынская летопись», «Задонщина» - в этих и других оригинальных текстах точно показано, как крепнет, созревает национальная идея.

После освобождения от монголо-татарской зависимости была выдвинута политическая идея «Москва - Третий Рим». Эта идея сыграла огромную прогрессивную роль. Она лежала в основе образования русского централизованного государства. Она помогла русским государственным деятелям и просветителям отстаивать независимость и самостоятельность России, самобытность русской духовности и культуры. Не случайно именно тогда возникло само понятие «Россия» как собирательное обозначение и территории, и народа, и культуры, его исторических традиций. Уже тогда проявилась свойственная России историческая жертвенность во имя счастья и сохранения всех своих народов, бескорыстие и мудрость помогать другим народам в историческом развитии и становлении своей государственности.

В то же время, как свидетельствует история, более 200 этносов, живших ранее на территории Западной Европы, исчезли с лица земли. «Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768-843 г.г.), - писал И.А. Ильин. - Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба») через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю - сидели славянские племена: абодриты, лютичи, линоны, гевелы, редарии, укеры, поморяне, сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной

²⁹³ Аверладзе Г.Ш. Национальная идея как феномен российской политической культуры: Дис. ...канд. филос. наук. - Ставрополь, 1999. - С. 22.

денационализации со стороны германии».²⁹⁴

Россия же не только сохранила свои этносы, но и не раз спасала народы Европы от завоеваний, порабощения, уничтожения. Как бы ни умаляли факты истории, как бы ни искажали и не фальсифицировали их, истина всегда останется истиной. Многие народы (украинцы, грузины, армяне, латыши, литовцы, эстонцы и др.) сохранили себя как этносы только в объединении с русским народом. Когда французы, англичане и немцы начали создавать свои государства, на землях, где формировались эти государства, жило великое множество различных этносов, - кельтских, иллирийских, балтских, славянских и т.д. Их имелось не менее чем на территории России, однако в течение веков они были стерты с лица земли посредством самого жесткого давления со стороны трех господствовавших этносов. Самая обширная часть Германии - Пруссия, например, - это территория стертого с лица земли наиболее значительного и культурного балтского народа - пруссов. И, между прочим, нет никакого сомнения, что если немцы смогли надолго подчинить себе и земли восточнее Немана, то и от других балтских этносов - литовцев и латышей уцели бы, в лучшем случае, только названия. Подвергнутых немецкой и шведской ассимиляции литовцев и латышей от участи исчезнувших пруссов спасла и сохранила Россия, заплатив Швеции за ее территориальные уступки 2 млн. ефимков по Ништадтскому миру 1721 г.²⁹⁵ В советское время бюджеты всех союзных республик дотировались за счет России. Не Украина, а Россия поставляла Украине ежегодно 30% зерна. Сама Украина обеспечить себя зерном была не в состоянии.

В переходный период среди националистически настроенных граждан бывших союзных республик СССР возобладала прозападная ориентация. Украина трактовала свой отрыв от России как вхождение в Европу, среднеазиатские республики и Азербайджан как присоединение к миру ислама, Грузия заявила, что Европа им как-то искони ближе, чем Россия с ее

²⁹⁴ Ильин И.А. Наши задачи. - Париж-Москва, 1992. - С. 257.

²⁹⁵ Назаров М. Тайна России. Историософия XX века. - М.: Альманах «Русская идея».

«азиатчиной». А Прибалтийские республики обвинили Россию в «оккупации». Такие центробежные политические силы возникли в силу того, что в этих республиках произошла потеря исторической памяти. Распаду единого государства предшествовал разрыв во времени, потеря связи с собственным прошлым.

Уроки истории учат, что ни прибалтийцев, ни украинцев, ни грузин, ни среднеазиатские народы, говоря словами А.С. Панарина, никто не ждет ни на Западе, ни на Юге, ни на Дальнем Востоке. Если рухнет Россия, то народам, живущим в нашем евразийском пространстве, придется вскоре столкнуться с натиском Тихоокеанского региона. Там нас поджидают 1,5 млрд. весьма энергичных людей. И если они придут сюда, они будут решать не наши проблемы, а свои и вряд ли проявят ту терпимость и солидарность, которыми характеризовались межнациональные отношения в рамках России.²⁹⁶

С XVIII в. Россия явила миру свою национальную идею, которая теперь стала сопрягаться с представлениями о российской империи. «Екатерининских орлов вдохновляла уже не столь «святая Русь» и «третий Рим», сколько «Великая Россия», - пафос имперского строительства. Сама миссия российской империи понималась как утверждение политического влияния России, превращение ее в просвещенную державу».²⁹⁷

В XIX в. император Николай I насаждал известную триаду - православие, самодержавие, народность. Эта триада первоначально не встретила общественного одобрения. Но нельзя отрицать тот факт, что эта триада сыграла известную положительную роль в стабилизации тогдашней социально-политической ситуации. Таким образом, «... национальная идея становится своеобразным стержнем отечественной истории, смысловым ее центром, жизненным тонусом этноса, обеспечивающим его самосохранение и

- Вып. 5. - 1999. - С. 639.

²⁹⁶ См.: Россия в условиях стратегической нестабильности /Материалы "круглого стола"/ //Вопросы философии. - 1995. - № 9. - С. 14.

²⁹⁷ Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. - М.: Канон, 1996. - С. 31.

выживание при всех поворотах судеб».²⁹⁸

В новых исторических условиях идет поиск тех идей, которые позволили бы укрепить и поднять на новый качественный уровень российскую экономику и государственность, стали бы привлекательны для общества, всех его слоев. Выработка для России такой идеи сегодня переместилась из плоскости академической в политическую, обрела практическую актуальность. В этом качестве государственно-национальная идея вызывает разноречивые суждения, вплоть до резко негативных. В своем письме к съезду «Яблоко» академик Д.С. Лихачев писал: «Общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед - это не просто глупость, это крайне опасная глупость».²⁹⁹ Ему вторит В. Клименко: «Нам надо забыть о «Великой России», о ее возрождении, которое никогда не наступит... Мы должны, - по его представлению, - встать в стратегическую оборону и ...иметь мужество потерять половину завоеванного... Необходимо сложить с себя роль носителя мессианской идеи... Героическая эпопея окончена... В мире давно господствуют другие «великие идеи».³⁰⁰ На этих же позициях стоят И.М. Клямкин и Т.И. Кутковец.³⁰¹ «Бредом национального величия» называет русскую идею Е.В. Барабанов.³⁰²

Однако в общественном сознании существует и другое мнение о государственно-национальной идее: «...наша страна и мир в целом ищут если не национальную идею, то понимание того, что происходит, ищут духовную опору, определяющую как двигаться и куда двигаться», - отмечает С. П. Капица.³⁰³ России «нужна новая и идеология. Русские - хребет России... объединят вокруг себя иные нации», - заявляет В. В. Жириновский.³⁰⁴ За новую

²⁹⁸ Аверладзе Г.Ш. Национальная идея как феномен российской политической культуры. - С. 107.

²⁹⁹ См.: Межуев В. М. О национальной идее// Вопросы философии. - 1997. - № 12. - С. 3.

³⁰⁰ Клименко В. Россия: тупик в конце туннеля?// Общественные науки и современность. - 1995. - № 5-6. - С. 79.

³⁰¹ См.: Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи// Полис.-1996.-№1-2. -С.118-119.

³⁰² См.: Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности// Вопросы философии. - 1991. - № 8. - С. 116.

³⁰³ «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?»// Вопросы философии. - 2000. -№ 9. - С. 8.

³⁰⁴ Жириновский В.В. «Я - союзник, а не попутчик». - М., 1996. - С. 33.

мощную интегрирующую идею, но идею «из либерального и демократического лагеря» высказывался Е. Гайдар.³⁰⁵

Такой государственно-национальной идеей некоторые авторы называют идею *державности*.³⁰⁶ Они исходят из того, что Россия не исчерпала своих исторических возможностей, а сама идея державности пожалуй самое стойкое и глубоко укорененное в народном сознании понятие. «Польза государства, - утверждает В. Панков, - его роль собирателя народов, символа национальной мощи, заступника и строгого судьи никогда у нас всерьез не подвергались ревизии».³⁰⁷

Все сказанное позволяет сделать вывод, что Россия утратила большинство признаков великой державы и ей предстоит достаточно долгий путь к восстановлению престижа, к восстановлению статуса великой державы. Такая Россия нужна миру как надежный гарант международной безопасности, сдерживающий фактор против военно-политической агрессии в любой части планеты.

Конечно, могут быть предложены и другие идеи, на основе которых произойдет гражданское объединение и начнется процесс возрождения России, и более адекватно выразят самобытность российского общества. Главное заключается в том, что Россия не может существовать и развиваться без осознания своих национально-государственных целей и интересов, которые должны быть положены в основу всей ее внутренней и внешней стратегии.

К тому же, определение государственно-национальной идеи, будет способствовать мобилизации всех сил российского общества на преодоление социокультурного кризиса. Однако для перехода к более качественному состоянию общества на основе переходных процессов в постсоветской России немаловажное значение имеет ответ на вопрос «от чего и к чему

³⁰⁵ Гайдар Е.Т. Это решение - чисто политическое// Известия. - 1994. - 20 янв.

³⁰⁶ См.: Борботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства// Вопросы философии. - 2000. - № 11. - С. 13; Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия// Вопросы философии. - 1997. - № 10. - С. 8.

³⁰⁷ Панков В. Третий раскол?// Диалог. - 1990. - № 6.- С. 83.

осуществляется переход? Каковы же конкретные контуры того, что может быть обозначено как современное общество? Каковы пути приближения к нему? Для России, пережившей за последние десятилетия территориальный распад СССР, развал советской политической системы, крушение официальной идеологии, советских нравственных и духовных идеалов, изменения форм собственности и всей экономической системы, эти вопросы приобретают особую остроту. Очень важно понять, где корень серьезных просчетов, явных ошибок и слабостей политики реформ, общие фразы об отсутствии научно выверенной стратегии, должного понимания и учета российских условий, бессистемности и непоследовательности принимающихся решений явно недостаточны... Необходим совершенно другой подход, а именно, нацеленность анализа прошлого на разработку продуманной, четкой программы мер, способствующих быстрому выходу из кризиса, подъему России.³⁰⁸

В попытках научного анализа ситуации, убедительных аргументах и оптимальных прогнозах недостатка нет. О существенной корректировке или принятии нового курса реформирования России говорят все от крайне левых до крайне правых.³⁰⁹ Их авторы защищают свою точку зрения с такой категоричностью, что какой-либо компромисс между ними кажется невозможным.

В переходный период сложилось несколько исторических альтернатив общественного развития. Любая историческая альтернатива предполагает необходимость выбора одной из двух, или нескольких, возможностей.

Уже с началом перестройки первая альтернатива, социалистическая, в советском ее варианте, была отвергнута «архитекторами перестройки», под влиянием массивного воздействия на общественное сознание ей было отказано в существовании. Более того, именно идеологи перестройки, расчищающие себе путь в будущее, и ученые, публицисты, стоящие на их позициях, навязывали общественному мнению мысль об отсутствии в СССР

³⁰⁸ См.: Топорнин Б.Н. Сильное государство - объективная потребность времени// Вопросы философии. - 2001. - № 7. - С. 7.

³⁰⁹ См.: Новый курс реформирования России. - М.: Академия, 1996.

социализма вообще.

Однако время отвергло и западноевропейскую социал-демократическую концепцию развития «архитекторов перестройки», попытка реализации которой, в конце концов, привела страну на грань катастрофы, о чем шла речь выше.

С приходом к управлению государством так называемых демократических сил во главе с Б. Ельциным был взят курс на развитие капитализма. Победу одержала одна из противоборствующих тенденций - либеральная альтернатива и предстала перед обществом в качестве единственно возможного пути исторического развития - закономерного и необратимого. Она получила санкцию официальной идеологии и стала непреложным фактом общественной жизни.

Концепция либерально-демократической модернизации отвергла социалистическую модель российских реформ и объявила о признании преимуществ западной либерально-капиталистической цивилизации, ценности которой были объявлены универсальными общечеловеческими, то есть благотворными и наилучшими для любого общества, в том числе и российского. Подобная оценка западного опыта и возможностей его применения в России повлекла за собой отказ от какого-либо критического отношения к западной общественной модели. Она стала трактоваться радикальными реформаторами, средствами массовой информации и теми россиянами, а их, как следует из опросов общественного мнения 1990-1991 г.г., было большинство,³¹⁰ которые поддержали их, как во всех отношениях совершенная и даже идеальная. Образцовыми объявлялись и экономический механизм западных стран, и их классовые структуры, и система социального страхования, и политические институты. Даже безработица объявлялась теперь благодеянием поскольку она, стимулировала благословенную конкуренцию на рынке труда и поскольку безработные от нее вовсе не страдали, получая пособия, в десятки раз превосходящие зарплату квалифицированных советских

³¹⁰ См.: Капустин В. Либеральное сознание в России// Общественные науки и

рабочих.

Это восприятие Запада было абсолютной противоположностью прежних негативных советских трактовок его опыта. Смена трактовок носила ярко выраженный идеологический характер. Осуществлена она была политиками, средствами массовой информации. Поддержку ей оказала и часть обществоведов, приобретших трибуну в либеральных средствах массовой информации и, как результат, широкую известность. Особенно активным пропагандистом либеральной концепции был профессор Л. Любимов. «В современном американском гражданском обществе, - писал он, - правящим является правительство «среднего класса», которое сумело в своей программе выразить национальный консенсус по главным вопросам внутренней и внешней политики».³¹¹ Самых высоких оценок удостоивались американские лидеры, даже Рейган предстал народным благодетелем, защитником бедняков и безработных.

Для усиления своих позиций, либералы опубликовали в 1990 г. в России перевод статьи американского политолога Ф. Фукуямы «Конец истории?», в которой объявлялась неоспоримая победа экономического и политического либерализма в США,³¹² а всем странам нужно только воплощать у себя его образцы. Российское общественное мнение и политики из либерально-демократического лагеря с готовностью поддержали эти выводы.³¹³ Это уже позднее, когда либеральные программы преобразования России провалились, общественному сознанию были представлены критические материалы отечественных и зарубежных авторов,³¹⁴ в которых рисуемая Ф. Фукуямой картина объявлялась ни чем иным, как атеистическая эсхатология,

современность. - 1994. - № 4. - С. 32.

³¹¹ Любимов Л. К какой системе принадлежит США?// Литературная газета. - 1989. - 29 июня.

³¹² Фукуяма Френсис. Конец истории?// Вопросы философии. - 1990. - № 3. - С. 134.

³¹³ См.: Замошкин Ю.А. «Конец истории»: идеологизм и реализм// Вопросы философии. - 1990. - № 3. - С. 148-155.

³¹⁴ См.: Малахов В.С. Еще раз о конце истории// Вопросы философии. - 1994. - № 7-8. - С. 48-50; Фридрих Кл. О функциях одной мыслительной фигуры// Там же. - С. 50-58.

вульгаризированный христианский финализм.³¹⁵

Историки и обществоведы, осмысливавшие с либеральных позиций историю России, занялись поиском «либеральных корней» в российском прошлом. Одни из них генезис русского либерализма относили к последекабристской эпохе, а его изначальной формой объявлялся либеральный консерватизм.³¹⁶ Другие же находили исторические корни в русском просветительстве второй половины XVIII в.³¹⁷ Среди крупных обещающих исторических работ первым воплощением либерального подхода стала монография «Наше Отечество. Опыт политической истории», опубликованная в 1991 г. Магистральной линией всей отечественной истории в монографии признается борьба реформ и контрреформ, нормой или идеалом для них является либеральная западная цивилизация. Западный путь, предстающий как образец для России, согласно одному из определений, встречающихся в ней, это «накатанная дорога к свободе, равенству и братству».³¹⁸ Руководство страны видело в истории либерализма миф своего происхождения и объявляло себя ее последователями в целях утверждения в общественном сознании исторической преемственности проводимых им преобразований. «...демократии, отмечает английский историк Н. Дэвис, - как и любому другому движению, требуется миф - миф происхождения достаточно древний и со своими героями».³¹⁹

Вместе с тем, исторический опыт показывает, что отличие цивилизации восточных славян от цивилизаций европейского пространства проявилось еще в конце первого тысячелетия. И в некотором смысле неприятие Западом Византии распространилось и на славянские народы, принявшие христианство по византийскому образцу. Это глубокое отличие цивилизаций прошло сквозь

³¹⁵ Малахов В.С. Еще раз о конце истории// Вопросы философии. - 1994. - № 7-8. - С. 49.

³¹⁶ Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская, мысль после 14 декабря 1825 года. - М.: Эдиториал, УРСС, 1999.

³¹⁷ Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века /Из истории общественно-политической мысли России/. - М., 1994.- С. 33-34.

³¹⁸ Наше Отечество. Опыт политической истории. - В 2 т. - М., 1991. Т. 2. - С. 4.

³¹⁹ Дэвис Н. Эллада// История. - 2001. - № 1. - С. 12.

всю историю. И, конечно, игнорировать этот факт нельзя. Стремление русских императоров «войти в Европу» всякий раз оканчивалось для нас катастрофой. Самый яркий, классических пример, это создание Александром I Священного Союза, который окончился тем, что русские войска использовали в качестве жандармской силы для подавления революционных движений в Европе, а потом в «благодарность» последовал разгром под Севастополем, потеря Аляски и пр. Примерно то же произошло и после Великой Отечественной войны. СССР в третий раз поставил заслон созданию на территории европейско-азиатского континента единой империи и снова защитил своей кровью Европу. По мнению Н.Н. Моисеева, «...разговоры о вхождении под крышу европейского дома – очередная вредная утопия». Наоборот, считает он, «надо понять, как, опираясь на ту самоценность, которую представляет наша цивилизация, сделаться эффективными партнерами с западными странами, не меняя своей идентичности».³²⁰

Исторический опыт также показывает, что, несмотря на что, в начале XX в. либерализм был представлен яркими фигурами и в научной среде, и среди высших чиновников, и среди офицеров, он оказался слишком слаб и невостребованным российским обществом. В 1917 г. русский либерализм потерял власть, оказавшийся несостоятельным и лишенным социальной опоры. Русский либерализм остается до сих пор малоизвестен. Более того, в советское время был открыт заново правозащитным движением и вновь остался идейно невостребованным обществом. Личное подвижничество, преследования, моральный авторитет привлекли общественное мнение, но не подкрепились интересом к содержанию идей.³²¹ Таким образом, русский либерализм оказался слаб и исторически не прав. Более того, следует согласиться с Е.Г. Плимаком и И.К. Пантиным в том, что русский либерализм как политическое течение оказался по ряду причин несостоятельным.³²² И это действительно так. В начале

³²⁰ См.: Россия в условиях стратегической нестабильности /Материалы «круглого стола»/ //Вопросы философии. – 1995. – № 9. – С.6.

³²¹ См.: Тульчинский Г.Л. Об одной ошибке русской философии// Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 87.

³²² См.: Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций /

90-х г.г. демократический либерализм, покончив с социализмом, обещал народу достижения общества всеобщего благоденствия. Как справедливо отмечал В.К. Кантор, «народ кряхтя и постанывая... идет за нынешними демократами. Потому что за этими демократами - Запад, западная помощь, чистая и сытная западная жизнь... Сейчас кажется даже, что втайне каждый в нашей стране подозревал, что настоящая жизнь, подлинная справедливость, короче, «идеальное общество» находятся «где-то там», а уж дальше следовало типично российское представление об идеале: «текут молочные реки с кисельными берегами», а «жареные рябчики сами в рот падают». И стоит нам только отказаться от представления о своем первородстве, как заживем сразу не хуже чем «там» ...надолго ли этот поворот на Запад, - задает вопрос автор, - или временное помутнение разума у народа?».³²³ Все оказалось не так. Вскоре все поняли, что страна скатилась в дикий капитализм, народ не достиг обещанного благоденствия, а вот потерял даже те социальные гарантии, которые он приобрел за годы Советской власти. Выиграли лишь немногие, оказавшиеся у власти и поделившие народное богатство. В этом отношении прав А.А. Гусейнов, утверждающий, что все те, «кто выступает от имени истории, ее целей, оказывались великими обманщиками. Они приводили людей совсем не туда, куда обещали. Благоденствие для всех оборачивалось выгодой для некоторых».³²⁴ Страна оказалась отброшенной назад на несколько столетий, к эпохе первичного накопления капитала. Уместно будет в этой связи привести высказывание В.Л. Перламутрова: «...когда у нас говорят о капитализме как перспективе России, то люди чаще всего имеют в виду современный капитализм примерно 20 индустриально развитых стран. Но ведь в мире есть еще около 200 капиталистических стран, которые живут плохо или очень плохо. Это же в них половина населения Земли живет впроголодь... А можем ли мы быстро и гладко войти в капитализм... тех 20 передовых стран? Никто же в

сравнительно-политический анализ/. - М.: Изд-во «Весь мир», 2000. - С. 18.

³²³ Кантор В.В. Западничество как проблема «русского пути»// Вопросы философии. - 1993. - № 4. - С. 25.

³²⁴ Перестройка и нравственность /Материалы «круглого стола»/ //Вопросы

мире быстро не трансформировался из некапитализма в благополучный капитализм... То, что у нас теперь меняется в экономике, очень напоминает зарю классического капитализма: первоначальное накопление капитала... а оно же сопровождается Парижскими коммунарами, восстаниями Лионских ткачей, чартистскими и прочими подобными потрясениями общества, Выдержит ли общество такого рода потрясения?».³²⁵

В условиях падения авторитета либерально-демократической концепции все более широкое влияние на общественное сознание начинает оказывать концепция развития России, которую В.В. Согрин называет консервативно-романтической³²⁶ и которая основывается на уникальности и самодостаточности российской цивилизации - евразийской концепции. Чем объясняется возрождение евразийства? Во-первых, по мнению И. Исаева, распавшийся СССР стал политически неорганизованным пространством, зажатым между Востоком и Западом, которые оказались лицом к лицу без прежней промежуточной зоны. Традиционная подозрительность к западным влияниям и корыстным расчетам при этом сохраняется. Она усугубляется разочарованием в обещанной, но не поступающей экономической помощи со стороны Запада. А потому - естественная реакция - обращение на Восток.³²⁷ Во-вторых, второе рождение евразийской концепции, с точки зрения Ю.И. Игрицкого, обусловлено тем, что преобразование биполярного мира в многополярный и, особенно, утрата Россией ранга одной из двух супердержав естественным образом стимулировали рост интереса к геополитическим теориям. Она становится сферой исканий и для многих наблюдателей, пытающихся угадать новую Россию в мире, подталкивая их к внесению геополитического ракурса в исторические, культурологические и иные дисциплинарные исследования.³²⁸ В-

философии. - 1990. - № 7. - С. 3.

³²⁵ Риск исторического выбора России /материалы «круглого стола»/ //Вопросы философии. - 1994. - № 5. - С. 13.

³²⁶ Согрин В.В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак?// Вопросы философии. - 1996. - № 8. - С. 15.

³²⁷ Исаев И. Евразийство: идеология государственности// Общественные науки и современность. - 1994. - № 5. - С. 42.

³²⁸ См.: Игрицкий Ю.М. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа// Отечественная история. - 1998. - № 1. - С. 18.

третьих, новым стимулом концепциям евразийского типа, попыткам осмыслить Россию как особую евразийскую цивилизацию дает оттеснение России с Запада в результате распада СССР. «Ирония, - отмечает А.С. Ахиезер, - а возможно сарказм истории, заключается в том, что очередная попытка преодолеть изоляцию от Запада, от стран господствующего либерализма, сопровождалась геополитическим оттеснением на Восток».³²⁹ И, наконец, четвертая причина возрождения евразийства заключается в том, что после крушения СССР произошла резкая архаизация всего евразийского пространства: наружу вырвались старые демоны этноцентризма, национализма и сепаратизма, вспыхнули военные конфликты, поднял голову религиозный фундаментализм.³³⁰

В переходный период отечественной истории все больше возрастает интерес к учению евразийцев, который объясняется попытками некоторых политических партий и движений использовать его в своих и интересах и ориентирован на возрождение и утверждение великодержавных и националистических идей. Тезис об «особости» России, логически вытекающий из постулатов евразийства, во все возрастающей степени становится прибежищем националистически ориентированного политиканства, государственников, патриотов и «национал-патриотов». Как бы сегодня ни называли их, невозможно игнорировать тот факт, что их сознанию открываются те реалии нового государственного, геополитического положения России в мире, которые демократические «оптимисты» предпочитают не замечать.

Одной из наиболее известной и имевшей достаточно широкую известность особенно в начале 90-х г.г. концепций развития страны, основанной на идеях евразийства, стала монархическая концепция. Она проявилась в деятельности различных группировок, более серьезными из которых стали Православная монархистская конституционная партия и

³²⁹ См.: Россия в условиях стратегической нестабильности /материалы «круглого стола»/ //Вопросы философии. - 1995. - № 9. - С. 41.

³³⁰ См.: Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы цивилизационные

Всероссийская партия монархистского центра.³³¹ Спасение России они видят в возрождении единой и неделимой России, в возвращении к самодержавной монархии. «Без царя Россия - вдова, а народ ее – сироты», заявляют они.³³² Для большей убедительности монархисты используют историю. Николай Второй представляется ими историческому сознанию населения как выдающийся деятель, осознавший, «как никто другой», ответственность за судьбы россиян, в нем, по их мнению, слились воедино великая Россия и Святая Русь.³³³

Как нам представляется, и монархизм, и другие национал-патриотические движения - это рецидивы утопии, попытка идеализации прошлого. Здесь видится переориентация сознания от «светлого будущего» как времени реализации социального идеала на еще более «светлое прошлое», как времени идеализации реальности, что означает лишь «переход от утопии перспективной к ретроспективной, когда фантазия вытесняется памятью, а упование на то, что «все впереди» сменяется сетованиями о том, что «все позади».³³⁴

Выбор одной из нескольких альтернатив не означает полного и бесследного исчезновения отвергнутых возможностей: они остаются в историческом предании и в исторической памяти. При изменившихся условиях отвергнутые варианты развития событий могут вторично обрести онтологический статус и еще раз получить исторический шанс для реализации - в реальном пространстве и реальном времени. «Еще живы люди, имевшие непосредственное отношение к выбору исторической альтернативы и хорошо осведомленные о скрытом механизме принятия тех или иных решений. Они хранят память о былом в его незавершенности и пытаются понять как смысл минувших событий, так и свое место в них. Настоящее не является для них единственно возможным следствием прошлого, непосредственное восприятие

ответы// Вопросы философии. - 1994. - № 12. - С. 20.

³³¹ См.: Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма /Пер. с англ. - М. - Текст, 1994. - С. 264,267.

³³² Манфест Союза «Христианское возрождение»// Земщина. - 1991. - № 1. - С. 3.

³³³ Шипунов Ф. Мировое чудо. Русь самодержавная// Русский Восток. Газета русского национал-патриотического союза «Верность». - 1993. - № 7.- С. 3.

³³⁴ Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания /от утопии к утопизму/

которого сохранилось в их памяти».³³⁵ В последнее время, когда стал очевидным крах либеральной политики в России, зреет потребность в выработке альтернативных и консолидирующих идей, выражающих интересы различных слоев общества. Результаты социологических опросов показывают, что большинство народа отдает предпочтение такой общественной системе, в которой эффективная рыночная система сочеталась бы с принципами социальной справедливости и защищенности. Формируется соответствующий вектор политического развития. В этих условиях на роль выразителя интересов большинства народа вновь выдвигает себя российская социал-демократия. Предпринимаются попытки объединить социал-демократические силы (Российская объединенная социал-демократическая партия, Социалистическая единая партия России). Вновь ее идеологи усиливают свое воздействие на общественное сознание, в том числе и историческое, раскрывая исторические корни социал-демократии, пропагандируя теорию и практику западной социал-демократии.³³⁶ Однако даже не заглядывая в далекое прошлое российской социал-демократии и ее горький опыт, отметим только, что в конце 80 - начале 90-х г.г. после краха «перестройки» Горбачева обострился кризис социал-демократии в России. Это позволило Р. Даренфорфу, и Г. Рормозеру уверенно заявить, что «век социал-демократизма» достиг своих целей и идет к концу.³³⁷ И эти прогнозы пока оправдываются. Подтверждением слабости российской социал-демократии явились итоги выборов в Государственную Думу.³³⁸

В сегодняшней России усиливается ностальгия по советскому прошлому, которая носит большей частью не идеологический, а социально-бытовой характер, отражая потребность в возврате к прежнему уровню социальной

//Вопросы философии. - 2001. - № 7. - С. 48.

³³⁵ Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления// Вопросы философии. - 2000. - № 8. - С. 80.

³³⁶ См.: Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса. -М., 1998; Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. -М., 1998; Попов Г. Россия ищет идеологию нового тысячелетия// Независимая газета. - 2000. - 25 авг.; Владиславлев А. Отечество в поиске// Независимая газета. - 2000. - 15 марта.

³³⁷ См.: Рормозер Г. Кризис либерализма. - М., 1996. - С. 11,118.

³³⁸ См.: Мысливченко А.Г. Западная социал-демократия: тенденции обновления и модернизации// Вопросы философии. - 2001. - № 11. - С. 3.

защищенности. Причины кризиса в СССР носили не столько объективный, сколько субъективный характер. «При всех перипетиях того периода, - отмечают Ш.М. Мунчаев и В.М. Устинов, - совершенно очевидно, что Советский Союз логикой своего внутреннего развития не шел к столь быстрому распаду: его развалила политика «перестройки». Разумеется, советская экономика, как это происходит и с другими странами в разные периоды, претерпевала серьезные кризисные явления, которые требовали глубоко продуманного и серьезного анализа, а не столь поверхностного подхода. Страна не была ни беспомощной, ни обреченной: на грань катастрофы ее поставили реформы Горбачева».³³⁹

С другой стороны, антисоциалистические силы от «либерального коммуниста» М. Горбачева до правых радикалов, экстремистов много усилий приложили к тому, чтобы сформировать в общественном сознании негативное отношение к социализму, к социалистическому прошлому страны. Правые силы продолжают утверждать о бесперспективности советской модели социализма, о тупиковой ветви развития СССР, о том, что в основе кризиса в СССР лежала несостоятельность плановой экономики.

Такое несерьезное отношение к социализму как факту и явлению всемирно-исторического смысла и значения может привести лишь к усугублению кризиса и новым социально-политическим потрясениям. Всякий конец сложившегося образа жизни чреват неожиданностями. Отчасти об этом слова Н.А. Бердяева: «Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции а для творческого развития... представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией».³⁴⁰ В ошибочности отхода от социалистического пути развития утверждает и А. Зиновьев. Он вообще не принял перестройки, которую он называет «катастройкой». Его раздражает историческое беспамятство, выдаваемое за «прозрение», «проснувшуюся

³³⁹ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М. 1999. - С. 699.

совесть» и т.п. Он не скрывает своего неприятия тех, кто с такой лихой безоглядностью сбрасывает с «парохода современности» Маркса с Лениным, считая коммунизм нонсенсом, ошибкой истории, вывихом мышления. Более того, А. Зиновьев считает, что современное общество западного образца могло бы возникнуть в России исключительно путем навязывания извне, но никак ни в силу внутреннего развития. Российское общество, по его мнению, «обречено на коммунизм».³⁴¹ Почему А. Зиновьев, самый беспощадный критик коммунизма, советского общества и марксизма выступает теперь в роли как бы адвоката марксизма? Потому что, с одной стороны, - «коммунистический образ жизни сохраняет свою привлекательность в других странах, включая капиталистические», с другой стороны, утверждает он, капиталистические страны, куда «демократы» устремились «на всех парусах», отнюдь не земля обетованная. Высокий уровень жизни там намертво связан с безработицей, неуверенностью в завтрашнем дне, изнурительной работой и изнурительным потребительством».³⁴²

Созвучно с точкой зрения А. Зиновьева и мнение немецкого философа Н. Лобковица, так же критика марксизма и коммунизма. Оценивая современную нестабильную ситуацию в мире, он заявляет: «Средняя и Восточная Европа будут тосковать по коммунистическому состоянию».³⁴³

«XX век - время практической реализации и проверки социалистической идеи, одной из самых фундаментальных и влиятельных во всей истории человечества. - Отмечает В.С. Нерсисянц. - Теперь, к концу века, по Европе уже бродит призрак постсоциализма. Но нынешние попытки освободиться от социализма скорее смахивают на неподготовленный побег, чем на продуманное движение в историческом времени и пространстве... Вместе с тем можно сказать, что только постсоциализм выявит подлинную природу и суть

³⁴⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - С. 120.

³⁴¹ Советское общество и советский человек - точка зрения Александра Зиновьева /Материалы «круглого стола»/ //Вопросы философии. - 1992. - № 11. - С. 54.

³⁴² См.: Там же. - С. 56.

³⁴³ . Лобковиц Н. Поворотное время: мысли к посткоммунистической эпохе. - Ворцбург, 1993. - С. 85.

предшествующего социализма, его действительное место и значение в историческом процессе. Смысл нашего социалистического прошлого объективно-исторически определится тем или иным вариантом возможного для нас постсоциалистического будущего. Ведь будущее - это всегда какой-то итог и резюме всего предшествующего развития, дающего возможность судить о смысле прошлого и настоящего лишь по своим зрелым результатам. Поясняя схожую мысль, Аристотель говорил, что порода лошади выступает на передний план и выясняется лишь по мере ее зрелости». ³⁴⁴

Советский период отечественной истории еще помнят старшие поколения, которые на собственном опыте познали прошлый строй, они способны сопоставлять реалии предшествующих лет и современного этапа. Старшие поколения в той или иной мере сохраняют в своей массе взгляды и представления, порожденные в советский период «Советский период нашей истории, - отмечает А.И. Володин, - это даже не история собственно, во всяком случае, для представителей того поколения, которые прожили в нем большую часть своей творческой жизни. Для них это не история, а жизнь, не преодоленные, а может, и вовсе не преодолимые препятствия, укорененные в мозгу и сердце симпатии и антипатии. Это, если угодно, наша судьба, которой руками, как говорят, лучше бы не касаться». ³⁴⁵

Новым поколениям, появившимся на свет в иных общественных условиях, нужно хорошо знать все, что было прежде со страной, народом. Знать плюсы и минусы, как светлые, так и черные страницы другой, не нынешней жизни. Нашей молодежи жить в стране с великой историей, и такую историю продолжать. Нигилизм по отношению к своему прошлому, неуважение к своим предшественникам только затрудняет дальнейшее развитие. Нынешним молодым, в свою очередь придется передавать Россию своим потомкам. Связь времен и преемственность поколений - это непреходящие ценности, к которым надо относиться очень и очень бережно.

³⁴⁴ Нерсесянц В.С. Продолжение истории: от социализма к цивилизму// Вопросы философии. - 1993. - № 4. - С. 3.

³⁴⁵ Философия в СССР: версии и реалии /материалы дискуссии/ //Вопросы философии.

Сегодня значительно сильнее, чем в начале реформ, в общественном сознании осознается, что пути развития России не могут быть правильно определены, если отодвигается на задний план, игнорируется ее собственная специфика, ее история, менталитет людей, экономические, политические, социальные и иные условия. Жизнь все дальше уводит нас от механического, утопически-упрощенного применения зарубежного опыта. Но это никоим образом не означает призыва отвернуться от зарубежных схем и средств, свернуть на путь обязательных поисков доморощенных рецептов. «Тот, кто проповедует и понимает «особый путь» как самоизоляцию, отказ от использования достижений теории и практики общественного развития, имеющих за рубежом, глубоко не прав. Если объективные закономерности прогресса человечества открыты или пробили себе дорогу в других странах, то эти закономерности нужно изучать и их уроки усваивать у себя дома».³⁴⁶

В то же время многие исследователи убеждены в том, что сейчас бессмысленно предугадывать будущее России. Т. Колтон и Р. Лечволд, хорошо знающие природу советской и российской политики, откровенно признались, что у них пропала охота строить прогнозы на пять, десять и тем более пятнадцать лет.³⁴⁷ И. Валлерстайн предсказывает, что в течение следующих 90 лет Россию ждет не катастрофа, и не процветание, а обычная для нее «ухабистая дорога».³⁴⁸

Сегодня представляются здравыми позиции, в соответствии с которыми путь российской истории представляет не демократический либерализм, ведущий к вестернизации, и не евразийский, ведущий к национальному обособлению, а путь, ведущий к творческому синтезу общего и специфического исторического опыта, на основе извлечения уроков истории.

- 1997. - № 11. - С. 3.

³⁴⁶ Топорнин Б.Н. Сильное государство - объективная потребность времени// Вопросы философии. - 2001. - № 7. - С. 9-10.

³⁴⁷ См.: Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа// Отечественная история. - 1998. - № 1. - С. 19.

³⁴⁸ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая экономика// Свободная мысль. -1996. - № 5. - С. 42.

Заключение.

Являясь одной из форм общественного сознания, историческое сознание занимает ответственное место в системе мировоззрения общества и индивида. В относительно стабильные периоды жизни общества в нем преобладают представления о прошлом страны, сформированные нормативным

историческим знанием, ему в значительной степени присущи мифологизм и догматизм. В такие периоды не возникают сколько-нибудь остро вопросы о смысле истории, об историческом движении. В целом историческое сознание адекватно отражает коренные исторические особенности своего общества.

В переломные периоды истории человечества возрастает интерес к истории, неимоверно возрастает и роль исторического сознания как одного из регуляторов социального поведения, обусловленная как особенностями развития человеческого общества на современном этапе истории, так и особенностями развития процессов, протекающих в условиях социальной, политической, экономической и духовной нестабильности переходного периода российского общества.

Под влиянием объективных и субъективных процессов происходит трансформация исторического сознания, его мучительная ломка. В таком историческом сознании преобладают критические элементы, ригоризм и популизм, доминируют страсти и аффекты. Оно становится более податливым для трансформации и манипуляции. В то же время в переходные периоды истории тезис о соответствии характера исторического сознания характеру общества не теряет своего значения.

Эти особенности присущи историческому сознанию переходного периода российского общества. Под влиянием разразившегося в стране социокультурного кризиса, характеризующегося общим кризисом социальных отношений и расколом культуры, начался процесс разрушения исторического сознания, сформированного в советский период отечественной истории. Оно приобретало критический характер. Вначале эта критика шла в рамках социализма, но по мере усложнения экономической, социальной, политической и духовной ситуации в стране, все большего проникновения в сознание населения исторических идей, противоречащих официальным, определенная часть населения в своих оценках истории переходит к антикоммунизму и антисоциализму. Происходит отказ от марксистско-ленинской методологии, зарождаются цивилизационный, культурологический и другие подходы к

освещению истории.

В начале 90-х гг., в условиях широкого спектра политических партий и движений история становится средством политической борьбы.

Преодоление кризиса исторического сознания, его реабилитация диалектически связана с преодолением социокультурного кризиса российского общества. С другой стороны, реабилитация исторического сознания является важным фактором преодоления общего кризиса. Сегодня, когда страна переживает такой сложный, решающий период, от которого зависит как, какими темпами, в каком направлении пойдет дело в будущем, когда в обществе идут такие бурные процессы, очень многое зависит от уровня его исторического сознания. С этим связан общий идейно-политический фон в стране. И, конечно же, историческая проблематика, ее исследование играет огромную инструментальную роль, являясь необходимым компонентом обоснования того, как следует решать сегодняшние задачи.

Изучение характера, особенностей исторического сознания в переломные периоды жизни общества, анализ процессов, происходящих в нем под влиянием объективных и субъективных факторов, позволяют сделать следующие выводы:

1. Историческое сознание любого общества представляет собой равнодействующую его составляющих - официальных, сформированных государственной идеологией, и неофициальных - противоречащих данному обществу, либо нейтральных по отношению к нему.

Находясь в статичном состоянии в устоявшемся, относительно стабильном обществе, отражая идеологию государства, обрастая системой догм и стереотипов, историческое сознание в переломные периоды истории человечества приобретает динамичный характер, в нем начинают разрушаться утвердившиеся взгляды, с надлежащей остротой возникает вопрос об историческом движении и о смысле истории, зарождается рефлексия исторического познания, разрушается сложившееся равновесие составляющих исторического сознания.

2. Исторически переходный период в России конца XX - начала XXI вв. усугубил кризис исторического сознания. В рассматриваемый период этот кризис проявился в болезненном и сложном постижении исторической правды, как и в целом пути обновления общества. Тяжело переживались новые оценки истории советского периода, в особенности старшим поколением.

Кризисное состояние исторического сознания характеризуется, с одной стороны, сохранением прежних представлений об истории советского общества - немало остается людей, приверженных прежним подходам к оценкам исторического прошлого, с другой - появлением далеких от научных представлений реставрационных тенденций: зачеркивается все, что было после 1917 г., возносится все, что было до того. «Раньше мы плевали в то прошлое, которое было до семнадцатого года, - справедливо замечает писатель В. Распутин, - теперь мажем грязью то, что было позже...».³⁴⁹

К началу XXI в. обозначились симптомы преодоления кризиса исторического сознания. Основными показателями этих симптомов стали следующие явления:

- гласность и плюрализм исторического сознания стал превращаться в норму, в постоянно действующий фактор общественной жизни;
- плюрализм в исторической науке стал приобретать конструктивные черты, большую устойчивость;
- расширилась исследовательская проблематика;
- усилился процесс историко-философского осмысления прошлого.

Вместе с тем, к настоящему времени историческому сознанию так и не удалось выйти из кризиса. Оно по-прежнему отмечено печатью социокультурного кризиса, переходного периода и поэтому носит переходный характер. Политические перемены ведут к изменению исторических взглядов.

3. Социокультурный кризис российского государства не прошел бесследно для исторического сознания. Он оказал огромное влияние на его

³⁴⁹ Распутин В. «Из проклятий ничего не добыть...»// Диалог. - 1990. - № 4. - С. 107.

характер – в нем произошли кардинальные перемены.

Главными из них были, во-первых, разрушение сформированных в советский период представлений населения страны об истории своего государства. Этот процесс разрушения шел бурно, активно, на высокой эмоциональной волне. Люди увидели обратную сторону своей истории, историческое сознание приобрело критический характер.

Во-вторых, характерной особенностью исторического сознания общества явился переход от монизма к плюрализму. Однако вплоть до настоящего времени этот плюрализм в оценках прошлого идет не от научной обоснованности, а от растущей политической поляризации.

И, наконец, одной из особенностей исторического сознания переходного периода явилась его усиливающаяся политизация. Исторические события неумолимо вторгаются в повседневную действительность, а в ряде случаев оказываются в эпицентре политической жизни. Так было вокруг событий в Нагорном Карабахе, в Приднестровье, в Прибалтике и, наконец, в Чечне.

4. Экономические, политические и социальные процессы, происходящие в стране в условиях социокультурного кризиса вызвали новые явления в духовной сфере - на основе формирующегося нового исторического сознания, адекватного переходному периоду начало формироваться новое историческое мышление.

Его важными признаками явились следующие:

- решительный отказ от догматических вульгарно-социологических схем, сформированных в историческом сознании переходного периода, основанных на одностороннем, отрицающем классовый подход понятиях и переход к объективному историческому исследованию, сочетающему в себе формационный и цивилизационный подходы;
- отказ от ложного убеждения в монополии какой бы то ни было партии на историческую истину, плюрализм мнений, относительная идеологическая и политическая терпимость;
- изменившиеся представления о роли личности, человека, субъективного

фактора в истории. Человек предстал в историческом сознании как субъект исторического процесса, стремящийся к свободе экономической, политической, интеллектуальной, к возможности самовыражения, реализации своих способностей, заложенных в нем потенций;

- пересмотр устоявшихся исторических представлений, оценок множества исторических событий и фактов, самой концепции истории, новое видение прошлого;

- отказ от понимания насилия как решающего фактора прогресса человеческого общества;

- признание единства исторических судеб человеческой цивилизации;

- сочетания марксистского представления прогресса человечества как смены общественно-экономических формаций и цивилизационного подхода к изучению истории, включающего как объективный (формационный), так и субъективный (антропологический) аспекты процессов истории;

5. На основе нового исторического мышления происходит изменение менталитета всех слоев населения России, отвергающего идеи демократического либерализма, национализма и шовинизма, и проявляющегося, в первую очередь, в росте самосознания личности, утверждении ее достоинства, гражданской ответственности, социальной и политической активности, стремлении к социальной справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Аверладзе Г.Ш. Национальная идея как феномен российской политической культуры: Дис. ...канд. филос. наук. - Ставрополь, 1999. - 167 с.
2. Андрухов Н.Р. Идеологическая работа - фактор ускорения и перестройки. - М.: Знание, 1988. - 64 с.

3. Анисимов И.И. Историческое сознание как феномен культуры /к постановке проблемы// Сознание и диалектика познания: Межвузовский сборник научных трудов. - Иваново: Изд-во ИГУ, 1986. - С.114 –120.
4. Андреев А. Л. Историческое самосознание. Теория. История. Практика. – Красноярск: РИО КГПУ, 2002. – 280 с.
5. Антонович И.И. В.И. Ленин и общечеловеческая цивилизация// Вопросы - истории КПСС. - 1991.- №7. - С.7-18.
6. Артамонов В. Катастрофы в истории российской государственности// Общественные науки и современность. - 1994. – №3. - С.61-68.
7. Астафьев В. Открытое письмо// Московские новости. - 1988. – 8 мая.
8. Афанасьев Ю. Память, история// 50/ 50:Опыт словаря нового мышления/ Под ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. - М.: Прогресс, 1989. - С.442-446.
9. Афанасьев Ю. Социализм. Настоящее и будущее// Коммунист. - 1990. - №3. - С. 59.
10. Ахиезер А.С. Россия - критика исторического опыта. - В 3 т. - М.,1991. - Т. 3. - 470 с.
11. Багно И.Г. Социокультурный подход в исследовании переходных процессов в современной России: Дис. ...канд. филос. наук. - Омск, 1998. - 110 с.
12. Барабанов Е. Ш. Русская философия и кризис идентичности// Вопросы философии. - 1991. - № 8. - С.116-122.
13. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии// Вопросы истории. - 1982. - №12. - С.49-66.
14. Бегенов Н. М. От социальной амнезии к полной аномии// XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса /7-11 июня 1999 г./.-В 2 т. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. - Т.2. - Ч.1. - С.131-132.
15. Беляев В. Император Николай Второй. Воля государя// Русский Восток.- 1993. - № 10. - С.3.
16. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука, 1990. - 224 с.

17. Бердяев Н. А. Смысл истории. - М.: Мысль, 1990. - 175 с.
18. Бессмертный Ю.Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии// Вопросы истории. - 2000. - № 9. - С. 152-158.
19. Блохин И. Правда о перестройке/ Кто и зачем «перестраивал» СССР?// Историческая газета. - 2001. - № 7. - С.11.
20. Бовин А. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма //Иного не дано. - М.: Прогресс, 1988. - С.519-550.
21. Богданов А. А. Технология. Всеобщая организационная наука. - В 2 кн. -М., 1982. - Кн.2. - 218 с.
22. Борбатько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства// Вопросы философии. - 2000. - № 11. - С. 12-26.
23. Бордюгов Г.А. Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды// История Отечества: люди, идеи, решения. - М. Политиздат, 1991. - С.263-265.
24. Бордюгов Г.А., Козлов В. Время трудных вопросов. История 20 - 30 годов и современная общественная мысль// Урок дает история/ Под общ. ред. В. Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова; Сост. А.А. Ильин. - М.: Политиздат, 1989. - С.232-267.
25. Борозняк Л.И. 22 июня 1941 года: взгляд с «той» стороны// Отечественная история. - 1994. - №1. - С.148-156.
26. Быстрова И.В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность// Отечественная история. - 1993. - № 3. - С.19-34.
27. Василенко Ю.В. Соотношение формационной и цивилизационной концепций исторического процесса: Дис. ...канд. филос. наук. - Пермь, 1999. – 169 с.
28. Васильев Л. Кризис социализма// Через тернии/ сост. А. А. Протащик. -М.: Прогресс, 1990. - С.9-59.
29. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. Пер. с фр. 2-е изд. -М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 2000. – 544 с.
30. Владиславлев А. Отечество в поиске// Независимая газета. - 2000. - 15

марта.

31. Вокруг раскулачивания. Материалы «круглого стола»// В человеческом измерении/ Под ред. и с предисл. А.Г. Вишневого.-М.: Прогресс, 1989. - С.129-147.
32. Волобуев П. Власть Советов: расчеты и просчеты /1917-1923/ //Коммунист. - 1991. - № 11. - С.68-82.
33. Володина В.Т. У истоков «национальной идеи» в русской историографии// Вопросы истории. - 2000. - № 11. - С. 3-19.
34. Гаврилов О.Ф. Историческое сознание и его социальные функции /методологический анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - Томск, 1986. - 175 с.
35. Гайдар Е.Т. Это решение - чисто политическое// Известия. - 1994. - 20 янв.
36. Гайдар Е.Т. «Истово» и «неистово»// Московские новости. - 1988. - 8 мая.
37. Гайер Д. Насилие и история в посткоммунистическое время// Вопросы философии. - 1995. - № 5. - С.26-31.
38. Гегель. Лекции по философии истории. Соч. - в 8 т. - М. - Л., 1935. - С.7-8.
39. Гензелис Б.К. Человек и историческое сознание// Некоторые аспекты философского понимания человека. - Вильнюс: АН Лит.ССР. Инс-т философии, социологии и права. Лит. отделение филос. общ-ва СССР, 1987. - С. 29-35.
40. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. - М.: Политиздат, 1987. - 62 с.
41. Горбачев М.С. О практической работе по реализации решений Всесоюзной партийной конференции// Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 29 июля 1988 г. - М.: Политиздат, 1988. - С. 3-12.
42. Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка// Коммунист. - 1989. - № 18. - С. 3-36.
43. Горбачев М.С. «...я покончил с коммунизмом в Европе» /Речь на семинаре в Американском университете в Турции// Историческая газета. - 2001. - № 5. - С. 2.
44. Гобозов И.А. Введение в философию истории. - Изд-е 2-е, переработанное и

дополненное. - М.: ТЕИС, 1999. - 363 с.

45. Гранин Д. Триумф наследников побежденных// Время. - 1994. - 26 авг.

46. Гришаев С.В. Запад: права и вымыслы о населении СССР. - Красноярск: КГУ, 1992. - С. 18-19.

47. Грушин В.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. - М.: Политиздат, 1987. - 368 с.

48. Грэхем Т. Мир без России?// Независимая газета. - 1999. - №11. - 8 дек.-С. 7.

49. Гусев К.В. Перестройка и формирование общественного сознания /О чем говорят и пишут историки./ По материалам научных конференций и семинаров/. - М.: Знание, 1988. - С. 18-27.

50. Данилов В. П., Дмитриенко В. П., Лельчук В.С. НЭП и его судьба// Историки спорят. 13 бесед/ Под общ. ред. В.С. Лельчука. М.: Политиздат, 1989. - С. 122-190.

51. Данилов В. П. Третья волна// Вопросы истории. - 1988. - №3. - С.21

52. Дедков И. Октябрьская годовщина// Свободная мысль. – 1991. - №16. - С.3-6.

53. Демократия и тоталитаризм. Материалы дискуссий// Свободная мысль. - 1991. - № 15. - С.30-42.

54. Дилигенский Г.Г. Марксизм и проблемы массового сознания// Вопросы философии. - 1983. - № 11. - С.3-12.

55. Другая война: 1939 - 1945. – М.: Российский гос. гуманитарный университет, 1996. - 490 с.

56. Дэвис Н. Эллада// История. - 2001. - №1. - С.9-16.

57. Евлахов А.А. Кризис КПСС: истоки и уроки. - М.: Знание, 1991. - 64 с.

58. Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. - М., 1998. - 327 с.

59. Егоров М.И. Лучше бы мы сдались Гитлеру// Военно-исторический журнал. - 1991. - № 8. - С.2.

60. Елчанинов В.А. О содержании и сущности исторического сознания// Диалектика форм и уровней общественного сознания: Межвузовский сборник научных трудов. - Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993. - С.3-9.

61. Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. -М.: Мол. гвардия, 1989. - 320 с.
62. Еще один спор об альтернативе// Социализм между прошлым и будущим/ Ред. - сост. В.П. Киселев, И.М. Клямкин. - М.: Прогресс, 1989. - С.312-328.
63. Жириновский В. В. «Я союзник, а не попутчик». - М., 1996. - 60 с.
64. Журавлев Г.Т., Меркушин В.И., Фомичев Ю.К. Историческое сознание: опыт социологического исследования// Вопросы истории. - 1989. - № 6. -С. 118-131.
65. Замошкин Ю. А. «Конец истории»: идеологизм и реализм// Вопросы философии. - 1990. - № 3. - С. 148-155.
66. Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса. – М.: 1998. - 356 с.
67. Замчалова И. Ю. Теоретико-методологические основы исторических исследований и современная научная парадигма: Дис. ...канд. филос. наук. - Саратов, 1999. - 139 с.
68. Замышляев В.И. Цветомузыку на хлеб не намажешь //Советская Россия. Специальный выпуск в Красноярском крае. - 2001. - Декабрь. - С. 2.
69. Заславская Т. Вперегонки со временем// Общественные науки и современность. - 1993. - №3. - С. 5-16.
70. Золотарев В. Возвращаясь к урокам прошлого// Свободное слово. - 2001. -№ 6, - С. 8-16.
71. Зуев К. Существует ли смысл истории? /О философии истории К. Поппера// Общественные науки и современность. - 1994. - № 5. - С. 118-127.
72. Зюганов Г.А. Идеология на полигоне кризиса// Диалог. - 1991. - № 7. - С. 34-40.
73. Иванченко В. Глобализация и общественный менталитет// Вопросы экономики. - 2001. - № 12. - С. 146-150.
74. Игрицкий Ю.М. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа// Отечественная история. - 1998. - № 1. - С. 3-23.
75. Идеологические проблемы перестройки. /«Круглый стол» журнала

- «Коммунист»/ Коммунист. - 1988. - № 7. - С. 3-28.
76. Ильин И.А. Наши задачи. – Париж - Москва, 1992. - 192 с.
77. Иного не дано. - М.: Прогресс, 1988. - 680 с.
78. Интервью английского профессора Э. Карра журналу «Нью лефт ревью»// Московские новости. - 1986. - 9 ноября.
79. Исаев И. Евразийство: идеология государственности// Общественные науки и современность. - 1994. - № 5. - С. 42-55.
80. Историки спорят. 13 бесед /Под общ. ред. В.С. Лельчука. - М.: Политиздат, 1989. - 510 с.
81. Историческая наука. Проблемы методологии. - М., 1986. - 196 с.
82. Историческая память обновляющегося общества// Коммунист. - 1990. -№ 18. - С. 13 - 38.
83. Историческое сознание общества - на уровень задач перестройки// Вопросы истории. - 1990. - № 11. - С. 3-23.
84. История России в вопросах и ответах. Курс лекций. Учебное пособие/ Сост. С.А. Кислицын. - Ростов-на-Дону; Изд-во «Феникс», 1997. - 608 с.
85. История России XIX-XX вв. Учебник для исторических факультетов университетов/ Под ред. В.А. Федорова. - М.: Зерцало, 1998. - 752 с.
86. История России/ Россия в мировой цивилизации/: Учеб. пособие для вузов/ Сост. и отв. ред. А.А. Радугин. - М.: Центр, 1998. - 352 с.
87. Калганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. - М.: Экономика, 1990. - 173 с.
88. Каменская Р.А. Историческое сознание: Дис. ...канд. филос. наук. - Волгоград, 1999. - 119 с.
89. Капица С. Наш храм науки почти сгорел/ Российская газета. - 2001. - 21 дек. - С. 8-9.
90. Кантор В.В. Западничество как проблема «русского пути»// Вопросы философии. - 1993. - № 4. - С. 24-34.
91. Капто А.С. Историческая наука и формирование исторического сознания// Вопросы истории КПСС. - 1989. - № 11. - С. 20-34.

92. Капто А.С. Углубить перестройку политической учебы// Политическое самообразование. - 1989. - № 13. - С. 12-20.
93. Капустин Б. Либеральное сознание в России// общественные науки и современность. - 1994. - № 4. - С. 32-41.
94. Карр Э. Революция в России и Запад// Свободная мысль. - 1991. - № 16. -С. 20-25.
95. Кинкулькин А. Знать правду о прошлом// Партийная жизнь. - 1990. - № 1. - С. 57-63.
96. Кириллов Н.П. Массовое сознание как объект социологического анализа: Дис. ...докт. истор. наук. - Томск, 1995. - 315 с.
97. Клименко В. Россия: тупик в конце туннеля?// Общественные науки и современность. - 1995. - № 5-6. - С.71-80.
98. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. - М., 1983. - 365 с.
99. Ключевский В.О. Соч. В 9 т./ Под ред. В.Л. Яшина; Послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимина. - М.: Мысль, 1988. - Т. 3. - Ч. 3. -414 с.
100. Ковшов Е.М. Социальная рефлексия:/ структура, формы и функции/: Дис. ...докт. филос. наук. - Саратов, 1999. - 271 с.
101. Когда рушатся империи...// Вопросы истории. - 1994. - № 7. -С. 165-166.
102. Козлов Б.А. Вопросы перестройки историко-партийной науки// Вопросы истории КПСС. -1988. - № 9. - С. 154-159.
103. Козлов В.А. Историк и перестройка// Вопросы истории КПСС. - 1987. -№5. - С. 99-121.
104. Козлов В.И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос// Отечественная история. - 1993. - № 2. - С.44-64.
105. Козлов Н. Как мы делали свободный выбор// Свободная мысль. - 1992. №17. - С. 65-74.
106. Кон И.С. К проблеме национального характера// История и психология. - М.: Наука, 1971. - С. 127.
107. Кон И.С. Проблемы истории в истории философии// Методологические и

историографические вопросы исторической науки. - Вып. 4. - Томск, 1986. - С. 14-55.

108. Кромер В.Ф. О карнавализации как генезисе «двойного сознания»// Вопросы философии. - 1991. - № 1. - С. 166-185.

109. «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?»// Вопросы философии. - 2000. - № 9. - С. 3-28.

110. Крымский С. Б. Метаисторические ракурсы философии истории// Вопросы философии. - 2001. - № 6. - С. 32-41.

111. К 120-летию со дня рождения В.И.Ленина// Правда. - 1990. - 7 марта.

112. Курашвили Б. СССР в 2000 году// Через тернии/ сост. А.А. Протащик. -М.: Прогресс, 1990. - С. 634-676.

113. Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи// Полис. -1996. - № 1-2. - С. 118-119.

114. Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации// Вопросы философии. - 1992. - № 12. - С.29-41.

115. Лапкин В., Пантин В. Что такое сталинизм// Осмыслить культ Сталина. - М.: Прогресс, 1989. - С. 327-336.

116. Латышев А.Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1991. - 201 с.

117. Левада Ю.Н. Историческое сознание и научный метод// Философские проблемы исторической науки. - М.: Наука, 1969. - С. 186-224.

118. Левада Ю. Сталинские альтернативы// Осмыслить культ Сталина. - М.: Прогресс, 1989. - С. 448-459.

119. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. - М.: Канон, 1996. - 418 с.

120. Ленин В. И. Полн. собр. соч. - Т. 6. - С. 41.

121. Лесков Л.В. Капитализм в России в свете теории катастроф// Общественные науки и современность. - 1994. - № 1. - С. 150-160.

122. Либиг Ю. Историческое сознание как предмет философского

исследования: Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1983. - 187 с.

123. Лобковиц Н. Поворотное время: мысли к посткоммунистической эпохе. - Ворцбург, 1993. - 310 с.

124. Лосева О.А. Философско-аксиологический анализ исторического сознания: Дис. ...канд. филос. наук. - Саратов, 1998. - 161 с.

125. Лоцилов П.Г. Формирование общенациональных ценностей и идеологических ориентиров современной России: проблемы и основные тенденции: Дис. ...канд. полит. наук. - Ростов-на-Дону, 2001. - 175 с.

126. Лучше бы мы сдались Гитлеру?// Военно-исторический журнал. - 1994. - № 8. - С. 70.

127. Львов Д. Восемь месяцев из жизни страны /О книге Е. Примакова «Восемь месяцев плюс...»// Вопросы экономики. - 2001. - № 9. - С. 151-154.

128. Львов Д.С. Образ России - истоки формирования// Вопросы философии. - 1998. - № 4. - С. 31-47.

129. Любимов Л. К какой системе принадлежат США?// Литературная газета. - 1989. - 29 июня.

130. Маклаков В.Т. Историческое сознание: природа, формы бытования, язык// Историческое познание и современность. - Свердловск: Уральс. науч. центр., 1987. - С.29-40.

131. Малахов В.С. Еще раз о конце истории// Вопросы философии. - 1994. - № 7-8. - С. 48-50.

132. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 8. - С. 115-217.

133. Маркс К. Немецкая идеология// Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 2. - С. 5-76.

134. Маслов Н.Н. Историко-партийная наука: современные проблемы, решения. - М.: Знание, 1989. - 64 с.

135. Маслов Н.Н. Политическая история СССР: предмет, содержание, задачи. - М.: Политиздат, 1991. - 64 с.

136. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии

- Советского Союза, 28 июня - 1 июля 1988 г. - М.: Политиздат, 1987. - 160 с.
137. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 г. - М.: Политиздат, 1987. - 48 с.
138. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987г. - М.: Политиздат, 1987. - 94 с.
139. Между либерализмом и популизмом не лежит ни пяди российской земли// Российские вести. - 2001. - 14 июня. - С. 4-5.
140. Межуев В.М. О национальной идее// Вопросы философии. - 1997. - № 12. - С. 3-14.
141. Межуев В.М. Философия истории и историческая наука// Вопросы философии. - 1994. - № 4. - С. 74-86.
142. Мелешкин В. В. Историческое сознание как фактор формирования личности в ситуации социокультурного кризиса: Дис. ... канд. истор. наук. - Ставрополь, 1998. - 159 с.
143. Мигранян А.М. Россия в поисках идентичности /1985-1995/: /Сб. ст. и очерков/. - М.: Междунар. отношения, 1997. - 410 с.
144. Минайлов В.И. Утверждать великие традиции большевизма. - М.: Наука, 1988. - 64 с.
145. Минкин А. Броня крепка// Огонек. - 1991. - № 4. - С. 4.
146. Михайлов Н. Реабилитация продолжается? Злободневные дополнения к изданной книге// Коммунист. - 1991. - № 11. - С. 39-43.
147. Могильницкий Б.Р. Введение в методологию истории. - М.: Наука, 1989. - 178 с.
148. Моисеев Н.Н. обращение к участникам «круглого стола» на тему «Быть или не быть... человечеству?»// Вопросы философии. - 2000. - № 9. - С. 3-5.
149. Морозова Л.Е. Василий Иванович Шуйский// Вопросы истории. - 2000. - № 10. - С. 72-97.
150. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века /Из истории общественно-политической мысли России/. -М., 1994. - 187 с.
151. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От

становления самодержавия до падения Советской власти. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА - М., 1999. - 699 с.

152. Мусаелян А.А. Об историческом сознании современной России// XXI век: будущее России в философском измерении Материалы Второго Российского философского конгресса /7-11 июня 1999 г./ - В 2т. -Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. - Т. 2. - Ч. 1. - С. 152-153.

153. Мысливченко А.Г. Западная социал-демократия: тенденции обновления и модернизации// Вопросы философии. - 2001. - № 11. - С. 3-14.

154. На берегу новой реальности. Комментарий// Свободная мысль. - 1991. - № 17. - С. 3-7.

155. Назаров М. Тайна России. Историсофия XX века. - М.: Альманах «Русская идея». - Вып. 5. - 1999. - 736 с.

156. Наумов В., Курин Л. НЭП: суть, опыт, уроки// Урок дает история. - С. 91-106.

157. Наше Отечество. Опыт политической истории. - В 2т. - М., 1991. - Т. 2 - 620 с.

158. Неклесса А.И. Трансмутация истории// Вопросы философии. - 2001. - № 3. - С. 58-71.

159. Нерсесянц В.С. Продолжение истории. От социализма к цивилизму// Вопросы философии. - 1993. - № 4. - С. 3-14.

160. Нетрадиционные религии в посткоммунистической России/ «круглый стол» //Вопросы философии. - 1996. - № 12. - С. 3-32.

161. Никитин В. Ленин и Мартов: несостоявшийся диалог о новой экономической политике// Диалог. - 1991. - № 10. - С. 64-65.

162. Новый курс реформирования России. - М.: Академия, 1996. - 358 с.

163. Нора П. Память, история// 50/50: Опыт словаря нового мышления/ Под ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. - С. 440-441.

164. Нуйкин А. «Новое мышление и старые советы»// Через тернии/ Сост. А. А. Протащук. - М.: Прогресс, 1990. - С. 84-105.

165. Общественное сознание и перестройка. - М.: Знание, 1990. - 217 с.

166. Октябрьская революция и современность// Вопросы истории КПСС. -1991. - № 7. - С. 153-156.
167. Октябрьская революция: ожидания и результаты. Научная конференция в Москве// Отечественная история. - 1993. - № 4. - С. 212-216.
168. О Ленине: правда против неправды// Диалог. - 1990. - № 6. - С.20-27.
169. Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия// Вопросы философии. - 1997. - № 10. - С.3-12.
170. Осмыслить культ Сталина. - М.: Прогресс, 1989. - 656 с.
171. Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании: Дис. ...докт. филос. наук. - М., 1998. - 329 с.
172. Пайпс Р. Россия при новом режиме// Диалог. - 1991. - № 5. - С. 36-45.
173. Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитический вызов и цивилизационные ответы// Вопросы философии. - 1994. - № 12. -С. 18-31.
174. Панков В. Третий раскол? Опыт примирительного диалога// Диалог. - 1990. - № 6. - С. 75-86.
175. Пантин И., Плимак Е. Россия XVIII-XX веков. Тип «запоздавшего исторического развития»// Коммунист. - 1992. - № 11. - С. 54-68.
176. Партия и новые общественно-политические движения: проблемы диалога. - М.: Знание, 1990. - 64 с.
177. Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития /методологический анализ/: Дис. ...канд. филос. наук. - Красноярск, 1995. - 130 с.
178. Пашинский В.М. Цикличность в истории России// Полис, - 1994. - № 4. - С. 111-124.
179. Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель/ Сост. В.А. Иванов. - М.: Политиздат, 1989. - 494 с.
180. Перестройка и нравственность /Материалы «круглого стола»/ //Вопросы философии. - 1990. - № 7. - С. 3-24.
181. Перестройка работы партии - важнейшая ключевая задача дня: Совещ. в ЦК КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и

- обкомов партии, 18 июля 1989 г. - М.: Политиздат, 1989. - 111 с.
182. Пицулин Н. Что мы думаем о политике и наших лидерах// Диалог. 1990. - № 2. - С. 5.
183. Платонов С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. - М.: Мол. Гвардия, 1990. - 255 с.
184. Плимак Е.Г., Пантин И.И. Драма российских реформ и революций /сравнительно-политический анализ/. - М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. - 360 с.
185. Поляков Л.В. Как Россия нас обустривает. Избр. Социол.-филос. публицистика/ Рос. акад. наук, Ин-т философии. - М.: ИНФРА, 1996. - 256 с.
186. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Политические заметки. - М.: «АИРО-XX», 1995. - 216 с.
187. Поляков Ю. Познание прошлого: преодолен ли застой? Заметки историках// Коммунист. - 1990. - № 15. - С.42-47.
188. Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития// Осмыслить культ Сталина. - С. 284-326.
189. Попов Г. Россия ищет идеологию нового тысячелетия// Независимая газета. - 2000. - 25 авг.
190. Принципы перестройки: революционность мышления и действий// Правда. - 1988. - 5 апр.
191. Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. - М. Политиздат, 1982. - 55 с.
192. Распутин В. «Из проклятий ничего не добыть...»// Диалог. - 1990. - № 4. - С. 107.
193. Рашковский Е. Б. На оси времени. Очерки по философии истории. - М.: Прогресс-Традиция, 1999. - 208 с.
194. Режим личной власти Сталина. К истории формирования. - М.: Прогресс, 1989. - 256 с.
195. Риск исторического выбора в России /материалы «круглого стола»// Вопросы философии. - 1994. - № 5. - С. 3-26.
196. Рормозер Г. Кризис либерализма. - М., 1996. - 318 с.

197. Россия в условиях стратегической нестабильности /Материалы «круглого стола»// Вопросы философии. - 1995. - №9. - С. 3-42.
198. Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. - М.: Эдиториал, УССР, 1999. - 272 с.
199. Рыжов С. О царе-мученике и его монархической идее// Русский Восток. - 1993. - № 10. - С.4.
200. Самиев А. Генезис и развитие исторического сознания. – Душанбе: Дониш, 1988. - 120 с.
201. Самиев А.Х. Становление и развитие исторического сознания как самосознания общества: Дис. ...докт. филос. наук. - М., 1995. - 271 с.
202. Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - М.: Политиздат, 1988. - 368 с.
203. Сахаров А. Н. Демократия и воля в нашем Отечестве// Свободная мысль. - 1991. - № 17. - С. 42-53.
204. Северьянов М.Д. Размышления о революции. Учебное пособие. - Красноярск: КрасГАСА, 1998. - 188 с.
205. Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание: проблема формирования и развития. - К.: «Лыбидь», 1991. - 176 с.
206. Симонов Н.С. Термидор, Брюмер или Фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность// Отечественная история. - 1993. - № 4. - С. 3-18.
207. Советское общество и советский человек - точка зрения Александра Зиновьева /Материалы «круглого стола»// Вопросы философии 1992. - № 11. - С. 44-56.
208. Современная Россия: тенденции и альтернативы развития// Социально-политический журнал. - 1993. - № 9-10. - С. 3-10.
209. Согрин В.В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак?// Вопросы философии. - 1996. - № 8. - С. 3-18.
210. Согрин В.В. К новому Историческому сознанию// Общественные науки. – 1989. - №3.

211. Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена// Вопросы философии. - 1994. - № 11. - С. 3-18.
212. Соловей В. Встанет Третий Рим - православные монархисты сегодня. - М., 1992. - 112 с.
213. Солоухин В. Читая Ленина// Родина. - 1989. - № 10. - С. 16-17.
214. Сорокин Д. Вызовы нового века и стратегический ответ России /в порядке обсуждения// Вопросы экономики. - 2001. - № 11.
215. Социологический энциклопедический словарь. Редактор-координатор-академик Г.В. Осипов. - М.: Издательская группа ИНФРА-М. - НОРМА, 1998. - 488 с.
216. Стаднюк И. Право на поиск истины// Социалистическая индустрия 1987. - 14 июня.
217. Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах /20 - 80-е годы// Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 12. - С. 37-48.
218. Суворов В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну? - М., 1992. - 575 с.
219. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. - М.: Политиздат, 1989. - 512 с.
220. Терехова В.А. Миф как парадигма общественного сознания// XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса /7-11 июня 1999 г./. - В 2 т. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. - Т. 2. - С. 87-88.
221. Топорнин В.Н. Сильное государство - объективная потребность времени// Вопросы философии. - 2001. - № 7. - С. 3-24.
222. Тульчинский Г.Л. Об одной ошибке русской философии// Вопросы философии. - 1995. - № 3. - С.83-94.
223. Уледов А.К. Структура общественного сознания. - М.: Мысль, 1968, -324 с.
224. Урок дает история /Под общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова; Сост. А.А. Ильин. - М.: Политиздат, 1989. - 414 с.
225. Устьянцева В.В. Историческое сознание и социальная память //Исторические воззрения как форма общественного сознания: материалы

научной межвузовской конференции /Саратов, 2-4 июня 1993 г./ - Саратов: Изд-во Саратовского гос. тех. ун-та, 1993. - С. 3-10.

226. Федулин А.А. Новый этап развития исторического знания// Вопросы истории КПСС. - 1990. № 6. - С. 3-38.

227. Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса. Международный семинар в Новосибирске// Вопросы истории. - 1993. - № 5.-С. 215-217.

228. Философия в СССР: версии и реалии /материалы дискуссии/ //Вопросы философии. - 1997. - №11. - С. 3-38.

229. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности// Общественные науки и современность. - 1998. № 3. - С. 3-18.

230. Флиер А.Я. Энтропия социально-культурного// Культурология XX века. Словарь. - СПб., 1997.

231. Фридрих Кл. О функциях одной мыслительной фигуры// Вопросы философии. - 1994. - № 7-8. - С. 50-58.

232. Фромм Э. Социализм// Коммунист. - 1991. - № 11. - С. 27-38.

233. Фукуяма Ф. Конец истории?// Вопросы философии. - 1990. - № 3. - С. 134-147.

234. Хлевнюк О. 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие// Свободная мысль. - 1991. - № 17. - С. 75-87.

235. Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год// Отечественная история. - 1993. - № 4. - С. 19-31.

236. Ципко А. Истоки сталинизма// Наука и жизнь. - 1988. - №11,12; - 1989. -№ 1,2.

237. Ципко А. Противоречия учения Карла Маркса// Через тернии /Сост. А.А. Протащик. - М.: Прогресс, 1990. - С. 60-84.

238. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии: Учеб. пособие для вузов. - М.: Высш. шк., 1991. - 512 с.

239. Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания /от утопии к утопизму/ //Вопросы философии. - 2001. - № 7. - С. 47-58.

240. Шеррер Ю. Переосмысление прошлого. Опыт собственной жизни// Вопросы философии. - 1995. - № 5. - С. 22-26.
241. Шипунов Ф. Мировое чудо. Русь самодержавная// Русский Восток. - 1993. - № 7. - С.3.
242. Ширманова М.Ю. Историческое сознание общества /Философский анализ//: Дис. ...канд. филос. наук. - Ростов-на-Дону, 1983. - 170 с.
243. Штомпель О.М. Социокультурный кризис /Теория и методология исследования проблемы//: Дис. ...докт. филос. наук. - Ростов-на-Дону, 1999. - 320 с.
244. Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления// Вопросы философии. - 2000. - № 8. - С. 79-87 .
245. Энгельс Ф. Письма Августу Бебелю, 24 июня 1885 г.// Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 36. - С. 59.
246. Энгельс Ф.// Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. – Т. 20. - С. 345.
247. Яковлев А. Послесловие. Глава из новой книги// Диалог. – 1990. - № 14. - С. 41-52.
248. Яковлев В.П. Историческая наука и историческое сознание// Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Серия общественные науки. -Вып. 4. - Ростов-на-Дону, 1978. - С. 38-45.
249. Яковлев В. П. Социальное время. - Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1980. - 160 с.
250. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1991. - 527 с.